

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 3 2022

Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ КАЧИНСКОГО

«Летний пейзаж»

«Берёзовая роща»

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 3 2022

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России (Москва)

САРАТОВ
2022

№ 3 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Александр НЕСТРУГИН. Уроки чтения	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Николай КРУПИН. Три старушки	8
ПОЭТОГРАД	
Анатолий АВРУТИН. Мне матушка песню пропела...	15
ОТРАЖЕНИЯ	
Владислав ЧЕРЕМНЫХ. Инженеры	22
ПОЭТОГРАД	
Наталья ДЖУРОВИЧ. Триумфально приходит весна...	106
КАМЕРА АБСУРДА	
Ольга ЧЕРЕНЦОВА. Форумский Одиссей	110
ПОЭТОГРАД	
Наталья БЕЛОЕДОВА. Чёрным по белому	123
ОТРАЖЕНИЯ	
Михаил ГОЛЬДРЕЕР. Ахтуба	128
Анатолий АРЕСТОВ. Спаситель книг	137
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Александра ЖАДАН. Старые часики	143
В МИРЕ ИСКУССТВА	
« Жемчужины слов » <i>Беседа Светланы Панкратовой с Аркадием Ининым</i>	147
СТАТЬИ	
Александр ДЕМЧЕНКО. Первый из титанов фарсиязычной поэзии	153
Юрий КОЗЛОВ. «Я был на Волге...»	169
РЕЦЕНЗИИ	
Сергей ФОЛИМОНОВ. Пути и перепутья прозы Натальи Леваниной	185
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Нина ТУРИЦЫНА. Художник Николай Качинский и школа его имени	188

**Александр
НЕСТРУГИН**

УРОКИ ЧТЕНИЯ

***

Писать – ещё трудней, чем жить...
 Когда декабрь в глаза снежит
 И век
 Смерзается меж век,
 Как смеркшее свеченье рек
 В сырых ресницах тростника...
 Но коль не лжёт
 Твоя строка,
 Она душе надежду даст.
 ...Так плуг отваливает пласт,
 И он лежит – тяжёлый, влажный...
 И, помня пустословья стыд,
 Чернеет правдой небумажной
 И солнцем, бьющим в срез, блестит.

***

Поэзия пеняет жизни зря,
 О ней темно и трудно говоря.
 Студя свет белый – белизной листа...
 Ведь суть строки, что явит лист, проста:
 Ей в горе быть, ещё не прожитом,
 И раной этой жизни, и жгутом,
 Суровым швом, сукровицей, бинтом –
 И, через слово, фразой: «А потом...»
 ...И у могильной выцветшей плиты
 Шептать ей: «Жизнь, не бойся темноты...»

-
- Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачевского района Воронежской области. В 1976 году окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Подъём», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «Дон», «Аргатак», «Волга–XXI век», «Гостиный двор», «Сура», «Берега», «День и ночь», «Простор» (Казахстан), «Южное сияние» (Украина), «На любителя» (США), «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и других изданиях. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат литературной премии имени В. Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2012), премии журнала «Наш современник» (2020). Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

***

Нашлись слова не все, ещё не все...
Они и есть от горестей заслон –
Синеют ли, как васильки в овсе,
Чернеют ли, как спеющий паслён.

И я спешу их отыскать тайком –
Взять синевы или спросить чернил...
Ведь в детстве не считал я сорняком
Паслён, что сладко губы мне чернил.

ОДУВАНЧИК

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

А. Ахматова

...И буду жить в своём народе!

Н. Рубцов

Чтоб просто жить в своём народе,
Я просто выхожу во двор.
И ковыряюсь в огороде,
И рву, мрачней, всякий сор,

Что душит ратью многоликой
Картофельную борозду:
Осот, щирлицу, повилыку,
И лопухи, и лебеду!

И к вечеру я гору сора
Не умещаю на рядно...
Но одуванчик у забора,
Хоть плачь, желтеет всё равно!

***

Элегии в ночи читают ивам,
Сырой лозе, обнявшей мель и мыс...
А что прочтёшь глухим речным обрывам
И вязам, что не зря не смотрят вниз?

Грусть не привьёшь здесь сыролозным, ивным,
Живым и гибким влажным черенком.
И грудь полна молчанием обрывным,
Сухих корней шершавым языком.

И смыслы слов подсудны и повинны
В том, что других ты не сыскал нигде.
И шёпот твой – комок обрывной глины,
Промеж корней катящийся к воде...

ЗАВОДИ

Ходим в люди-за-люди
Краем-стороной.
Позабыты заводи
Жизнью-быстриной.
Стыдно прежней меркою
Мерить счастья ком:
Густерой-фанеркою,
В палец окуньком.
Рвутся к фаргу-случаю
Зрелые лета –
Там, где сучат кручево
Кручи-омута.
Где моторы скорые
И рисковый клёв;
Где гремят истории,
Но не слышно слов...
А в тех людях-за-людях –
И улов не впрок.
Сердце ловит в заводах
Дрожь на поплавок...

ЖИЗНЬ

Дней золотых запас истрачен весь.
Хмуришь небес, сквозя, на снег срывается.
Прошлое – песком в глазах; и резь
С дымкою заречною сливается.

Всё, что и сбылось и не сбылось –
Даль, очки с беспомощными стёклами,
Стылый век с моей слезою тёплой –
Расплаваясь, с родиной слилось.

УРОКИ ЧТЕНИЯ

Да, учат чтенью – буквари,
А я, с тех пор, как волю помню,
Читал взапин осокори,
Водя тропинкою по пойме.

Слова за тёрном и лозой
Чудные вырасти сумели:
Они под солнцем и грозой
То вдруг белели, то синели.

Мне нравился букварь такой,
Где, метя русла и лиманы,
Осокори своей строкой
Прямые линии ломали.

То шли покосом, к слогу слог,
То, где обрыв, с ноги сбивались.
...И что по ним прочесть я смог
Тогда – всю жизнь потом сбывалось.

НОВОЕ ЗРЕНИЕ

На солнце, на птиц золотистых,
Ныряющих с облака щурок,
На полдень июльский лучистый
Смотрел я когда-то, не щурясь.

Теперь и дымок горизонта,
И солнце, и полдень знакомый
Зовёт мой прищур дальнотзоркий,
С ладонью сойдясь козырьковой.

Зовёт в этот час золочёный –
Всё то, что тогда промелькнуло.
...И светятся жёлтые пчёлы,
У щурок зажатые в клювах.

СЛОВО И ПОЛЕ

Что ни строка, то в терновом венце роковом...
Речь, ты свеча – или дремлющий пал на Руси?
...Полю же – сеять и жать. Ну и пот вытирать рукавом
То перелеска, то пыльной лесной полосы.

Всё-то мы слова выводим особенный сорт,
Тешимся думкой, что хлеба важнее оно.
...Поле, вдыхая колючую ость и осот,
В тёмных ладонях несёт золотое зерно!

Слово, прошу: первородство своё уступи,
Чтобы миры прозревала строка на веку –
Узким прокосом, где бабушка вяжет снопы,
Век собирая, рассыпанный по колоску...

РАВНИННОЕ

Родник иссох? Не бери
Слепую жажду гневной лирой.
Нет родника – в себе найди;
Не смог – в себе колодец вырой.

Берись немедля за дела!
И – за венцом венец – до края...
И ты поймёшь, как тяжела –
В тебе самом – земля сырая...

***

Ты – память... Стёжка в лопухах – и даль.
Не жалость ты, а хмель, и боль, и жаль;
Пчела в цветке: прижмусь щекой – ужалишь.

Ты – память. И мой век вздымаешь ты,
Как лемех – затравевшие пласты,
Как плуг, вернуть решивший людям залежь.

Не только мне – всем дням округе всей...
Ты – свет зерна и тихий шёпот: «Сей!»
Упав зерном, истлев, ты корни пустишь.

Ты время поворачиваешь вспять,
Чтоб залежь века прошлого поднять
И нынешнего брошенную пустошь.

Ты – стёжка, приручившая простор,
И всё, что дрожью век сказал костёр
Течению, и берегу, и вязу.

Ты – мой рассвет, и холод мой, и зной,
Ты – то, что было кровью, жизнью, мной,
И, может, после выстынет не сразу...

***

Жизнь теребит: «Ответы!»
И голос гнёт ветрами...
Но речь твоя, как ветвь,
Расправится упрямо.
Как росная трава,
Примятая утрами...
Права иль не права,
Она ответит прямо
Ветрам, дождям, снегам,
И тишине, и смерчу.
Таящимся врагам.
И темноте.
И смерти...
И будет всем ветрам –
Ветвями и травюю.
И, как её ни правь, –
Упрямой.
И – прямою.

**Николай
КРУПИН**

ТРИ СТАРУШКИ

В конце июня поехал я по семейным делам в своё родное село. В эту пору в наших краях самая пора сбора лесной земляники. Вот уже много лет я покупаю лесную землянику не на городских рынках, а в деревне – там, где её и собирают. Небольшую часть сладких и душистых ягод мы с семьёй съедаем сразу, а из оставшихся варю варенье, его у нас в семье называют «папиным вареньем».

Завершив свои дела, через два дня я собрался назад, в город. Выехал из села после обеда. Как раз в это время – по моим расчётам – сборщики ягод должны стоять у дороги со своими пластмассовыми ведёрками разного калибра и предлагать к продаже свежесобранную красную, сладкую, ароматную лесную землянику.

Несколько дней назад прошли дожди, всё вокруг зеленело и цвело. Но я поймал себя на мысли, что красоты природы меня мало волнуют в данный момент – появилось нехорошее предчувствие, что с покупкой ягод будут проблемы.

А вот и первые продавцы: ещё издали я увидел, что на остановке автобуса, под навесом прячась от солнца, стояли две женщины. «Это ягодницы», – подумал я и не ошибся. Подъехав поближе, увидел ведра и ведёрки, выставленные чуть ли не на проезжую часть дороги.

Цена, которую назвала молодая бойкая женщина за маленькое пластмассовое ведёрко земляники, обескуражила. Я, конечно, понимал, что сбор ягод – работа нелёгкая. Но есть же какой-то предел!

Увидев мою задумчивость, женщина сказала, что такая цена сейчас везде и что дешевле ягоды нигде не купить. Такой маркетинговый нажим мне сильно не понравился, и я поехал даль-

-
- Николай Дмитриевич Крупин родился в 1954 году в селе Смольково, Иса克林ского района Куйбышевской области. В 1977 году окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «Инженер-механик». В 1984 году окончил Куйбышевский государственный университет по специальности «Историк». Трудился рабочим, инженером, преподавателем. Был частным предпринимателем. С 1974 по 1978 гг. – активный участник движения авторской песни. Рассказы печатались в журналах: «Русское эхо» (Самара), «Смена» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Чайка» (США), «Эдита» (Германия), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Вторник» (Москва), «Волга–XXI век» (Саратов). Автор двух книг прозы. Член СП России. В настоящее время живёт в г. Самара.

ше. Пока я ещё не сильно переживал – чуть дальше по дороге был посёлок, а там продавцов ягод всегда много. Но какая же была досада: место продажи даров природы рядом с посёлком пустовало. Должно быть, поселковые весь свой товар продали. Возвращаться назад к бойкой женщине на повороте не хотелось: и примета плохая – возвращаться, да и не было желания у такой напористой продавщицы что-то покупать. Стал вспоминать: а сколько варенья у нас осталось с прошлого года? Оказалось, что одна семисотграммовая стеклянная банка. Негусто. Но оставался ещё один вариант – рынок в райцентре. Цены там, конечно, заоблачные, но что делать, заплачу, не оставаться же на зиму без ягодного варенья. До райцентра было примерно тридцать минут езды, пока ехал – вспоминал, как в детстве ходил в лес за ягодами.

Конечно, сначала я ходил со взрослыми. Было мне в ту пору лет пять, ну, может, шесть. Для сбора ягод мне давали маленький бидончик. Это сейчас бидончики исчезли из хозяйственного обихода, а тогда, лет пятьдесят назад, они в ходу были и в городе, и в деревне. Бидончик мне давали двухлитровый. А как трудно было его наполнить ягодами! Самые большие и крупные так сильно в рот просились – прямо ни за что не устоять!

Позднее, школьником, уже с друзьями за ягодами ходил в компании трёх-четырёх человек. Ещё позднее, лет в десять-двенадцать, стал иногда ходить к лесу один, находил и особо не разглашал свои ягодные места. И в этом не было никакого эгоизма – так многие поступали.

Нам, сельским ребятам, это занятие – сбор ягод – если честно, было не по душе. На полянках около леса ни ветерка; зной и духота, нещадно кусают слепни. А совсем недалеко речка, два пруда и полно купальщиков. Ещё можно пойти на рыбалку... Но сбор ягод – это хозяйственная необходимость. С ягодами пекли пироги: красно-коричневые, прямо из печи, они истекали сладким соком спелых свежих ягод, и съесть их, запивая холодным молоком, считалось большим удовольствием. Варили из ягод варенье – вот тут самым лакомым были пенки. Ягоды сушили, чтобы зимой печь пироги и заваривать чай. Так что хочешь не хочешь, а ходить за ягодами надо было, поэтому никто и не отнекивался.

Бывало, мы с ребятами заезжали в лес без бидончиков – просто ягоды поесть. Вот это нам было по душе. Самые сладкие ягоды мы находили на вершинах гор – на открытых солнцу участках. Пугая ящериц, что грелись на солнце, держась за стебли редкой жёсткой травы, мы находили крупные, тёмно-красные, сладкие плоды. Какие же они были ароматные!

Со сбором ягод связаны мои воспоминания о покойной ныне тётушке Тане. Ох, как не любил я ходить с ней в лес по ягоды!

Выходили рано, ещё трава от росы кое-где мокрая была. Для ягод тётя брала большое дойное ведро на двенадцать литров. А мне «всучивала» маленький дойник на шесть литров. Я упирался, ныл, говорил, что ни за что мне это ведро ягодами не наполнить.

– Наберёшь! По яголке, по яголке – и наберёшь, – уговаривала тётя, своей интонацией давая понять моим домочадцам: вот, мол, какой ленивый и избалованный мальчик у вас растёт.

Бабушка меня жалела и, давая ведёрко, успокаивала:

– Ну ладно, сколько уж наберёшь. А вдруг на поляну «нападёте».

К обеду без питья и пищи у меня внутри начинались душевные трепетания.

– Тётя Тань, когда домой-то пойдём?

– А ты, айда, айда! По яголке, по яголке. Тебе ещё полведра собирать, а ты домой...

И сама дальше от села удаляется, в другой пролесок спешит. Ну, и я за ней.

И казалось, что сильнее, чем всегда, кусали мухи и слепни; казалось, что именно в этот день солнце раскалило лесную поляну, словно сковородку для грешников в аду.

Всеми силами я стремился ускользнуть от предложения тёти Тани идти с ней по ягоды. От её слов, сказанных назидательно и нараспев: «Айда! По ягодке, по ягодке...» – я был готов выть волком.

Мой дядя, брат отца, был очень щедр на возвышенные метафоры. Про красивую киноактрису он говорил так:

– Да-а-а!.. – В задумчивости смотрел куда-то вверх: то ли представлял красивую актрису, то ли сожалел, что рядом с ним нет такой красоты. После короткого молчания договаривал: – Выдающейся красоты женщина!

Про свою мать, мою бабушку, говорил:

– Великая труженица! – При этом долго кивал головой, как бы соглашась сам с собой.

А про тётю Таню он говорил вот как:

– Таковую собирательницу век ещё не видывал!

Тётя Таня и умерла за сбором ягод. Как-то пошла она с внуками в лес по ягоду. Жарко было. (И я давно ещё заметил: как с тётей Таней идёшь на ягодный промысел – обязательно жара.) И случилось у неё кровоизлияние в мозг – видно, от перегрева. Кое-как её до дома довели (дети в село за взрослыми бегали), положили на кровать. Она лежала с закрытыми глазами и почти не слышно дышала. Пришли родственники, соседи. Вдруг тётя Таня вздохнула глубоко, открыла глаза. Все замолчали: что скажет? Тихо стало в избе.

– В Листратовом овраге ягод нонче много, – сказала тётя Таня, – туда, ребятишки, сходите...

И замолчала. Навек замолчала. А ведь наверняка в этот день внуки её ныли:

– Пошли, баб Тань, домой! Нам жарко!

А она отвечала:

– Ничего, потерпите! По ягодке, по ягодке...

Вот с такими невесёлыми воспоминаниями подъезжал я к райцентру. А в райцентре получил очередной удар – третий по счёту: рынка не было. На его месте что-то строили: наверное, какой-нибудь торговый центр – это у нас сейчас любят. Спросить бы у кого: где теперь рынок, где торгуют? – да улицы, как назло, совсем обезлюдели. Но вот из проулка показалась женщина. Спросил её: «Куда рынок дели?» Она стала объяснять: поедешь прямо, у зелёного дома сверни направо, потом налево... Так и сделал: поехал прямо, потом направо и ещё немножко проехал и – о чудо! – увидел на маленькой улочке небольшой рынок. Продавцам тесно. Торгуют мясом, картошкой, комбикормом. Но мне-то нужны ягоды. А вот и они: рядом с дорогой стояли ведёрки с ягодами. Продавали их три старушки.

В центре стояла высокая степенная старушка. Одета она была в длинное, неяркое, городского фасона платье, хорошо причёсана, платка на голове не было, несмотря на яркое солнце. Около неё три ведёрка разного калибра. И сразу бросилось в глаза: все ягоды как на подбор – большие, красивые. По левую сторону от неё стояла старушка «попроще»: в платке, как-то небрежно повязанном на голову, в кофте с оттянутыми рукавами и в широкой и длинной, почти до земли, мятой юбке. Эта старушка продавала одно ведёрко ягод, по объёму как и у бойкой молодой женщины на повороте.

Такое же ведёрко продавала и третья их подруга. Было видно, что она самая старшая по возрасту. Эта старушка сидела на старом складном стуль-

чике боком к дороге и, видимо, устав продавать свой товар, на моё появление отреагировала безразличным взглядом. Что нельзя было сказать о двух её подругах. Та, что «попроще», не успел я выйти из машины, встретила меня звонким вопросом:

– Небось ягодку захотел?!

С ходу я попытался отшутиться:

– К сожалению, бабушка, мои ягодки постарели и завяли. Не хочу я их.

Старушки не поняли моей иносказательной шутки, а может, сделали вид, что не поняли, и стали предлагать свой товар. Я сразу же подошёл к старушке, стоящей в центре. Но не успел даже цену спросить, как та, что «попроще», прямо с ведёрком подбежала ко мне:

– Вот мои возьми! Дёшево отдам! – И назвала цену.

Цена меня удивила и обрадовала – была она удивительно низкой. Но я уже активно интересовался крупными ягодами от «степенной» старушки. Поднёс ведёрко к лицу и чуть не задохнулся от аромата. Поинтересовался, сколько стоит. Эти ягоды были дороже. Я поторговался. Бабушка немного цену сбросила, и вот её ягоды перекочевали в мой картонный ящик.

И тут подала голос старушка, сидевшая справа. Она очень тихо, как бы извиняясь, спросила:

– Может, и у меня купите? – она обратилась ко мне на «вы» – меня это удивило и как-то сразу расположило к ней. – У меня ведь тоже недорого.

Я посмотрел на её ведёрко. Или бабушка уже плоховато видела, или сильно спешила, когда собирала землянику: среди ягод мусор и много маленьких, незрелых ягод, их, помню, называли раньше «зелепухами».

А старушка «попроще» не отставала. Она ещё снизила цену, и содержимое её ведёрка отправилось в картонную коробку.

Бабушка справа опять повернулась боком к дороге и тяжело вздохнула. Я, было, собрался купить и её «зелепухи», да картонная коробка уже полна. Но что-то защемило в груди – мне так стало жалко эту старушку! Я подошёл к ней и протянул деньги. Она заулыбалась так, будто бы ещё недавно её кто-то обидел, а тут пришёл добрый человек, прогнал обидчика и успокоил её. Она поднялась и протянула мне ведёрко.

– Оставьте себе ягоды, бабушка, мне некуда их ссыпать.

– Нет! Я так денег не возьму!

Она ни в какую не хотела брать деньги.

Всё же я уговорил её эти деньги забрать.

– Откуда это ты, такой хороший, взялся? – спросила старушка «попроще».

Я не помню, что ответил. Кажется, сказал, что никакой я не хороший, а самый обычный. Пожелал бабушкам доброго здоровья и поехал дальше – в город, к себе домой.

Теперь, когда проблема с ягодами была решена, настроение у меня повысилось. Я с удовольствием отметил, что сегодня прекрасный денёк – таких давно уже не было летом у нас в Среднем Поволжье. Последние годы всё жара да сушь, а теперь прошли дожди и было по-хорошему тепло и свежо. По густой синеве неба ходили тучи разные: и перистые, и кучевые, иногда небольшие дождевые. Дорога проходила по правобережью небольшой реки. По правую сторону от дороги довольно высокие холмы – дальние отроги Уральских гор. Иногда я наблюдал, как за какой-нибудь холм или шихан цеплялась небольшая тёмно-синяя дождевая тучка. Издалека казалось, что тучка зацепилась за холм и не может от него оторваться.

Кабина автомобиля наполнилась ароматом свежей лесной земляники. И так хорошо на душе стало! Захотелось, чтобы и день этот не кончался, и дорога

не кончалась, а вилась бы бесконечно вдоль речки и холмов с дождевыми тучками на своих горбах. Я специально сбавил скорость, поехал не спеша, чтобы продлить удовольствие и от езды, и от хорошего дня. Вспоминал трёх старушек из райцентра. Иногда ругал себя, что вымолил у них похвалу.

На другой стороне реки, довольно далеко от шоссе, проходит железнодорожная ветка. Я услышал гудок паровоза и вспомнил, как семилетним мальчишкой по этой дороге первый раз ехал в большой город.

В то лето мои родители поступали в заочные институты: мама – в педагогический, папа – в сельскохозяйственный. И мы поехали в город. Это был шестьдесят первый год, кругом говорили о Гагарине и о полёте в космос.

Родители сняли квартиру в центральной части города Куйбышева – на углу улиц Обороны и Ленинградской. Рядом Волга, набережная.

Как-то утром мой папа в компании с нашим родственником дядей Толей и его другом Виктором пошли пить пиво. На это мероприятие и меня с собой взяли. Пошли они прямо на пивзавод – он у нас ещё с позапрошлого века прямо на берегу Волги стоит. Это место в городе называют «Дно». День был будничным, и около «пивнушек» народу было немного. Мужчины взяли по кружке пива и встали за круглый массивный стол. Солнце уже высоко поднялось, стало жарко, и я захотел пить. Но газировку там не продавали. А пиво так было похоже на газировку: и пузырьки со дна поднимались, и цвет янтарный! Папа, заметив мой вожделенный взгляд, предложил:

– Может, попробуешь?

Я сделал несколько глотков – прохладный, немного вязкий напиток; пузырьки приятно пощекотали язык – но горько!

Пожилой мужчина, стоявший за соседним столом, не преминул заметить моему отцу:

– Молодой человек, не рано ли вы своего сына пивом угощаете? Смотрите – втянется! Этими делами не шутят!

На что мой папа как-то очень уверенно ответил:

– Он никогда не втянется!

Я не «втянулся». Но не это главное – до сих пор я горд, что папа так был во мне уверен.

И папа, и два его товарища были молодыми и энергичными мужчинами примерно одного возраста – лет по тридцать. И одеты одинаково: хорошо выглаженные брюки с неизменным кожаным ремнём, светлые рубашки с коротким рукавом. Товарищи о чём-то говорили между собой, улыбались.

И тут дядя Толя предложил:

– Мужики, с вяленой рыбой пиво лучше идёт! Здесь рядом женщины сушёной рыбой торгуют – может, купим?

Неподалёку в тени деревьев стояли три пожилые женщины. В руках, на весу, они держали по несколько довольно крупных вяленых рыб. Я не помню, какого возраста были эти женщины, тогда они мне показались старухами, но, думаю, что было им лет по шестьдесят – как и мне теперь.

Дядя Толя взял у женщины большого леща, вышел из тени и, разглядывая рыбину на просвет, воскликнул:

– Вы посмотрите – как янтарная! Солнце видно через рыбину! И пахнет как! Мужики, Волгой пахнет!

Виктор прервал его восклицания:

– Да ты больно-то не расхваливай – сейчас такую цену заломят.

– Не заломят – они женщины хорошие. Почём, мать, рыба?

И тогда произошло почти то же, что и с покупкой ягод в райцентре, вот буквально полчаса назад. Сначала у одной женщины купили рыб – у самой

«бойкой», потом другая стала уговаривать, чтобы и у неё купили. И у второй продавщицы всех лещей взяли.

Третья женщина сидела на деревянном ящике и молча наблюдала за торговлей. Но когда её подруги избавились от товара, она спохватилась и робко, виновато обратилась к молодым мужчинам:

– Ребята, может, и у меня возьмёте? Что ж мне одной здесь, что ли, сидеть? Я дешевле отдам. А рыба не испортится – она через два-три дня ещё лучше будет.

– И вправду – давай, мать, и у тебя заберём. Димк, – это дядя Толя к моему папе обратился, – в село возьмёшь лещей.

Папа улыбнулся:

– У нас ведь пивом не торгуют.

– Ничего – с медовухой тоже пойдёт! Правильно я говорю, Колёк? – это уже ко мне.

Я промолчал. Рыб завернули в большую газету.

– Ну вот и молодцы, ребята! – радовалась за всех «бойкая» женщина. – Приятного вам аппетита и всего хорошего! И пива вам, чтобы хорошо попить. Денёк-то сегодня какой, прям подарок от Бога!

Мой папа и Виктор молчали и больше улыбались, а реплики и шутки отпускал дядя Толя:

– Да, мать, жить только да радоваться!

На Волге загудел пароход.

– Во! Это нам сигнал – пиво пить, – продолжал шутить дядя Толя.

Женщины собирались уходить, укладывали сумки.

– Эх, хорошие вы, видно, ребята, и всё у вас впереди! – напоследок сказала «бойкая» женщина.

И вдруг та женщина, у которой в последнюю очередь была куплена рыба, закрыла лицо руками и застонала, заплакала. Она сидела на старом, полуразломанном деревянном ящике и раскачивалась, пытаясь движением отвлечь или хотя бы немного заглушить какую-то душевную муку. К плачущей женщине быстро подошла «бойкая» и стала её успокаивать:

– Ну, ладно, Лен, перестань, перестань! Вставай! Сейчас в церковь сходим, свечи поставим, помолимся – оно и пройдёт! Пройдёт, пройдёт, сердешная ты наша.

И она, взяв за руку подругу, помогла ей приподняться с ящика. Женщина продолжала плакать, лицо её было искажено горем. Слёзы лились по её бледным, худым щекам. Она откуда-то достала белый платок и закрыла им глаза.

Так они и пошли: одна женщина вела другую за руку, а та шла, повинувшись подруге, ничего не видя перед собой. Она шла и несла с собой такую душевную муку, что было видно: не «пройдёт оно».

Их подруга задержалась – приводила в порядок место, где они торговали, и скороговоркой, без эмоции и пауз, объяснила мужчинам, что произошло:

– Три сына у неё на войне погибли. Погодки. Младшему восемнадцать лет было, старшему двадцать один. За месяц три похоронки получили они с мужем. Муж с бронью был, на «железке» работал. Не выдержал муж удара такого – умер вскоре, а она вот жива осталась. Потому что верила: вернутся они. Вот, небось, на вас посмотрела и подумала, что это детки её вернулись.

Женщина поспешила за подругами, и было слышно, как она бормочет:

– Боль-то какая! Не дай Бог!

Мой папа и его товарищи стояли и молчали.

Женщины перешли улицу, тянущуюся вдоль Волги, и стали подниматься по узкой улочке мимо ветхих, наполовину деревянных, наполовину каменных невысоких домов, вверх по направлению к церкви. Солнце, кажется, светило со всех сторон. И не было возможности укрыться от его жара. Поднимались они медленно и устало, словно что-то сверху давило на них.

Молчание товарищей прервал мой папа:

– Ребята, вы тут без меня пиво пейте, а мне надо срочно документы в институт отвезти – я и забыл.

– А я пойду погреб тестю чистить, – сказал Виктор. – Толян, поможешь? Дядя Толя согласился.

И мы пошли назад. Сначала шли по парку – там было не так жарко, как на асфальтированных улицах, потом шли по набережной. Гудели пароходы, призывая кого-то пить пиво. С Волги дул влажный ветер...

...Я выезжал на большую трассу. До города оставалось километров пятьдесят трудного, напряжённого пути: дорога была загружена. Едва выехал на полосу движения, сзади посигналили – требовали, чтобы подвинулся для обгона. После спокойной езды по свободной и тихой дороге шумная трасса оглушила меня. Я остановился у обочины. И подумалось мне: а ведь пока вспоминал про случай со старушками, застрял в том далёком времени, в той спокойной и размеренной жизни. На улицах города в будний летний день в то время народу было мало: взрослые – на работе, студенты – в стройотрядах, школьники либо в пионерлагере, либо в деревне у бабушек. Когда мы возвращались домой после несостоявшегося похода «по пиву» и шли по парку, только пенсионеров и видели: пожилые мужчины сидели за длинными столами и играли в шахматы. Да и на набережной было малоллюдно. Это к вечеру улицы заполнялись молодой, активной публикой; на набережной устраивались импровизированные концерты, а днём была такой покой, что даже скучно.

...Три пожилые женщины так медленно и долго поднимались с набережной вверх по пустынной улице, что думалось, они никогда не дойдут до церкви – солнце растопит их или заставит сесть на какую-нибудь лавочку в тени. Но они шли и шли. И я до сих пор помню: шли они посередине улицы, не боялись машин – их всё равно не было.

Почему-то пришло в голову: а где сейчас старушки? В городе их почти не видно. Я живу в большом новом микрорайоне. Как каменные изваяния – большие серые многоэтажки. Во дворах по вечерам молодёжь пьёт пиво – шумно, показушно. А старушек и стариков не видно ни днём, ни вечером. Только иногда небольшой автобус из фирмы ритуальных услуг остановится около чьего-нибудь подъезда, спросишь: а кто умер? – и ответят: так, одна старушка. А где ж она жила? Да тут, у дочери, вот в этом доме. Два года, как она её из деревни привезла. И два года так в каменной избе и просидела бабушка. А кто-нибудь её видел хоть раз? Видели, как же, приехала она ещё здоровой и проворной. Мешок с картошкой сама тащила! И за два-то года совсем исчахла бабушка. Лежит в гробу, а её и не видно – такая маленькая, будто и нет её, и только лицо жёлтое, востренькое – вот и всё, что осталось от бабушки. От тоски раньше времени умерла. А может, от упрёков... Кто знает?

Мне надо было трогаться в путь. Я оглянулся, посмотрел на холмы, вдоль которых недавно ехал: на одном из них так и «сидела» небольшая дождевая тучка.

**Анатолий
АВРУТИН**

МНЕ МАТУШКА ПЕСНЮ ПРОПЕЛА...

***

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув ледяющую бель,
Через силу взберусь на пригорок –
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну –
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой –
Злой предвестницы чёрных разлук –
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая невольно
На исходе пропащего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати четырёх поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих других. Академик Международной Славянской академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины (2019), а также одноимённой медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

***

*Фёдор Михайлович, что вы забыли в Москве?..***Николай Переяслов**

Лев Николаевич, страшно вас нынче читать –
Где те характеры, где те мечты и порывы?
Так же чужую жену соблазняют опять,
Но в основном соблазнённые живы и лживы...

Где же, Борис Леонидыч, та горечь разлук,
Где над февральской чернильницей горькие плачи?
Те же скрещения ног и скрещения рук,
А со скрещением судеб выходит иначе.

Вас я, Марина Ивановна, не понимал,
Хоть был раздавлен мрачнейшим ритмом тяжёлым.
Но ведь стихам драгоценным черёд не настал..
Винам – настал... Ординарным, прокисшим, дешёвым.

Анна Андреевна, как вы сейчас далеки!
Реквием смолк... Над державой ветра и метели.
Мир обезумел... И чудится – с левой руки
Все мы перчатку на правую руку надели.

***

Вначале шагал я несмело,
Но, делаясь снега белей,
Мне матушка песню пропела –
И враз зашагалось смелей.

Искрили полуночью звёзды,
Кричал полоумный петух..
Мне матушка пела... И воздух
Сиял и светился вокруг.

Лез в драку... Но только за дело.
«Ты прав, но старайся без драк...» –
Мне матушка будто пропела,
Примочку кладя на синяк.

Сменялись за зорькою зорька,
Свой след оставляя в душе.
Мне матушка пела... И горько
Не так становилось уже.

И прежде, чем брненное тело
Навек вознести в небеси,
Мне матушка песню пропела:
«И больше, сынок, не проси...»

Напрасно молю я: «Воскресни!..»,
Бессильно упав на траву,
Не зная, без маминой песни
Живу или нет, не живу?

***

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Александр Блок

Дважды, трижды в ту же реку,
Прошное огромно.
Помню улицу, аптеку,
Фонаря не помню.

Всё-то в памяти короткой
Марьи да Ивановы.
Помню очередь за водкой,
Но не помню пьяных.

И ясней с годами вижу
Лишь добро да милость.
Помню, как латали крышу,
Как текла – забылось.

Годы быстро пролетели,
Все углы излазил.
Помню белые метели,
Но не помню грязи.

Видно, помнить незазорно
В мире очумелом
Вместо белого на чёрном –
Чёрное на белом.

ДЕСЯТОЕ ФЕВРАЛЯ*

В День Пушкина явилась мне строка,
Что так давно в мой дом не приходила.
Утомлена, в порывах нелегка,
Среди других звучащая уныло...

И всё-таки явилась в эту рань,
Когда ещё и солнце не вставало,
Пока на стёклах стылую герань
Мороз изображал слегка устало.

Но всё-таки явилась, чтоб сказать,
Что тягостно брести среди непогоды,
Что высшая свобода – благодать
Свободно отказаться от свободы.

*10 февраля 1837 года скончался А. С. Пушкин.

Что року ты перечить не моги,
Его твои терзания не тронут.
И по воде всегда круги, круги –
Кирпич иль крест уронишь в чёрный омут.

А мне над речкой Чёрною опять
Всё видятся мрачнеющие своды.
И в омут не хочу креста ронять,
И не хочу обманчивой свободы.

Мне б только слышать тот неслышный звук,
Что в позвонки вливается тревожно,
И чувствовать в ночи касанье рук,
Что трепетно... И вовсе невозможно.

***

День клонился к печали,
К неизбывной вине.
Птицы долго кричали
На другой стороне.

Замирали... И снова
Из прогорклой дали
Тяжело и сурово
Крики долгие шли.

Понимал я едва ли,
Что творится со мной.
Птицы долго кричали,
Я прошёл стороной.

Эти долгие крики,
Эта гулкая тишь,
Где с листком повилики
У моста постоишь.

А потом на вокзале
Вспомнишь с болью вдвойне:
Птицы долго кричали
На другой стороне.

И прорежется что-то
Сквозь годов забытьё.
Вспомнишь старое фото,
Вспомнишь имя своё...

А всего лишь вначале,
Жизнь напомнив вчерне,
Птицы долго кричали
На другой стороне.

***

Вослед за солнцем года умчали,
Плоды с деревьев опали глухо...
Зато примчали мои печали
Слова шепнуть для поддержки духа.
А на веранде, в немодной шали,
Неспешно вяжет носки старуха.

Неспешно... Несуетливы спицы.
Слегка движенья морщият шею.
«Свяжу... Им за зиму не сноситься...
Свяжу... И вскорости заболēju...
Спина немеет, не слышит ухо...»
Неспешно вяжет носки старуха.

Жалее: «Осенью не успела.
Хворала... Были ещё тревоги.
Душа и тело тогда болели,
А нынче – только душа и ноги...»
А на веранде тепло и сухо.
Неспешно вяжет носки старуха.

Устали пальцы.. И в белой саже
Стекло... Снег цедится, как сквозь сито.
Старуха вяжет... Хоть вправду – даже
Носочки некому и носить-то...
В дому она да петух Петруха...
Неспешно вяжет носки старуха.

***

Дышит, Боженька, путь не кончается.
Тропка к дороженьке – Русь получается.

Мрачная-мрачная, стылая-стылая.
Часто – барачная, но не постылая.

Над закоулками поздно смеркается.
Гулкая-гулкая Русь получается.

Пусть одинокая, но ясноглазая.
Поле широкое... Даль с перелазами.

Вороги бесятся? Пусть им икается.
Где перекрестятся – Русь получается.

С птахою певчею, с песней забытою.
С дверью, доверчиво людям открытою.

Сколько ни мучили, всё не склоняется,
Всё красноречивая Русь получается.

***

Другое ли?.. Здесь всё сейчас другое.
Другими стали мысли о покое,
Другими стали речь и широта.
Но всё-таки ещё куда длится
Загадочность, что в женщине таится,
И складка у измученного рта.

Другая ли?.. Да, ты давно другая.
Глядишься в дождь, печали потока,
Перебираешь мелочь в кошельке...
Другая стать, другой наклон фигуры...
Ты на меня глядишь как с верхотуры,
Чтоб следом раствориться вдалеке.

Другие мы?.. Конечно же, другие.
Куда-то сплыли годы молодые,
Когда в моей руке – твоя рука,
И два карандаша в одном пенале...
Мы в зеркала глядим как в Зазеркалье,
Не сознавая истины пока.

Шепнуть словцо?.. Давно всё отшепталось,
Но складочка знакомая осталась,
Та самая – от горечи и слёз.
Тень от крыла... Неясный отсвет звука...
В разрезе глаз – немыслимая мука,
Что ветер века в дали не унёс.

Ещё живём... Глядим... Куда-то ходим.
Ещё порою в мыслях колобродим,
А после с грустью в зеркало глядим.
Там рядышком уже почти полвека
Стоят-глядят два грустных человека...
А там стекло... И ничего за ним.

***

...Не возвращайтесь туда, где когда-то вас предали.

Жан Рено

Думы и мысли всё больше разнятся,
Думы печальней, а мысли – в распыл.
Как это правильно: не возвращаться
В место, где некогда преданным был!

Пусть в одиночестве звякают блюда!
Брошу... Забуду фальшивую медь.
Только ведь некуда будет вернуться,
Если реально на мир посмотреть...

ОТПУСК

Стремясь в светящийся зенит, в прозрачной тишине
Журавлик тихо пролетит, не зная обо мне.

А я живу себе, живу – неделю без проблем.
Ложусь на колкую траву, с куста крыжовник ем.

Кошусь на злящихся гусей, шиплю на гусака,
Гляжу на образ жизни сей немного свысока.

Являю свой довольный вид родимой стороне.
...Журавлик в небесах летит, не зная обо мне.

Я вслед ему махну рукой, крылом он не махнёт.
Меня ни отдых, ни покой не вознесут в полёт.

Живу неделю без проблем, и жизнь моя пуста.
Всего-то дел – крыжовник ем с колючего куста.

Неделю целую подряд, ленивые на вид,
Гусыни на меня шипят... И женщина шипит...

Я с женщиной всегда несмел... А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел, не зная обо мне.

***

Забилось... Ушло... Отгорело..
Остались лишь ветер и Бог,
Да Родины белое тело,
Да чёрная музыка строк.

Чем сердце становится старше,
Тем, боль выводя за предел,
Виднее под чёрные марши
Та белая истинность тел.

Шагают... Струится дорога.
Куда она манит, черна?
До Бога?.. Далече до Бога..
До славы?.. Фальшива она!

А сбоку тропой земляничной
Вновь чёрная тень проплывёт.
Там кто-то невидимый – кличет,
А кто-то молчащий – поёт.

И только дойдя до предела,
Увидишь, пытаясь вдохнуть,
Лишь Родины белое тело
Да истины чёрную суть.

**Владислав
ЧЕРЕМНЫХ**

ИНЖЕНЕРЫ

Анти Духless

Эта история была мной написана уж несколько лет назад. Что-то исчезло, что-то появилось – время летит пулей. Мир меняется, и вдруг валится всё как лавина, как каменный поток с гор, а мы и не ведали, и боялись, и ждали чего-то простого.

Черты описанного в истории завода подмечены на многих предприятиях России. Если кто-то из читателей узнает своё предприятие, значит, попал в точку. Но пусть ваш завод (ваш, ваш – вы на нём работаете) минует всякая беда.

***

Стекло, бетон, сталь. Сооружения рвутся в небо. Ветер треплет флаги стран – участниц международной торгово-промышленной выставки. На парковку въехал жёлтый «мерседес» с шашечками. Парковщик – негр в ярком жилете, энергично жестикулируя, улыбаясь, как самый счастливый человек, сопроводил такси на разметку.

С переднего сиденья, уверенно поставив тужельку на тротуарную плитку, вышла Маргарита Петровна, или просто Марго – главный редактор журнала «Пульс города», дама, во всех отношениях довольная собой и привыкшая, что у неё всё везде схвачено, если и не везде, то в их городе точно. С заднего сиденья вышел Виктор Степанович – мэр того самого города, большой, моложавый и очень демократичный. Виктор Степанович всегда брал с собой своего верного помощника Бориса – кадра, слышущего в аппарате мэра креативным нарушителем каких можно принципов. Борис был референтом мэра, а когда надо, консультировал по здоровью – даром, что ли, местный «мед», закончил. Борис выбрался вслед за шефом и встал рядом, как моська со слоном. С другой стороны авто вышла Люся – сотрудница журнала «Пульс города». Она вытащила сумку с фотоаппаратурой и, привычно закинув её на плечо, смело шагнула навстречу техническому прогрессу.

-
- Владислав Леонидович Черемных родился в 1958 году. Инженер. Работал в области нефтепереработки, нефтехимии, химии. Последние 16 лет трудился в японской корпорации. Писать начал в 2009 г. Произведения печатались в «Дне литературы», «Литературной России». Несколько сценариев выложены на ресурсе StoryGo. Живёт в г. Пермь.

Виктор Степанович, оглядев свою команду, бодро повторил вводную о том, чтобы не опаздывали и чтобы включали мозги, – все хором кивали. Борис очень серьёзно принялся объяснять, где тот конференц-зал, в котором будет проходить пресс-конференция, на что Марго тоном старшей сестры успокоила его:

– Борис, мы найдём.

И он успокоился.

Компания стремительно двинулась к входу выставочного комплекса. Виктор Степанович, возвышаясь, шёл первым, за ним бежал Борис.

– Ради Бога, девочки, только «сувенира» не надо, – на ходу просил Виктор Степанович, – мне нужен креатив, вы мне настроение схватите, темп. Я почему своих электриков с сантехниками не взял? Э-эх! – И махнул рукой.

Компания взбежала на невысокое крыльцо по блестящим ступеням, перед ними раздвинулись двери, и они попали в деловую суету выставки. Немного пройдя вместе, они разошлись: мэр с референтом пошли куда-то в сторону туалетов, Маргарита с Люсей направились наугад ловить креатив. Люся на ходу достала фотоаппарат и принялась делать своё дело. Она быстро, словно танцую, двигалась среди стендов, никелированных рекламных конструкций, мониторов и снимала, снимала. На небольшом подиуме выступал джаз-оркестр, мелодия пружинила атмосферу, по проходам двигались белоснежные рубашки, галстуки, мятые льняные костюмы, и среди одетых во всё это целеустремлённых мужчин выступали длинноногие красавицы, раздавая улыбки, буклеты и позволяя фотографироваться с ними на фоне экспонатов.

Не в характере Марго было просто находиться рядом, и она пошла своим путём куда-то в сторону громадного экрана с уверенными нефтяниками на фоне буровых вышек.

Люся остановилась у стенда со шкафами, забитыми электроникой. У доски стоял молодой инженер и, рисуя фломастером график, что-то увлечённо рассказывал собравшейся кучке заинтересованных слушателей. Люся искала ракурс: встанет справа, перейдёт на другую сторону, ждёт, то, как кошка, скользнёт ближе и чуть присядет – со стороны это было похоже на танец. Вот рука инженера с фломастером замерла в точке перелома графика, глаза горят – оп, есть снимок.

Сзади кто-то легонько тронул Люсю за плечо. Она энергично обернулась, откинув прядь спадающих на глаза тёмно-русых волос. Перед ней стоял, улыбаясь, высокий белобрысый парень в светлом льняном костюме.

– Простите, мисс. Вы красиво двигаетесь с камерой. Вам никто это не говорил? – спросил по-английски белобрысый.

– Нет. Я делаю это так, как мне удобно, – быстро ответила Люся и, сделав вдогонку ещё пару снимков, кокетливо добавила: – Профессионально. – Повесила камеру на плечо и улыбнулась просто и открыто.

– Фрэд. Фрэд Борщев, – ответил верзила, сделав акцент на букве «о», и протянул свою громадную ладонь, в которой утонула Люсяна.

– Люсьена Ёлохова... Люся, – представилась она.

– Вы, кажется, из России? – Парень смотрел на Люсю широко открытыми, голубыми, как речная гладь на солнце, глазами и ждал, что ему ответят: «Да».

– Да, – ответила Люся, и зачем-то уточнила: – Я с Урала.

По-английски это прозвучало как «из». «Зачем сказала, дурочка, – выругала себя Люся. Она не так часто бывала за границей и сейчас немного волновалась. – Вообще, он понял меня?»

А парень всё понял и сказал медленно, чтобы поняла Люся:

– Сегодня наши коллеги устраивают торжественный вечер... вон та компания. – Он показал на название известной компании под потолком. – Я приглашён, и я подумал, что будет хорошо пригласить вас.

Люся всё поняла и решила, что надо завязывать. Она продолжила снимать, повернувшись почти спиной к парню, но вдруг опустила камеру и спросила, глядя в его глаза:

– За что такая честь?

– Быть может, потому, что вы из России, – ответил Фрэд на чистом русском.

– Ух ты! – Она не сказала принятое в таких случаях «уау» и не сделала глаза и губки удивлённо заинтересованными, а, заметив Марго, рассматривающую робота, предложила: – А пригласи мою начальницу.

– Не-э, Люси, я приглашаю вас.

Сказал он так, как сказал бы парень из их города, с той же интонацией, и глаза какие-то знакомые – так ей показалось.

– Может быть, – ещё раз заглянув Фрэду в глаза, ответила Люся, – может быть... – И пошла прочь. – Бай!

Фрэд остался стоять, смотря ей вслед, и хотелось ему догнать её и, быть может, попросить телефон, но из прилегающего выставочного прохода к Люсе вышла Маргарита.

– Люси, цигель, цигель! Бориска уже телефон оборвал.

– Маргарита Петровна, мы же рядом, идёмте!

И они быстро пошли мимо гуляющих посетителей выставки к конференц-залу, а Фрэд стоял посреди прохода и смотрел им вслед.

***

Поездка Виктора Степановича на эту промышленную выставку была спонтанной, как многое, что делалось мэром под влиянием его увлекающейся натуры. Он был когда-то младшим научным сотрудником университетской лаборатории социологии, и мечтательность тех лет нет-нет да и приподнимала его над городскими улицами. Если какая-то фантазия овладевала им и не дай Бог кто-то из аппарата сомневался в её необходимости – тут всё: Виктор Степанович раздувал щёки, поджимал губы и доводил всё до конца или до абсурда. Никакой конкретно цели в этой поездке он не ставил. Просто ему необходимо было встряхнуться, зарядиться новыми идеями, ну а журнал пусть пишет.

Пресс-конференция проходила в небольшом, оборудованном всем необходимым для презентации зале, который сняли на пару часов по заданию мэра. Слова на афише при входе в зал и в бюллетенях, выпущенных организаторами выставки: «Мэр из России» – собрали полный зал: за столиками сидели представители промышленных компаний с выставки, и пара репортёров устроилась на камчатке.

Виктор Степанович вспомнил свою преподавательскую молодость, и речь его лилась в тишине примолкшего зала, и точка лазера снова падала по экрану от суровых северных гор до улиц родного города и от сверкающих изоляцией заводских колонн до рвущихся в небо ракет. Слайды падали к ногам как осенние листья, и мэр, забыв переводящего Бориса, нёсся уже в космос. Наконец всплыл последний слайд с традиционным: «Thank you for attention», – это Виктор Степанович сказал сам, выдохнул и приготовился отвечать на вопросы. Борис тоже выдохнул – он замучился полоскать

рот английским и про себя сказал что-то очень точное по-русски. Маргарита смотрела на Степаныча – так мэра за глаза величала городская тусовка – почти как на Бога. Люся работала с камерой. Поймав в видеоискатель аудиоторию, она вдруг увидела того парня, с которым познакомилась перед пресс-конференцией. Он, вытянувшись над столом, не мигая смотрел на экран, как будто там показывали что-то самое для него важное. Люся рассмотрела это детально.

– Как вы считаете, – с растяжкой, по-американски спросил сидящий перед мэром представитель бизнеса, – в каких областях мы могли бы быть полезными друг другу?

– Мне показались интересными решения по управлению городским транспортом. Очень интересно. Вообще я увидел много полезного – например, экологический мониторинг. Я буду рекомендовать нашим предпринимателям активнее взаимодействовать со своими зарубежными коллегами.

– Санкции ограничивают наши возможности. Как мы можем работать? – спросил взъерошенный молодой парень, сидящий у выхода.

– Очень просто. Приезжайте. Вопрос необходимо пощупать. Я сам сейчас здесь, как говорится, на разведке... А если серьёзно, мы всё-таки начинаем развивать и производство. Вот мы планируем строить у себя завод по выпуску биотоплива.

– На какие деньги строится завод? Это федеральная программа или предпринимательская инициатива? – спросили из зала, и у Виктора Степановича как масло разлилось по груди от явного интереса буржуйских дельцов.

«Почему буржуйских?.. Атавизм какой-то», – подумал он.

Когда разговор зашёл о производстве биотоплива, Фрэд поставил высокий стакан с водой на столик и прислушался.

– Завод строится по федеральной программе, но в строительстве будут задействованы ресурсы и регионального бизнеса. Нам эта тема очень интересна. Знаете, все сучочки, щепка – всё пойдёт в переработку, а на выходе – этанол.

Фрэд поднял руку.

– Компания SHELL, – прошелестело по залу как морской прибой, – позвольте вопрос?

Виктор Степанович, опередив Бориса, ответил по-английски:

– Yes. Of course, we listen.

Своё «е-с-с-с» он протянул так, как это делают мамы, отводя своих малышей в кусты.

– SHELL серьёзно работает в этой области. Какая технология будет использоваться на вашем заводе?

Виктор Степанович уверенно заявил:

– Ректификация, конечно, ректификация.

– Я думаю, нет секрета в том, кто является лицензиаром... Это действительно интересно.

Виктор Степанович посмотрел на Бориса, на Маргариту. Те, опустив глаза в стол, молчали.

– Технология отечественная, – не уверенный в точности ответа, но гордо заявил мэр.

– Это интересно, может быть, вы назовёте инжиниринговую компанию, – не унимался Фрэд.

Виктор Степанович молчал, в эту минуту он даже пожалел, что не было тут с ним зама по промышленности – может, что-то бы добавил.

Люся к этому времени закончила свою работу и стояла у стенки, засунув руки в карманы. Она вспомнила ехидство своего парня на эту тему и решила пошутить, чёрт дёрнул, сорвалось:

«Технология товарища Бендера», – услышал мэр в тишине зала голос Люси и притаился, потеряв дар речи.

Трудно сказать, что подумали Борис с Маргаритой, кажется, они вспотели. Зал молчал.

После паузы Фрэд расплылся в улыбке и захлопал в ладоши:

– Блеск! Мы всегда знали, что русские всё могут.

***

Люся всё-таки решила идти на пати с Фрэдом. Решение возникло само собой, когда «шеловец» подошёл к ним после пресс-конференции и начал расспрашивать почему-то не про нефтепереработку с химией, которыми кормился город, а про город, про погоду, про реку, на которой их город стоит, и Люся обратила внимание, как он слушал, ловя каждое слово поющих наперебой Виктора Степановича с Марго, пропуская литературный перевод Бориса. Когда, раскланявшись и своей открытой улыбкой заставив улыбнуться Люсю в ответ, Фрэд повторил своё приглашение, она ответила, что пойдёт – любопытный журналистский чёртик, который заставлял Люсю всегда заглядывать туда, где возникал горбатый знак вопроса, подтолкнул её сделать это сейчас.

У распахнутых стеклянных дверей с сияющими никелем длинными ручками их встретил вышколенный метрдотель в белых перчатках и проводил внутрь. В зале ресторана на семнадцатом этаже отеля HILTON компания NNN собрала своих сотрудников и, как они говорили, друзей, чтобы немного оторваться от выставки и напомнить всем о своём командном духе. Зал был уже почти полным – за высокими столиками стояли люди, одетые кто в джинсы, кто в смокинги и вечерние платья, и разноязыкий гомон заполнял пространство до самого потолка. По краям зала ломались столы от расставленных яств. Официанты разносили на подносах напитки и закуску – тусовка раскручивалась. Фрэд часто здоровался, хлопал кого-то по плечу, обнялся с какой-то высушенной под египетскую мумию дамой, и всё это, как подумала Люся, он делал на автомате, по протоколу. Фрэд взял виски, а Люсе сразу сказал:

– Вино тут фигня, а пиво – класс!

Она и потягивала пиво.

Вдруг гомон затих, на эстраду вышел большой босс и поставленным голосом проповедника с полифонией обратился к народу, как поняла Люся, примерно с такими словами:

– Мы – команда, улыбайтесь мне!... Вы можете гордиться собой: с начала года мы вывели на рынок несколько новых продуктов. Благодаря своему труду мы можем пить дорогие виски, есть хорошую пищу, ездить на дорогих машинах. Мы можем быть любыми, какими захотим, но мы не можем быть неэффективными!... Вы лучшие! Я пью это шампанское, – босс посмотрел на золотистую влагу в своём бокале, – это дорогое шампанское за вас!

При каждой паузе босса толпа хлопала и орала, поднимая бокалы, вскидывая руки в приветствии. Голос босса как сладкий дым растекался среди людей, и Люсе вдруг показалось, что и ей хочется вслед за всеми выкинуть руку и закричать, но тут она поймала удивлённый взгляд Фрэда над бокалом виски и отхлебнула пива.

После гипнотической речи большого босса дали фильм о компании. Свет медленно погас, и под музыку Вагнера в обработке какого-то современного умельца громоздились кубики, строились лабиринты, тянулись связи, рос большой чёрный паук под присмотром умных глаз белозубых менеджеров под солнцем компании...

Дали свет. На сцену по-семейному объявить продолжение торжества снова вышел босс. Пауза, отцовский взгляд на семейство.

– Вы мне очень нравитесь, ребята... Но этика, как сказал один мудрец, не является отраслью экономики. Дерзайте! – Босс посмотрел на потолок, где висели разноцветные шары. – Во-он там голубой шарик... Он ваш!

Зал взорвался криками и визгом. Босс поднял руку.

– Спокойно, ребята, нас хочет поздравить наш гость из австралийского офиса. И-и-иржи Загорный! – подражая боксёрскому конферансье, объявил босс.

Похоже, парня знали, по залу прокатились крики «уау» или что-то вроде этого. На сцену вышел Иржи, в белой рубашке и джинсах, в руках у него была скрипка. Последнее дело – словами описывать звуки скрипки. Над людьми встал, вытянувшись в струнку, скрипач и... полетел. Люся показала, что у неё закружилась голова и выступили слёзы. Когда волшебство закончилось, скрипка опустилась к помосту и тишина накрыла зал, парень легко спрыгнул со сцены, не дойдя до ступенек, и, как подхваченная уличным ветерком из открытого окна, полетела его белая рубашка по залу.

– Боже, как здорово... хорошо-то как! – повторяла про себя Люся и смотрела на летящую по залу рубашку. Стакан с пивом ей показался тяжёлым, и она невольно поставила его на столик, а когда ставила, поймала на себе внимательный, чуть ироничный взгляд Фрэда.

– Хочешь познакомиться с ним? – спросил он.

– Да, познакомь, – ответила Люся.

И когда Фрэд, поймав взгляд скрипача, махал призывно ему рукой, смотрела на Фрэда и вдруг догадалась: волшебство на сцене – это запланированная устройствами изюминка вечера.

Белая рубашка Иржи подлетела к их столику, и уже после первых слов, не обращая внимания на всё, что вокруг, они вдруг остались втроём: Фрэд, Иржи и Люся. С английского переходили на русский, потом на чешский, и так вперемешку. Оказалось, что русскому языку Иржи выучил отец по Твардовскому, и в доказательство он выдал тут же, за столиком что-то про сабантуй из «Василия Тёркина», а потом до конца вечера смотрел на Люсю как на девчонку из Праги и всё говорил с тем тембром голоса, какой ещё помнят русские, любившие Карела Готта. Отец остался в Праге, а сын стал инженером и уехал на край света, и ему, кажется, так надоели кенгуру, что если бы не дело, то умер бы как рыба на песке.

Горели фонари над блестящим тротуаром, над головой потухало небо, в нос не бил выхлоп машин – только технологично шелестела мимо резина по асфальту. Так приятно идти где-нибудь в Милане, в Мюнхене, в Париже или где-то ещё между Прагой и Лиссабоном, никуда не спеша в людском потоке, наслаждаясь свободой, ухоженностью мест, чужой речью и собой, смогшей, уехавшей, особенно в первый, второй вечер, пока не заскребло, не заняло сердце по дому – по крайней мере у Люси было всегда так. А сейчас она шла с Фредом и Иржи, засунув руки в карманы – чёрт его знает, зачем в карманы: ей так было удобнее показать естественность уральской девчонки где-то посреди Евросоюза. Она легко, плюнув на грамматические ошибки, болтала на английском вперемешку с русским и была счастлива.

Болтали они обо всём, только Донбасса не касались. Дома, приходя с работы, Люся обычно заставляла родителей у телевизора: отец периодически стучал в сердцах кулаком по подлокотнику дивана, а мать тихо плакала, утирая слёзы кухонным полотенцем. «Почему я вспомнила это? А, вот крыши домов с антеннами на фоне неба. Как странно...» – размышляла про себя Люся.

– Почему ты замолчала? – забежав вперёд и заглянув ей в глаза, спросил Иржи.

– Смотрите! – Она показала на стоящие на тротуаре столики и сидящих за ними чужих людей.

Иржи невольно прижал футляр со скрипкой к груди. Было тихо, только тягучая восточная музыка с бубном негромко лилась из открытых дверей кафе. Фрэд вдруг сказал что-то тихо по-арабски – горячими волнами колыхнулся воздух. Люся не поняла, и очарование вечера пропало. Она посмотрела на спутников и подумала: «А они кто? У них другая формула или та же?»

– Фрэд, у тебя русская фамилия. Ты кто? Ты действительно работаешь в SHELL?

– О, он точно оттуда! Точно, точно, – кивая, подтвердил Иржи.

Фрэд встал, посмотрел в лицо Люсе, достал из блестящей металлом коробочки визитку и церемонно, с поклоном протянул её Люсе.

– Боже, действительно пресс-служба SHELL!

Они снова пошли и, сделав несколько шагов, у Люси вырвалось:

– Обалдеть! – На выставке она пропустила представление Фрэда мимо ушей – сейчас дошло.

– Фамилия правда русская. Мой прадед уехал из России с армией Колчака почти век назад...

– Не жалеешь? – с приколом спросила Люся, откинув свою русую прядь со лба.

– Жалею, – вдруг ответил Фрэд и даже в жёлтом свете нависшего над улицей фонаря были видны его речного цвета глаза.

Нет, всё-таки что-то произошло тут, на этой холёной улице. Как будто лопнула плёнка, через которую люди обычно смотрят друг на друга и, отталкиваясь, катятся дальше. Люся достала из сумки свои визитки и протянула Фрэду и Иржи. Иржи взял, рассматривая на свет, а Фрэд медлил. Визитка шевелилась в её пальцах, а он не брал, засмотревшись на эти тонкие пальцы, и уже не стоял рядом Иржи, а стояли только она и он.

– Ну что ты, бери.

– Я приеду к тебе.

– Милости просим на Урал.

– Я к тебе приеду.

– ...Прям ко мне?

– К тебе... Я хочу тебя лучше узнать.

– Зачем? У меня есть любимый человек... сердитый... – А сама гнала, гнала какую-то гаденькую радость. Ей так казалось, что эта радость гаденькая.

– Я тебя увезу в Лондон. Хочешь в Лондон? Работать в SHELL? – И осёкся, взглянув в её глаза. – Извини.

Они остановились под фонарём у крыльца Люсиной гостиницы.

«Завтра она улетит туда, – стучало в его голове, – а там, там?..» И старый портрет мальчика в кабинете деда, а точнее, прадеда, книги и жёлтые страницы прадедовского дневника – воспоминания, как ветерок с поля, кружили Фрэду голову.

– Всё, я пришла. Утренним аэропланом мы летим домой... Пока... – И её длинные, тонкие пальцы освежили его горячую ладонь.

– Пока. Я приеду к тебе. Мне интересно познакомиться с технологией товарища Бендера.

– Тогда это к Лёхе. Только у него своя технология... Бай! – И она уже летела по ступеням крыльца и, взмахнув ладошкой, скрылась за стеклом отеля.

А утром русские стояли стайкой со своими чемоданами в ожидании такси, и тротуар возле соседнего кафе был завален мусором после вчерашней вечеринки – сказка закончилась. Когда самолёт оторвался от взлётной полосы, Люся выдохнула: «Ура!»

***

То лето выдалось на Урале дождливым. Солнце вроде лизнёт жаркими лучами мокрый асфальт и спрячется за тучи. Даже две законные недели жары растянулись по деньку да по часику на три месяца – их не заметили. Но тот день, когда Люся вернулась с выставки и выгнала свою боевую машину из отцовского железного гаража, выдался жарким. Педаль сцепления в пол, поворот ключа зажигания – и глубокий рокот ласкает уши. Люся, откинув голову на подголовник спортивного сиденья, хозяйски слушала двигатель. Правая рука на кожаной головке рычага переключения скоростей медлила, но вот первая, вторая, руль вправо – и покатила по раздолбанному асфальту между хрущёвок. Газ – и уже летит, давя колёсами тополиный пух.

– Лёх, я на Мира, ты где? – в гарнитуру спросила Люся, а сама, газанув, ушла вперёд по трамвайным путям, оставляя вереницу машин за спиной.

Зубодробильная подвеска чётко отработывала профиль чугунок, а Люся давила на газ.

– Я на пяточке жду. Не тормози, – ответили в ухо.

Дальше следовал дриблинг со знанием ям, видеокамер и «лежачих полицейских». На шоссе за Люсиным голубым спортивным болидом увязалась когда-то красная «восьмёрка». Дальше эта парочка, помогая друг дружке, выбиралась из города вместе. Вот и плакат: «Продаётся земельный участок» – всё, город кончился, ещё чуть-чуть, и они там, где за стеклом даль сосёт глаза, где над раскалённым асфальтом струится воздух, где сквозь придорожные кусты блестит речка и солнце гигантским апельсином закатывается за лес. На листе кувшинки у берега сидит лягушка, паутинка не шелохнётся на склонённом стебле, вода как стекло, а вокруг всё стрекочет и веселится. Два автомобиля ворвались сюда и погнались, рыча турбинами своих двигателей. Гонка! Шоссе раздолбано в хлам, из-под колёс летят куски недобитого ещё асфальта – дорога, дорога да точные движения двух чокнутых водил. Лягушка прижалась к листу и прыгнула от греха подальше в воду – жизнь притихла, как перед бурей.

Парень в «восьмёрке» работал одновременно штурманом для спорткара – перед ним на экране «бука» навигатор.

– 100 метров, правый поворот, – спокойно сказал в гарнитуру.

Машины летят на поворот бампер к бамперу, не уступая ни сантиметра.

– После тягуна резкий спуск... Не гони!

– Фиг тебе, – тихо, сквозь зубы выдавила Люся – и педаль газа в пол.

– Что?! – парень не понял злости.

А Люся жала на газ и, кусая губы, гнала куда-то, словно от себя. Когда после ножевого юза она оторвала глаза от пыльного лобового стекла и увидела стрелку оборотов, у неё вырвалось: «Мама...» Дорогу удержала и снова на газ, но, видно, ангел сказал ей на ушко: «Люсь, не надо». Правая ножка

опустилась на пол, и прядь непослушных волос прилипла к щеке – болид потерял ярость. «Восьмёрка» сделала рывок на поворот, обошла японское чудо, влетела на гравийную площадку и, сделав круг, победно встала в облаке песка и пыли. Следом вкатил Люсин болид – встал рядом. Облако пыли с песком повисло в горячем воздухе, закрыв краски. Люся сидела, не глуша мотор, намертво вцепившись в кожу руля, сердце, дыхание куда-то пропали.

Щёлкнул ремень безопасности. Она распахнула дверь, сорвалась с сиденья – глаза горят, губы сжаты, русые волосы растрепались, пыль на потном лице. Подскочив к «восьмёрке», Люся со всего маху бац кулачком в гоночной перчатке по капоту, потом пнула ботинком по переднему колесу, развернулась юлой – по чему бы ещё ударить? Как хотелось вдарить и расплакаться.

– Ты по своей вдарь, – медленно выходя из «восьмёрки», предложил Алексей – долговязый парень с фамилией Блинов.

– Блин, я тебя убью! Тебе жить надоело?!

Она кинулась к парню со стороны двигателя, а тот быстрым шагом ретировался за багажник и кинулся к темневшему у площадки сосновому лесу. Люся за ним. По дороге она схватила длинную сухую сосновую ветку и, размахивая ею как знаменем, подымая ботинками клубы пыли, вбежала под сосны. Полумрак и запах нагретых сосен обнял её, под ногами рассыпанные шишки, ковёр иглол и тишина, как в детстве, когда мама звала на обед, а они кидались такими шишками как пулями.

– Блинчик... Лёша... ты где? – А у самой глаза горят, шея вытянута, и ветка секирой мотается из стороны в сторону.

Алексей лежал на иголках за кустом малины между сосен и смотрел на Люську. Господи, как он её обожал! Вот сейчас бы прижал всю потную, маленькую, взрывоопасную... только бы палкой не махала. Алексей тихохонько встал и, от дерева к дереву, начал подкрадываться к Люсе сзади. Хрустнула веточка, Люся обернулась – и они оказались нос к носу.

– Сейчас будет море крови... – глаза их встретились, и она замолчала.

Он обнял её крепко-крепко, приподнял до своих губ. Ветка упала, и сосны кланялись верхушками, обсуждая этих двоих.

А дальше их приняла речка, и они плескались в ней, и забыли про время, улетая в кусочек вечности, и оранжевый шар заходящего солнца на розовом небе катился над ними на запад, и Евросоюз растаял, не оставив ни облачка.

Ночь, тишина, макушка уральского лета, речка, небо и две машины. Всё спит, только орут кузнечики. Под звёздами в оранжевой палатке она склонилась над его лицом, а он спит. Её длинные пальцы впелись в его волосы, а он спит и чмокает губами. Она целует его своими прохладными, свежими, без помады, губами, а он, приоткрыв глаза, снова закрыл их. «Блям... блям...» – она пальцем легонько шлёпает его по губам, и ложится рядом на спальник, и лежит с открытыми глазами: что же дальше-то?

***

Понедельник подкрался с неминуемой реальностью. Утро, заглядывая сквозь шторы, ветерком колыхало балконную занавеску. За окном, предвещая дневной дождик, вставало в тучах уральское солнышко. Люся, раскидав руки в стороны, досыпала последние, самые сладкие минутки. Алексей сидел за компьютером. На огромном экране монитора полз ровной ниткой график: тренд то слегка поднимался вверх, то опускался вниз и был совершенно неинформативен. Алексей вытащил на экран таблицу и изменил какой-то коэффициент – линия продолжила вяло струиться, готовая к чему угодно, только не к пере-

менам. Алексей снова вытащил таблицу на экран и вместо числа вписал в неё простую формулу. Линия продолжила тянуться, но в правом нижнем углу в рамке начало меняться число – оно зловеще росло и уже исчислялось тремя знаками с точностью до второго знака после запятой, а линия ползла куда-то, питаясь какими-то внутренними резервами застоя, подчиняясь законам физики, не ведая того, что станет дальше. Алексей откатился на стуле на расстояние вытянутых ног и неотрывно смотрел на эту гадину, как он тогда называл зелёную линию тренда. График чуть зарябил травой и вдруг рванул вверх за экран... затем упал почти вертикально вниз – сразу и до нуля, безжизненно потянулся вдоль оси ординат. Алексей выдохнул и, лохматя руками волосы, развернулся на стуле. «Её... бах... просто бах...» Он встал и задумчиво пошёл на кухню, сел напротив телевизора, что висел над кухонным столом, и машинально включил. Там что-то говорили о курсе рубля, о ценах на нефть и очередном нащупанном доньшке экономики.

«Вставай! Вставай! Вставай!» – заорал Люсин телефон. Вздрогнуло оконное стекло от звуков ритмичной музыки – это Люся врубилась свою побудку, и закрутилось утро понедельника: душ, турка, кофе, тосты, глазунья, всё рационально, быстро, как в танце, и кошка, забравшись на спинку кресла, подозрительно жмурила свои ореховые глаза на происходящее.

За маленьким столиком в маленькой светлой кухоньке, где всё под рукой, они ели глазунью.

– Лёшка, ты хоть жуй... Алё, ты где?

Алексей смотрел не отрываясь на плиту и ждал. Люся тоже повернула голову. Там, как загадка природы, стояла турка с вибрирующим клапаном – тихо, и только этот клапан вибрирует всё сильнее и сильнее... «Пш-ш» – клапан сработал, выброшенный давлением. Ой!

– А если бы не сработал? – задумчиво спросил Лёха.

– Мы бы не пили кофе, – Люся сняла турку и разлила кофе, – а ты сомневался? Алё, Лёш, не спи.

Алексей подмигнул Люсе:

– Сработал же.

В лифте они ехали одни – она головой щекотила ему подбородок, а он смотрел на светодиоды, что бежали вниз. Из подъезда они выскочили на мокрый от раннего дождика асфальт и побежали каждый к своей машине. Через мгновение они сорвались: «восьмёрка» повернула к химическому комбинату – это за город, навстречу дышащим на горизонте трубам и блестящим колоннам, голубая «японка» рванула в редакцию журнала – это в центр города.

***

Через пятнадцать минут, успев до пробок, Люся со скрипом тормозов вкатила в уютный дворик купеческого модерна и припарковалась среди новеньких «тойот» и «kia»; «пик-пик» сигналка, и Люся уже взбежала по ступеням к высоким входным дверям с солидной вывеской: «Пульс города». Стуча каблучками, разбрасывая улыбки и приветы, она пробежала по узкому проходу к своему столу и уселась – зеркальце, непокорная прядь за ухо, подмигнула себе. Ореп спрсе – не расслабишься.

За соседним столом маялся над клавиатурой сосед – вся урна в смятой бумаге, короче, творческий тупик.

– Что, так с пятницы и трудишься? – вытянув губки и строя мордочку в зеркальце, поинтересовалась Люся.

– Да, задолбали меня эти технические термины... Бред! Система противоаварийной защиты, дублирование... Консультант хренов, – в изнеможении ворчал коллега.

– Это ты о ком?

– Старпёр с завода... Во! – И покрутил указательным пальцем у виска.

– У нас главное – что? Главное, чтобы без экс-цес-сов. Так что пиши, старайся, – Люся ещё раз критично осмотрела себя в зеркальце. – А мы сегодня на бордаж идём. – И, давнив кнопку питания на компьютере, ввела пароль. – Поехали.

На экране появился какой-то молодежавый деятель. Люся пробежала глазами по тексту, выделила цветом важные моменты и вернулась к фото: мордастый, холёный, идеальная стрижка, глаза с тренированным прищуром, типично славянская внешность – парень из нашего города, который сделал себя сам. Тихонько запел телефон. Одной рукой взяв трубку, другой продолжая гнать текст, Люся ответила: «Да. Уже лечу, – нажала «print» и сама себе, весело, с улыбочкой: – Ху!» – выдохнула, спокойно встала и пошла между столов. По дороге ловко выхватила листы из принтера – и вперёд, в кабинет главного редактора. Сосед, распустив телячьи губы, восхищённо смотрел ей вслед.

В кабинете главного редактора Люсю охватила свежесть гоняемого кондиционером воздуха вперемешку с запахом кофе. В торце огромного редакторского стола, утонув в кресле, поворачиваясь с ним то влево, то вправо, Марго слушала городские сплетни от Натали – начальника отдела по связям с общественностью. Разбитная, миловидная бабёнка из тех, кому всегда за тридцать, истекала словами. Рассказ Натали слушал сидевший напротив фоторепортёр Толик – из тех, кому всегда за двадцать. Натали была в творческом порыве:

– ...Там всё схвачено. Управляющий спит и видит себя в заксобрании.

Люся помедлила у двери, не решаясь нарушить экстаз завотдела. Марго интенсивно махнула ей рукой, показывая на место рядом с Толиком, а Натали продолжала рассказывать о каком-то топе:

– Ему просто не терпится похвастаться... Короче, встреча состоится завтра... раскрутим. – Тут же повернувшись к Люсе, без перехода заговорила о предстоящем сегодня деле: – Пропуск вам с Толиком заказан. Держи карточку на парковку... – И, достав из сумочки пластиковую карточку, легко толкнула её по лакированной столешнице в самые руки Люси. – Паркуйся рядом с крузаками, не жмись с краю... Ты неплохо будешь смотреться.

Марго, не уловив перехода, спросила Наталью:

– Как там встреча с директором химкомбината?

– Ну, так я уже ж начала. Всё чики-поп. Ждёт сегодня... Ну, такой мен! Толик, растворишься. Тебя просто не должно быть.

– Это как? – округлил глаза всегда готовый ко всему Толик.

Но Наталья пропустила это мимо ушей.

– Я пойду с вами... Толик, ты должен постараться... Такой конь... о-о-о!..

– Люси, у тебя на него что-то есть? – спросила Марго.

– Google, ВКонтакте, родился, учился... Он наш. Учился в универе, бухгалтер, комсомольская юность, МВА.

– А что он любит? Рыбалка там, охота, семья?

– Баб он любит, – с растяжкой и поджав в конце губки, констатировала Наталья.

После минутной паузы Толик спросил:

– Может, мне губы покрасить?

– Толик! Он женщин, понимаешь, женщин любит.

– Давайте серьёзнее, – сдвинув брови, осадила Марго. – Люси, материал пойдёт в «Формацию лидеров». Завтра в газете, а потом повторим в журнале в рамках проекта «Карьера». Так что всё выдавать не надо. Забросишь наживку, а всё выложишь в журнале. Инновации, инновации и проще... проще, без технических деталей... Толь, сделай без буржуазного лоска... ну, чтоб глаза горели... Всё. Работаем. Сегодня вечером у меня... Вперёд!

***

Алексей степенно ехал в веренице машин к своему химическому комбинату. Комбинат, конечно, был не его, но он почему-то называл его своим – наверно, это из-за отца – тот когда-то называл завод так. Мимо тянулись уже наизусть заученные придорожные кусты, машину покачивали знакомые ямки и трещины, а на горизонте, куда стекала дорога, на фоне повисшего в тучах солнца стоял комбинат. Каждое утро в любую погоду Алексей катил по этой дороге, и живая в поднимающихся струйках пара железная громада сосала его глаза впереди вот уже семь лет после окончания политеха. Огромные, перевёрнутые вёдра градирен парили в небо, а дальше эстакады с трубами тянулись через дороги и пространство. Издали всё казалось красивым, мощным, расставленным в строгом порядке, но Алексей знал, как это железо работает и где у него болит, потому и глядел на своего идола всегда с цепочкой дел в голове. Нет-нет, он не радел уже за это предприятие с отделами и службами, его не волновало маячащее место главного технолога, его не напрягала тут карьера, ему было наплевать на уровень прибыли, тем более что и уровню прибыли было наплевать на него – ему интересно было само железо. Когда-то, когда ещё был жив отец, Лёха слышал от него слова, сразу непонятые, а теперь ставшие его правилом: служи делу, а не человеку. Вот так и проник Алексей внутрь выбранного когда-то им дела и знал каждый клапан и байпас на плетях труб, и каждый насос и компрессор, что гнали материю на переработку – конечно, не каждый, но самые главные знал до последнего сварочного шва и гайки, затянутой на фланце.

Вот и площадь перед зданием заводоуправления – «белым домом», как когда-то прилипло в начале девяностых, крутые автомобили начальства, дальше проходная и спешащие на смену рабочие.

Пройдя через проходную, Алексей потопал вместе со всеми по асфальтированной дорожке, идущей мимо древнего производственного корпуса, стоящего среди таких же древних тополей. Издали казалось всё точным и надёжным. Вблизи же над головами тянулись трубы в ржавой, мятой изоляции да лохмотья минваты свисали с голых кусков чёрных труб. Дорожка упёрлась в уютное кирпичное здание семидесятых годов кладки с вывеской у двери: «Конструкторское бюро комбината». Алексей поднялся на третий этаж в большой зал, где когда-то величественно стояли кульманы с наколотыми белоснежными листами ватмана, а сейчас стояли столы из ламинированного ДСП и мониторы компьютеров. Ремонт тут не делался с доперестроечных времён. Люминесцентные лампы вяло мигали, уже не надеясь, что им заменят дрoссель. Пройдя между столов по старому линолеуму, Алексей уселся за свой огромный прочный стол ещё устиновских времён, который спас когда-то от сожжения. Всегда, глядя на линолеум под ногами, Алексей хотел оторвать хоть кончик и посмотреть на старый паркет – может, ещё жив? Включив компьютер, Алексей погнал почту – неделя началась.

В своём кабинете за прозрачной перегородкой сидел начальник КБ Борис Фролович Папченко, без года пенсионер, седой, в аккуратном, уже не новом

костюме, с навсегда завязанным галстуком. Он скрестил руки на груди, величаво опустил ресницы – может быть, он просто заснул. Из динамика звучал знакомый голос главного инженера комбината Владимира Михайловича Шурова. Если можно было бы сейчас увидеть его, то все бы увидели человека 55 лет. Шуров сидел за деревянным столом прекрасной работы на небольшом, вёртком и прочном офисном стуле. Его руки были скрещены на огромном животе, покрытом свежайшей белой рубашкой. Галстук был чуть растянут, но не небрежно. Шуров имел уже все решения и сейчас, поворачиваясь вправо-влево, только уточнял детали и упражнял подчинённых. Так было на каждом селекторе, и Алексей знал, что будет спрошено и даже что отвечено. Когда шуровский бас спросил про батареи для источников бесперебойного питания, Алексей уже знал, что ответят автоматчики: «Заказаны».

– Конец совещания, – устало сказал Шуров, нажал на нужную кнопку на аппарате и встал из-за стола – огромный, грузный, сутулый, с пуговкой, расстёгнутой на пупке. – Ещё повоюем, – тихо сказал он и показал куда-то в сторону огромный, сжатый в фигу кулак.

Папченко выключил громкую связь, поправил очки и крикнул в дверь:

– Дубиницкий и ты, Алексей, прошу зайти.

О Николае Алексеевиче Дубиницком надо бы сказать хоть несколько слов. Ещё в семьдесят шестом году прошлого века, когда только строился комбинат, он, выпускник Днепропетровского политехнического института, приехал в составе бригады на пуск первой технологической установки. В голове у молодого инженера как живая стояла технологическая схема – каждый отвод, вентиль, теплообменник, насос, назначение которых он знал и понимал. А старшие посмеивались и гоняли молодого по технологии – всё впрок, они-то знали. Вот продули и опрессовали первый трубопровод, заработал первый насос, вот пустили компрессор – как Колька Дубиницкий и молоденький машинист обнялись тогда: это был их первый пуск. Кто на улице, там, за проходной, оценит, что значит давление за двести атмосфер и температура под тысячу градусов – и это впервые, как самолёт поднять в небо. Потом была большая страна, которая поднимала большую химию, и исколесил Николай всю свою страну, вводя в строй объекты на химических гигантах и в Кемерово, и в Лисичанске, и в Горловке, и в Березниках. А потом он вернулся на свой первый завод, защитил диссертацию, написал несколько планов развития, но... тогда уже это никому было не нужно, и Николай Алексеевич тихо стал дорабатывать в КБ и почитать лекции в местном политехническом – теперь уже университете.

Папченко кинул на стол перед инженерами папку, сам сел напротив:

– Вот, ребята, посмотрите.

Дубиницкий, как всегда, серьёзно, раскрыл папку и, подняв очки на лоб, сощурился, погрузился в документы.

– Это концепция нового производства... Сложные удобрения, из Москвы... из головной компании привезли. Необходимо будет делать проект и затем внедрять. Оцените свои возможности, прикиньте сроки.

Инженеры молчали. Дубиницкий листал содержимое папки. Алексей рисовывал лист «снегурочки».

– Будем велосипед изобретать? – не отрываясь от рисунка, спросил он.

– Ты не торопись, Алексей. Посмотри сначала. – Взгляд Папченко упёрся в Алексея поверх очков.

– Когда давать ответ? – обречённо спросил Дубиницкий.

– Вчера... Им ведь как? Нарисуй и выдай. Короче, сегодня ознакомьтесь, завтра обсуждаем у себя и идём к главному.

В кабинете повисла тишина, прерываемая разрядами умирающей люминесцентной лампы. Три инженера сидели вокруг папки с описанием чьих-то намерений вперемешку с химическими формулами, и до каждого из них вдруг дошёл смысл задания. Папченко подумал: «Влип, до пенсии не дадут досидеть». Дубиницкий эти формулы сам не раз писал, и потому его усталые глаза говорили сидящему напротив начальнику КБ: отвяжись. Но вслух старый технолог сказал:

– Поки розумний думае, то дурень вже робить.

Алексей же ещё по молодости пытался представить реализацию задания и на первом же листе из папки обратил внимание на вопрос ресурсообеспечения.

– Борис Фролович, я не ослышался, вот из этого передранного курсача надо технологию делать? – говоря это, Алексей не шутил, и оба старика это понимали.

– Да. Вот и надо учесть всё, – как можно солиднее, с паузой между слов произнёс Папченко.

– За зарплату? – вопрос Алексея прозвучал в тишине кабинета, и, кажется, от него вспучился ещё больше на полу старый линолеум.

Глаза Дубиницкого изучали содержимое папки просто потому, что он не знал, куда их деть. Повисла пауза.

– Будет премия! – с достоинством сказал Папченко, а сам матерился про себя так, как только позволяла ему натура советского инженера.

Алексей уже не мог сидеть, он вскочил и метался вдоль стола начальника, как лев в клетке. Чувство юмора – а он вообще дружил с юмором только после ста граммов – его окончательно покинуло.

– Всё наскоро, рисуем технологию, пускаемся, в ведре показываем хозяевам полученное г****, официально оформляем задним числом – и премия. – Алексей сел.

– Или... – Дубиницкий показал клетку из четырёх пальцев перед глазами.

– Я не участвую, – завершил Алексей и мирно сложил ладони над изрисованным листом бумаги.

«Раз парень ещё в кабинете, может, и повоюем», – мелькнуло в голове начальника КБ.

– Алексей, ты же сам всегда ворчал, что нет свежей работы... вот, берись.

– Я нормально работать хочу. Если покупать готовую буржуйскую технологию у хозяев кишка тонка, то давайте делать сами, но нормально... И не за подачки.

Папченко больше дискутировать не желал, в конце концов он здесь был начальник, да и что толку упражняться в дискуссии. «Поработаем», – прикинул он и, твёрдо упёршись взглядом в Алексея, отчеканил:

– У нас свои буржуи сейчас. Всё, хватит! Нам необходимо давать ответ Шурову. Эту работу всё равно кто-то будет делать – не мы, так кто-то другой. Только тогда зачем мы? Выведут всё КБ за ворота – и конец.

Папченко посмотрел в глаза Алексея и подумал: «Этот парень лучше меня, он не отводит глаз и смотрит не нагло, я так не мог, а он может, и он за этим азотом, чёрт его подери, целую цепочку реакций видит... в железе». Папченко достал пачку сигарет, готовый закурить.

– Борис, мы ж тут не курим, – подал голос Дубиницкий.

– А-а-а... – Папченко мотнул головой, выдал огонёк из зажигалки и глубоко затянулся.

– Борь, ты не прав. Просто так исполнителей не найдёшь. Ты это знаешь, – спокойно сказал Дубиницкий.

– Я знаю. Хозяева думают по-другому. Прошу ознакомиться и быть готовыми к завтра.

Делать нечего, завод – это дисциплина. Дубиницкий с Алексеем пошли к двери, а на столе остался изрисованный листок «снегурочки» с очкастым лицом самого Папченко. На обратной же стороне листа была набросана схема – так, бочонки, линии, стрелки. Папченко, конечно, обратил на неё внимание: «Чёрт, когда Блин успел?»

***

Голубой спортивный болид подкатил к шлагбауму. Люся прижала карточку к датчику, шлагбаум открылся. Рыча трёхсотсильным двигателем, автомобиль профессионально встал в ряд с блестящими «каенами», «лексусами», «вольво» и всякими там «камри», и из него вышли Люся, Толик с аппаратурой, и Наталья, чуть задержавшись у зеркальца, сверкнула идеальными ножками. Пресса во главе с Наташкой, как звали Наталью когда-то в заводской лаборатории химкомбината, поднялась по ступеням величественного крыльца с мраморными колоннами, двери перед ними раздвинулись, и все они оказались во владениях управления комбината. Они энергично поднялись по реставрированной лестнице и оказались в просторной приёмной директора комбината и главного инженера. Перед окнами слева было рабочее место секретаря директора, справа – секретаря главного инженера, вдоль левой стены у директорского входа бросался в глаза огромный аквариум. Обе барышни были на месте. Наталья сразу взяла инициативу в свои руки: на столы перед девушками с достоинством упали маленькие тубики.

– Здравствуйте, девочки. Шведская жвачка – супер, супер. Игорь Геннадьевич нас уже ждёт?

– Спасибо, Наталья Петровна. Игорь Геннадьевич на месте. – Секретарь директора сняла трубку и после достаточной паузы с профессиональной интонацией обратилась: – Игорь Геннадьевич, к вам «Пульс»... – И уже Наталья: – Проходите.

Наталья, уверенно подняв подбородок, шагнула на встречу с мужчиной. Пресса поторопилась за ней.

Директорский кабинет обнял гостей приятным запахом одеколона и воска, которым натиралась дорогая офисная мебель: длинный стол для совещаний, массивные стулья с дорогой кожей. Президент России ободряюще смотрел Люсе прямо в глаза со стены из-за спинки директорского стула. При появлении команды СМИ директор нажал на кнопку «запись» своего диктофона, встал и с радушной улыбкой вышел им навстречу. Был он высок, лет сорока пяти, его безупречную причёску облагораживали седые виски, и белая рубашка с короткими рукавами без галстука подчёркивала активность и демократичность.

– Натали, здравствуй, – сверкнув белыми зубами, он обратился сразу к предводительнице и приобнял её за плечи. – Прекрасно выглядишь.

Наталья от неожиданности даже покраснела чуть-чуть.

– Что ты, Игорь Геннадьевич, я старая больная женщина.

А директор уже целовал её руку:

– Не приближайся. – И радушно уже её спутникам: – Садитесь, ребята, – широким жестом показал на удобные кресла, незаметно приютившиеся вокруг журнального столика где-то в углу кабинета.

Пока гости рассаживались, директор нажал на кнопку связи с секретарём:

– Леночка, поухаживай за нами.

Через мгновение в кабинет вошла секретарь.

– Чай, кофе? – спросила она так, что Толику сразу захотелось и того и другого.

Он выбрал кофе.

– Я весь в вашем распоряжении до... – Директор посмотрел на часы. – До половины двенадцатого. После обеда у меня встреча с губернатором.

– А мы брали у Александра Ивановича интервью на прошлой неделе. Он много говорил об импортозамещении, – вставила Наталья.

– Мы – импортозамещение, – без нажима, но веско сказал директор.

Люся, до сих пор отдававшая инициативу Наталье, взглянула на директора не так, как на своём компе в google. Уловив её взгляд, директор внимательно посмотрел ей в глаза, а та и не смутилась и глаз не отвела, а смотрела на грани наглости, как ему показалось. «Что за молодёжь, – подумал он, – кто она, ровня?!»

А Люсе просто стало интересно: что там, под этой модельной стрижкой?

– Познакомь меня со своими коллегами, – с иронией старшего попросил директор Наталью.

Та, гордо подняв подбородок, представила:

– Люси Ёлохова. Наш ведущий обозреватель. Проект «Карьера» – это её проект.

Люся улыбнулась и чуть наклонила голову.

– Анатолий Рошин – наш фотокор.

Толик коротко кивнул и, извинившись, пошёл искать ракурс.

– У вас молодая команда. Мне всегда комфортнее с молодёжью. Как живётся, ребята? Весёлое сейчас время?

– Нормальное время. Крутимся, – весело бросил Толик и встал так, чтобы вся компания выглядела как активно работающая команда.

– Я вам интересен? – продолжил директор, уперев взгляд в глаза Люси.

– Успех всегда интересен, – без тени смущения ответила та.

– Ты работай, работай, – не дав договорить Люсе, директор поторопил Толика.

Тот только расплылся в добродушной улыбке, показав выбитый передний зуб, и продолжил делать то, что любил и умел. Толик, как и Люся, относился к тому появляющемуся типу молодых людей, который не вставал в стойку перед корпоративным успехом.

– Мне тоже интересно... – продолжил директор.

– Что же вам интересно, Игорь Геннадьевич? Ну... что заводит вас? – начала работу Люся.

Натали вся извелась – коленки то в одну сторону, то в другую.

– Мне интересно, когда я чувствую, что идея, которая пришла мне в голову, играет на опережение... Как только я это понимаю, меня уже ничто не останавливает вплоть до реализации.

– Это ведь риск. Как на это смотрят в компании?

– Меня понимают... Кто не рискует... Дальше вы знаете.

– А вы любите шампанское?

Директор откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу, и после паузы:

– Я люблю процесс. А вам нравится шампанское? Девочки, вам нравится шампанское?

– О-чень... – наконец вклинулась Наталья.

– Смотря какое, – подняла планочку Люся.

– А процесс?

– Смотря какой процесс, – покачивая коленками, констатировала Наталья.

– Ха, ха, ха, – расхохотался директор.

Люсе не понравился его смех, ну что-то не то, как перед зеркалом. Она продолжила:

– Игорь Геннадьевич, что вы считаете основными приметам статусности делового человека? Что создаёт благоприятный имидж?

Директор картинно откинулся в кресле, и тут Люся догадалась: «У-у, да ты боишься, дядя».

А директор, сдвинув брови к переносице, продолжил отвечать, как уже не раз отвечал на этот вопрос:

– Способность решать вопросы.

– Считается, что бизнес – это война. Все законы войны распространяются на искусство ведения бизнеса. Согласны ли вы с этим, и, если можно, какие собственные «военные хитрости» вы считаете наиболее удачными?

– Согласен. А хитрости пусть остаются моей тайной... Люси, у всех должны быть хоть маленькие тайны. Вот и у вас, наверно, они есть, и у Натали. – И, повернувшись к фотокору: – Толя, у тебя тоже ведь есть тайны?

– Во, вот так в повороте замрите... Оп. Здорово! Конечно, Игорь Геннадьевич, как без них!

– Ты мне покажешь меня?

– Мы весь материал покажем. Игорь Геннадьевич, всё будет блеск, – пропела Наталья.

– Не сомневаюсь, Наташенька.

– Как вы оцениваете условия для ведения бизнеса в нашем регионе? – продолжала Люся.

– Работать у нас хорошо. Я ведь на родине. Здесь квалифицированные кадры, традиции. Сегодня отношения нашей компании с региональными и муниципальными властями абсолютно конструктивные. А как же иначе? – Директор попил свой зелёный чай без сахара и не забывал о Толике – научился.

– Игорь Геннадьевич, вы баллотируетесь в депутаты Законодательного собрания. Что в вашем понимании безупречная и профессиональная депутатская работа?

– Самое главное, девочки, принимать обоснованные и выверенные решения, не идти на поводу у популистов самых разных мастей. Конечно же, ответственность перед своими избирателями – мы ж земляки. Обещать выполнимое, обещанное выполнять... Всё.

Когда директор предложил эти не раз проговоренные ответы, Люсе вдруг захотелось столкнуть разговор с наезженной дорожки – ну, надоело, вот и всё.

– Игорь Геннадьевич, мой папа инженер...

– И у папы-технаря такая милая дочь-гуманитарий?

– Да, и мой папа, инженер-металлург, спрашивает у меня, что мы делаем. Он спрашивает всех нас, что мы делаем. Он просто убеждён, что ничего. Нефтепереработка была построена в 60-е. Химия, нефтехимия – в 70-е. Это целые отрасли с наукой, технологическими институтами, гостами, кадрами. У меня нет ответа. Игорь Геннадьевич, что вы ответили бы моему папе?

Директор поставил пустую чашку на блюде и очень серьёзно, не забывая о Толике, сказал:

– Уже третий год мы – владельцы этого комбината и, наконец, наводим на нём порядок. Вы можете сказать своему папе: мы будем заниматься толь-

ко инновационными проектами... Вот сейчас ставим перед собой задачу создания своей технологии производства новых удобрений. Всё будет нормально... Толя, как, ты уже закончил?

Толик сел рядом с Натальей, аккуратно положил аппарат на пол рядом со столиком.

– Да, у меня всё. – И засунул печеньку в рот.

А Люся не унималась:

– Игорь Геннадьевич, мы хотели бы сделать репортаж на территории комбината, взять интервью у производственников. Может быть, вы позволите присутствовать на пуске какого-нибудь объекта?

– У вас нюх. Если не сорвут подрядчики, у нас по графику в конце лета пуск объекта после реконструкции. Наташ, спланируйте с Юрой. Скажи, что я поддерживаю.

– Да, да, я обязательно сегодня переговорю с Юрием Ивановичем, – деловито отозвалась Наталья и повернулась так, что её круглые колени оказались в таком ракурсе, что стало видно и повыше.

В кабинет заглянула секретарша.

– Игорь Геннадьевич, уже 11:30.

– Спасибо, Леночка. Ребята, с вами хорошо, но мне уже пора, – с сожалением подытожил директор. Он чуть бодрее, чем достаточно для неприуждённости, встал с кресла, подошёл к рабочему столу и нажал на кнопку «стоп» диктофона. – Лови Юру в приёмной, наверняка там ошивается, – сказал Наталья, чуть дольше, чем нужно, сжимая её ладонь.

Они вышли в уже знакомую приёмную. Там немолодой мужчина, присев на столе, ворковал с молоденькой секретаршей главного инженера. Наталья вся стала прямо как кошка.

– Юрий Иванович, – громко, с растяжкой, как к самому дорогому и желанному обратилась она к сидящему на столе дяде, – доброго здоровья.

Мужчина быстро обернулся и расплылся в самой добродушной улыбке:

– Натусь, здравствуй. Ты машину сменила?

– Что вы?! На «шестёрке» езжу.

Они обнялись как старинные знакомые после долгой разлуки.

– А чья «импрэза» припарковалась с моим «лексусом»?

– Это Люси. Любит гонять... Моя «зум-зум» меня пока устраивает. Знакомьтесь, Юрий Иванович, наша команда.

– Орлы! – оглядев хитрым, прищуренным взглядом ребят, констатировал Юрий Иванович.

– Это Юрий Иванович Непишев, – уже по-деловому Наталья представила заводского пройдоху, вставшего у стола секретарши, – правая рука Игоря Геннадьевича. Всё знает, всё может.

– Всё могу, Натусь, но ты меня захвалила.

– ...И просто ду-у-шевный человек.

– Скажи просто: что надо?

– У вас установка после реконструкции выходит. На пуске хотим поснимать. Игорь Геннадьевич поддерживает.

– Пригласим. Сама за главную?

– Люси. Это её тема. Я, конечно, буду... осенять.

Юрий Иванович небрежно достал визитницу и, сжимая указательным и безымянным пальцами картонку с корпоративной символикой, протянул её Люсе.

– Свяжитесь со мной через месяц, раньше не стоит. Обговорим детали.

Люся в ответ протянула свою визитку и улыбнулась:

– Спасибо, я позвоню.

– ...На дороге осторожнее. – И уже без рисовки, как бы ко всем: – Дочка у меня вот такая же.

– Постараюсь, Юрий Иванович. До свидания.

Миссия была выполнена, и они вышли из приёмной в недавно отремонтированный коридор со странными гравюрами по стенам, под ногой у Толика загуляла плитка.

– Что за мэн? – спросил Толик.

– Сколько на заводе бываю, он всегда где-то в приёмной, а какая у него должность, не знаю. Люсь, дай визитку.

Наталья взяла в свои пальцы с длинными-предлинными ноготками визитку Непишева и, прищурившись, стала читать вслух:

– «Помощник ген. директора по...» О, это я никогда не запомню. Но все сплетни он знает. Обязательно поговори с ним.

Навстречу «Пульсу...» по коридору чуть боком плыла уже немолодая высокая дама с длинными волосами цвета блонд, в брючном костюме и с озабоченностью в каждом шаге. Наталья сразу расплылась в сладчайшей улыбке.

– Ольга Васильевна, здравствуйте. Как дела? Вы вся в заботах, в хлопотах. Тяжела профсоюзная нива? Ребята, идите, я догоню.

– Наташенька?! – Глаза профсоюзной деятельницы загорелись неподдельной радостью, но, услышав про хлопоты, глаза снова подёрнулись деловой грустью. – Здравствуй, милочка. Да, ты знаешь, столько дел, всем что-то надо. Но ничего, держимся. Работа, работа. Как мамочка?

– Пенсия... Что тут скажешь? Потихоньку. Дача, внучка...

– Внучка – прелесть. Сколько ей лет?

– Осенью в школу пойдёт.

– Как время летит... как летит... Передавай привет мамочке. А как ты? Где трудисься? Муж?

– Друг, работа. Полный комплект. Работаю в журнале. Начальник отдела.

– Ну и хорошо. Я рада за тебя. Есть кабинет, персональный компьютер... Это главное.

– До свидания, Ольга Васильевна, будьте здоровы.

– До свидания. Кланяйся мамочке.

Они поцеловались и пошли в разные стороны: Ольга Васильевна поплыла к своему профсоюзному кабинету, а Наталья модельной походкой – догонять коллег, про себя вспоминая то время, когда трудилась в заводской лаборатории и белый халатик на ней был круче «маленького чёрного платья».

Она догнала ребят уже в скверике перед парадным крыльцом. Они стояли у скамейки, и Толик не находил себе места без курева – среди зелени белел плакат с перечёркнутой сигаретой и твёрдой надписью: «no smoking».

У Люси запел сотовый телефон, как часто бывает, не вовремя. Ещё вся в минувшей встрече, Люся ответила. Её лицо последовательно изобразило удивление, радость, смятение.

– Здравствуй... Завтра? Это во сколько? Аэрофлотовским рейсом... Встречу, только отпрошусь в журнале. Фред, официальное письмо? Как всё серьёзно... Нет проблем, встречу. Скинь на «мыло»... Куда-куда – на mail. До встречи.

И всё, и телефон, как вестник неожиданного события, полетел в сумочку.

– Это кто? – уловив серьёзность разговора, спросила Наталья.

– Это? Это пресс-служба одной очень известной компании.

– Марго знает?

– Ещё нет. Ну что, погнали?

– Девочки, уже хочется жрать, но давайте пообедем вокруг этого большого и вонючего чудища – пофоткать надо, – попросил Толик.

Толику возражать было невозможно, и они погнали по круговой дороге вдоль забора из бетонных плит, украшенных спиралью блестящей колючей проволоки. Наталья сидела на переднем сиденье с открытым стеклом, ветерок охлаждал ей лицо. «Отец приходил с работы вот с таким же запахом, – думала она, – и меня по своей дорожке направил... Да, точно чудище. Сколько людей отпахали тут и ушли...» – Наталья вспомнила старые чёрно-белые фото в отцовском альбоме: отец в операторной с телефоном, отец с товарищами у пусковой установки, флаги, все в телогрейках, радостные, и... никого уже нет.

Когда-то в далёкие времена первой молодости комбината фотографы местной газеты любили снимать ветку цветущей яблони на фоне какого-нибудь химического реактора. Тогда слова «экология» не знали, но чутьё подсказывало, что рядом с химической бочкой должна быть жизнь. Потом это все стали повторять. Сейчас завод пролетал мимо как особая территория, живущая по законам физики и химии, а люди при ней.

***

В глухом шуме зала заводской столовой посреди очереди на раздачу стояли Алексей и Дубиницкий – всё по трудовому расписанию, законный обед сорок восемь минут. Многие из этой очереди так стояли, кучкуясь со знакомыми, в одно и то же время, изо дня в день много лет – обед как маленькая жизнь. Набрав, что хотели, инженеры устремились к только что освободившемуся столику и, поставив тарелки, уселись. Они не будут спешить, у них ещё осталось 30 минут.

– Что-то ты сегодня смурной. От начальственной дури? – спросил Алексей, разгоняя ложку сметаны по крошке.

– Я привык.

Мимо столика с подносом проходил высокий белобрысый мужчина с зачёсанной лысиной. Это был главный метролог комбината Владимир Павлович Звягинцев. Он был человеком жизнелюбивым, и к своим пятидесяти годам он уже четверть века отработал на комбинате, знал все заводские закоулки и был необходимым винтиком в цепочке производства. Природное жизнелюбие приучило его радоваться малому. Солдат спит, а служба идёт – это была его любимая поговорка. Нет, он не спал, напротив, слыл ценным кадром – он, как старый речник, плыл по течению, зная все мели и косые валы.

Дубиницкий, чтобы прекратить невесёлый разговор, бодро пригласил его присесть.

– Владимир Павлович, паркуйся к нам.

– Привет, химики.

Звягинцев сел, с аппетитом рассмотрел содержимое своего подноса и, пожелав всем приятного аппетита, принялся за обед.

– Как батареи-то, Владимир Павлович? – спросил Алексей, запомнив поднятый на селекторе вопрос по источнику бесперебойного питания.

– Найдём, – отвечал Звягинцев, отхлёбывая компот. – Старые пока поставим.

– Владимир Павлович, клапаны на антипомпаж твоя служба отхлопывает? – спросил Алексей, вдруг вспомнив свой утренний кофе.

– Ещё этого нам не хватало... Схему отхлопаем, а клапан не наш. А что спрашиваешь?

– Да так... А их вообще-то проверяют?

– Вот видно, Алексей, что ты не производственник. Что в наряде есть и за что платят – делают. Не платят – не делают... Не-не это у механиков. – Звягинцев с аппетитом хлебал крошку и говорил: – Ты, Лёш, про клапан спросил, а чего ж про печки не спросил? Раньше футеровку печам меняли каждый год, и то экологи на весь город визжали. Сейчас раз в четыре года – и молчат. Ха, ха, ха... Лёш, меньше думай.

Алексей, конечно, знал про печи, но говорить уже не хотелось. Дубиницкий же сейчас просто мечтал выйти на улицу – так стало ему лень, что языком повернуть не хотелось, а как подумал, что надо идти за свой стол, чуть не завыл. Он встал и, кивнув Звягинцеву, пошёл с подносом к транспортёрной ленте. А Алексей смотрел на его усталую спину и подумал: «Как будто несёт не поднос перед собой, а своё больное сердце».

– Приятного аппетита, Владимир Палыч, – сказал Алексей и встал из-за стола.

– Салют, – ответил тот, думая уже о своём.

Алексей догнал Дубиницкого у курилки в тени старой ивы. Они сели на лавку, Дубиницкий закурил, Алексей не стал.

– Фролович сунул документы, а что смотреть-то там? – глубоко затягиваясь, Дубиницкий заговорил о документах по новым удобрениям. – Всё уж смотрено-пересмотрено. Надо было лет тридцать назад подгонять... Клоуны.

Алексей, прочитал вслух поблёкшую надпись на упирающейся в небо гранбашне: «1976». «Её даже названием новой компании не смогли замаскировать», – подумал он, глянул в умные глаза Дубиницкого в сетке морщин.

– Как так, у него уже всё?

А Дубиницкий понял его и упёрся глазами в землю.

– Ты же классный химик. Можно ещё рвануть, – наивно, сам поняв, что наивно, спросил Алексей.

– У Антонины старые родители тут... Мои уж умерли. В Горловке и дома-то нашего, наверно, нет. Звоню сестре в Житомир по-русски, а она мне по-украински, я ей по-русски, а она по-украински. О как! Я устал.

У Алексея мысль о своём рванула как воздух в лёгкие у пловца из глубины:

– Всё, Николай Алексеевич, ухожу я с комбината.

– Где работу нашёл?

– Займусь своей фирмой. Нарботки есть. Пора начинать.

– Предпринимательство, инновации... Ну, правильно... Договоры уже есть?

– Не-а.

– Смело.

– Немцы заинтересовались. До товара работу доводить надо, а денег нет. Договорились в Москве встретиться.

– А наши слово «НИОКР» не знают?

– Кто наши-то?

Дубиницкий молчал. Пепел длинной обугленной палкой навис над его ботинком, готовый упасть и рассыпаться.

– Что будет дальше, не знаю... Но сегодня меня ведут в театр. Вот это я точно знаю! – бодро объявил Алексей.

Пепел упал на ботинок, и Дубиницкий шумно топнул, сбивая его на землю.

– На что идёте?

- «Р-ревизор-р». В театр «У ворот».
- Очень своевременная пьеса.
- Самое главное – редкая.

***

На тесных театральных подмостках – точка в истории, немая сцена. Занавес не опускали, и зал как будто чего-то ждал, даже подростки, которых вывели на культурное мероприятие, связанное со школьной программой, тихо сидели. В тишине слышались робкие хлопки и замолкли. Зрители молча потянулись на выход, а на сцене продолжал стоять Городничий со своей компанией – так и опустел зал, свет не гасили. Какой-то мальчишка заглянул в зал – может, что-то ещё будет? Нет, стоят. Мальчишка тихо прикрыл дверь.

Зрители выходили в маленький, уютный, окружённый зданиями дореволюционной постройки дворик. Вечернее небо кусками голубело среди раскидистых старых лип. Алексей с Люсей вышли со всеми за чугунную ограду на узкую горбатую улочку старого города. Сумерки дышали свежестью и липовым цветом, липы закрывали город, раскинувшийся огнями внизу.

– Как тихо, и липами пахнет, – сказала Люся, прижавшись к Алексею.

На ней было платье в белый горошек, и Алексею нестерпимо захотелось обнять её – не так просто рукой за талию, а крепко-крепко, чтоб растворилась в нём. Он прижал её.

– Лёх, ты чего? – Она выскользнула, как лепесток цветка между пальцев. – Как постановка?

– Я бы сцену сделал на площади. Вон там, в центре. – И он показал на город, где между двух сливающихся рек автомобилей чернело пространство. – Я бы вообще мюзикл сделал. Рок-оперу...

– И все увидели бы, как ты талантлив.

Алексей промолчал. Его всегда ранила Люськина интонация, когда он ненароком забегал на её территорию. Но она таскала его на премьеры, на какие-то просмотры элитарных фильмов, после которых всегда был трёп, и её многословные знакомые с матом и пузырями у рта что-то доказывали. Очень редко, когда уж совсем доставало, Алексей встречал с короткой репликой, после которой обычно говорить было уже нечего и наступала раздражённая тишина. Тогда Люся спешно уводила его и долго что-то объясняла с той интонацией, которая Лёху и колола. Он просто спрашивал её: а чего они матерятся? После этого наступали немая сцена и разрыв навсегда... до прихожей.

– Лёш, не обижайся, – прижавшись щекой к плечу Алексея, тихо извинилась Люся.

– А что они там на сцене застыли? – спросил Алексей через несколько шагов.

– Наверно, чтобы мы спросили: что дальше?

Шли молча мимо огромных, светлых, почти от самого тротуара окон кафе. За стеклом никого не было – свободные столики под белыми скатертями.

– Давай зайдём, – предложила Люся.

Они встали перед уютным крыльцом, накрытым листвою старой липы.

– Туда, где чисто и светло... Зайдём!

Алексей распахнул лёгкую дверь и, пропустив вперёд Люсю, зашёл следом. Запах ванили сразу охватил их. Захотелось чего-то вкусенького. Они прошли к самому лучшему столику у окна и с удовольствием сели, осмотрелись. Вдоль стен стояли стеллажи с толстыми книгами, в простенках

висели гравюры дореволюционного Города, фотографии старого завода – того, вокруг которого когда-то и строился Город. Барная стойка вообще была оформлена под балкон купчины – в общем, наворотили тут дизайнеры. У «балкона» сидел неприметно одинокий посетитель.

– Мы не одни, – сказала Люся, рассматривая заведение.

– Раньше это было кафе «Мечта», и мы отмечали тут начало первой сессии, «кровавая мэри» под пельмешки, – вспомнил Алексей. – О, смотри: собрание сочинений Горького... Растём.

К ним подошла молоденькая официантка в длинном тёмном отглаженном платье с белым строчёным воротником – то ли учительница, то ли курсистка позапрошлого века, не хватало только очков-велосипеда на аккуратном носике. Алексей даже посмотрел – не торчит ли из складок платья рукоятка нагана. Присев, официантка положила на стол книжки-меню.

– Добрый вечер, меня зовут Вера, – мило улыбнулась.

Люся раскрыла томик меню. Жёсткие страницы под её пальцами переворачивались по одной – солидная книжка.

– Барышня, тут у вас библиотека или модный салон? – спросил Алексей.

– Библиотека, – снова заученно присев, ответила девушка.

– Мило. Люсь, что читать будем?

Люся показала пальчиком в меню.

– Мне вот это пирожное и зелёный чай.

– А мне, Верочка, что-нибудь от Николая Васильевича. И чайник зелёного чаю.

– Лёх, лопнешь.

– Нормально. Только чай без добавок. Просто чай, пожалуйста.

Официантка хлопала длиннющими ресницами, готовая присесть под каждое слово.

– Извините, Николай Васильевич у нас не работает.

– Точно не работает?

Официантка кивала.

– А жаль, – Алексей нахмурил брови, – жаль... Несите пироженку, самую вкусную, какая вам нравится.

– Вот эта мне нравится, – прошептала девушка и, присев, показала пальцем в страницу.

– Несите, несите.

Официантка исчезла, а они, облокотясь на столик, глядели друг на друга.

– Тут не хватает музыки, – сказал Алексей.

– Смотри, – Люся показала глазами на стенку за спиной Алексея, – твои прапрадеды.

Алексей обернулся. На стене висела большая чёрно-белая фотография в рамочке под стеклом: машина с паровым приводом, а перед ней группа инженеров в кителях и фуражках.

– Да, музыки парового молота тут не хватает.

Люся улыбнулась.

– А мне тут нравится.

Они снова замолчали. Алексей был спокоен, даже расслаблен, как всегда, когда задумывал что-то новенькое.

– Люсь, я решил уйти с фабрики.

– Решил?! Лёш, ты молодец... Я знаю, у вас получится. Сейчас столько говорят об инновациях, это так важно!

Она ещё говорила, часто повторяя «инновации», «предпринимательство», «малый бизнес», и, если бы не ехидная улыбка Алексея, её бы занесло

и в «нанотехнологии». Алексей слушал Люсю и улыбался, как, наверное бы, улыбался ребёнку, рассуждающему о космосе. «Поразительно, – думал он, – они готовы говорить о том, чего не только не понимают, но даже и почувствовать не могут, причём одинаково много и убеждённо и со знаком плюс, и со знаком минус». При этом под «они» Алексей представлял каких-то других людей, от которых уже хотелось заткнуть уши. Люся же для него была его женщиной – вот и всё.

– Лёш, ты чего? – почти обиделась Люся.

– Так... Я просто представил, как положу завтра на стол начальнику заявление.

В это время Вера принесла Люсе чай с пироженкой и, заученно присев, удалилась.

– Комбинат не заинтересовался твоими предложениями? – кусая розовое лакомство, спросила Люся.

– Там один хрюн спросил: разве холдинг ставил перед нами такую задачу? А сегодня велят рожать для них технологию по новым удобрениям... Умники.

– И куда же ты?

– Оживим свою компанию, и вперёд. Мои матмодели сейчас в яблочко. До товара довести надо.

– Я, Лёх, так понимаю, для комбината это должно быть интересным.

– Умница. Но... через несколько лет их технологии будут неактуальны. Что дальше? К старым кастрюлям автоматику приделывают... забугорную. Реконструкторы хреновы... Смех. Просто наши хозяева всё выжмут, набьют карманы и свалят.

– Сегодня я брала интервью у вашего Игоря Геннадьевича.

– И что?

– Представь себе, интересно. Энергичный, ещё молодой руководитель, который способен решать... Масса планов.

– Ох, – выдохнул Алексей, – этот бухгалтер что-то понимает в химическом производстве?

– Лёш, может быть, ты что-то не улавливаешь? Мне кажется, ты не прав.

– Я инженер, я облазил и рассчитал все самовары на комбинате...

– Ну не дураки же они!

– Они не дураки... Я тоже... Сегодня утром по своей модели обкатал крайние режимы кислотной установки... Я в одном месте ввёл коэффициент износа... только в одном... Бах! Просто бах.

– Это же виртуальный бах. Ошибка в формуле.

– Может, и ошибка. – Алексей навалился на спинку стула, раскинув руки.

Официантка с подносом шарахнулась в сторону.

– Оп, извините, извините, – Алексей вскочил со стула, взял у девушки с подноса фарфоровый горячий чайник и блюдо с пирожными. – Сейчас полакомимся. Люсь, вон то пышное смотрит прямо на тебя.

Она не выдержала, и крем забелел на её носике.

– Лёш, а мне доверили руководство проектом. Издание на подъёме. Мне интересно.

– Люсь, что интересного? – думая ещё о производстве (чёрт бы его побрал), простонал Алексей. – Тупик.

– Лёш, ты не слышишь: у меня проект. Я пишу об интересных людях.

Алексей взял салфетку и вытер ей нос.

– Спасибо.

– Я рад за тебя. Ты же историк... Пусть у вас ещё в университете растворили позвоночник и отучили думать, но ты же умная, загляни вперёд. Ну что интересного? Что может быть интересного в глянцево-м журнале?! Как богатые прожирают страну?

– Лёш, ты злой сегодня. – Люсины глаза глядели в его глаза удивлённо и даже со страхом. – Ты просто не хочешь ничего замечать.

– Ага, в городе открылся новый супермаркет, уж не помню, какой по счёту. Ваш журнал об этом пишет? Не-э, наши хозяйчики очень умные. Они деньги осваивают, тарифы моделируют. Даже вон на Дне Победы наживаются.

– Блин, не зли меня! – Люся засунула в рот оставшийся большой кусок пирожного. – У нас уважаемый журнал для обеспеченных людей. Да его просто приятно взять в руки! – активно прожёвывая пирожное, явно уже не чувствуя его вкуса, промывчала Люся.

– Взять, может быть, и приятно... в руки. Использовать – нет, – бледный, как Пьеро, ответил Алексей.

– Вся элита нашего города его читает! – почти плакала в ответ Люся и от этого разозлилась ужасно.

– Сами заказывают, сами и читают.

– Блин! – Люся бросила чайную ложечку на блюдце так звонко, что одинокий посетитель у «балкона» оглянулся и вытянул шею, а Вера выглянула из-за портьеры.

Всё, нет слов, и как последний аргумент – трах кулачком по столу, как по капоту. Только блюдца с чайником подпрыгнули и запели. Прядь волос со лба тонкой ладонью, сумочку через плечо – и прочь по испанской плитке к дверям. Он рванул за ней, а она юлой повернулась и каблучком вдарила так, что искры, кажется, осветили «библиотеку».

– Блин, я убью тебя! – И, вся раскрасневшаяся, сквозь слёзы проглотила Алексея взглядом.

Уже на улице он пытался остановить её, а она оттолкнула его, прыгнула в жёлто-чёрный Рио с шашечками и улетела. Он остался один под старыми липами в свете огромных окон кафе – стоял, засунув руки в карманы, покачиваясь с каблучков на носки.

«Люська уехала к родителям, и соваться туда беспал, – рассуждал Алексей. – «Убью, Блин», – передразнил Люську, уселся на бордюр и вспомнил бомжа, вот так же сидевшего на бордюре сегодня утром в их дворе. – Сейчас рассчитаюсь и уйду», – бессмысленно проговорил Лёха, встал, машинально отряхнул джинсы и направился в кафе.

У столика его встретила встревоженная Вера с прижатым к груди подносиком.

– Барышня, счёт, – бодро попросил Алексей и уселся допивать свой чай.

Одинокий посетитель, восхищённо наблюдавший произошедшую сцену, вдруг подал голос от «балкона».

– Испания!

– Африка, – тихо ответил Алексей.

– Если вы надумаете продолжить здесь вечер, позвольте присоединиться? Алексей, ещё мгновение назад желавший уйти, вдруг выпалил:

– Валяйте, у меня окно.

Одинокий посетитель встал со своего места, взял графинчик беленькой и направился к столику Алексея. Это был уже очень немолодой человек, среднего роста, сухощавый, в светло-сером костюме горбачёвских времён, на ногах сандалии, сквозь которые были видны светло-серые носки. Он

подошёл к столику, с достоинством поставил графинчик в центр стола, уселся и представился:

– Краснов Игорь Петрович, физик.

– Алексей Блинов, химик, – в тон ему представился Лёха.

– В таком случае, молодой человек, предлагаю выпить.

– В «библиотеке»?

– Мы, молодой человек, в русской библиотеке эпохи Apple и Google... Верочка, рюмочки нам принесите, пожалуйста. – И, импозантно повернувшись вслед уже удаляющейся официантке, мягко: – Верочка, рыжики с луком и сметаной принесите и хлеба «бородинского». – И, обернувшись к Алексею: – Алексей, вы же видите, я не запивший лаборант. Я доктор физико-математических наук, продолжаю ещё преподавать, много работаю.

Он говорил это, как говорят в таких случаях люди пожилого возраста, достигшие определённого статуса и желающие доказать себе свою значимость. Краснову доказывать никому и тем более себе не было необходимости, но каждый раз, когда приходилось говорить о себе, какой-то тип проносил за него эти блеющие слова как оправдание своего существования. Краснов бешено злился на это, ненавидел себя и сжимал каждый раз побелевшими пальцами то, что было под рукой. Сейчас он сжал под собой сиденье венского стула.

– Сегодня я сделал для себя маленькое открытие и по этому случаю вот здесь. – Краснов отпустил стул и попытался выглядеть проще.

– Поздравляю, Игорь Петрович.

Это «Игорь Петрович» прозвучало от Алексея абсолютно естественно. Сначала у него готово было сорваться: «Игорь» – но он, глянув на старика, понял, что это пошло.

– Вы действительно химик? – заинтересованно спросил Краснов, рассматривая Алексея.

– Химик-технолог. Работаю на комбинате.

Они смотрели друг на друга, словно определяя «свой-чужой». «Свой», – решили они.

Подошедшая официантка попыталась разлить водку.

– Спасибо, Верочка, мы сами. – Краснов не торопясь разлил водку из пузатого графинчика. – Давайте, Алексей, выпьем за науку! За знакомство пить не будем. Давайте за неё, родимую. Чтобы светлые мысли иногда посещали нас.

Они выпили после тихого «дзынь». Краснов с удовольствием закусил рыжиком, отломил от тонкого ломтика «бородинского» кусочек и понюхал, наслаждаясь.

– У меня, молодой человек, сейчас такое счастливое время, когда я могу позволить себе заняться исследованием любой темы. Я послал свой родной университет далеко-далеко, читаю только курс общей физики юным балбесам в политехе и увлёкся... менеджментом.

– Чем? – Алексей скосил взгляд на пустую рюмку.

– Не удивляйтесь. Правильно, без рюмки тут не разберёшься.

Из графинчика снова булькнуло... Выпили.

– Заставить людей делать то, что считаешь необходимым, и при этом чтобы они ещё и были готовы делать это больше, лучше, да ещё и вкладывали в это душу, талант – вот задача. Задача. Давайте, Алексей, за Россию.

– У-у-у... она большая, – сказал Алексей, а про себя подумал: «Сейчас начнётся...». – Давайте просто за знакомство.

Крякнули.

– Хорошо пошла... И как же это вас угораздило, Игорь Петрович?
– Без менеджмента... с ба-альшой буквы нам пи..., в общем, плохо будет. Правда, вопрос: ради чего заставлять? Меня достали «фурсики», которые ползут за дипломами о высшем образовании.

– Игорь Петрович, переведите!

– Да, по фамилии министра образования мы их прозвали.

– Сейчас, кажется, новый.

– Посмотрим. У меня внук нынче ЕГЭ сдавал... Лёш, это не школа, это просто ИТУ: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация. Ребятишки уже заранее воры.

– Ну и как сдал внук? – Алексей без спроса разлил водку.

Выпили молча.

– Спрашиваешь! Моя школа... Я сейчас приду.

Краснов вышел из-за стола и лёгкой походкой, шлёпая сандалиями по плитке, направился к туалету.

Алексей думал: «Что это меня понесло?» – а пустота тянула... тянула, кружила, и хотелось найти что-то, ответ, что ли. Он поднял глаза от блюдца с рыжиками и упёрся в старинную фотографию с инженерами: что, братцы, смотрите? Выпить и вы горазды были.

Краснов бодро вернулся из туалета, потирая влажные руки, и без перерыва, как будто и не уходил, продолжил:

– Вообще, если цель определена правильно и для достижения её необходимы знания, а не бумажка, то и коррупция в образовании сама собой отпадёт... Будет запрос на специалистов, да просто на грамотных людей, и они появятся и даже быстро. Но это – другая тема... Так вот, о менеджменте. Моя дочь – у неё ООО – занимается оптимизацией бизнес-процессов. Улавливаете?

Алексей дисциплинированно кивнул.

– Моя дочь подкинула мне задачку – исследовать процесс подготовки проведения капитального ремонта на промышленном предприятии... Вам, наверно, это близко?

– О-очень.

– Понимаю ваш сарказм – вы производственник. Я физик и стал копать эту тему настоящим образом. Мне пришлось перечитать кучу литературы, всё англоязычная, в подлиннике. Я жил в интернете и библиотеке. Жена наконец перестала таскать меня на дачу... Счастье.

– Игорь...

– Петрович.

– Игорь Петрович, это настолько мне близко, это так меня трогает...

Наливайте.

– Я сделал работу. Я выдал Юльке по всем нормам советской высшей школы оформленный труд. – Краснов снова разломил «бородинский». – Я был горд своими выводами и ждал признания... Дочь спрятала мою работу в стол и сказала: «Спасибо, пап, это сейчас неактуально...» Я пошёл в «библиотеку». – Краснов склонился к «бородинскому» и понюхал.

Алексею даже стало жаль его седину.

– Что, так пробило?

– Да... всё как-то... – Краснов положил кусочек «бородинского» в рот.

– Понимаете, Алексей, если целью действительно является улучшение управления, то управленцев можно сократить минимум на 50 процентов. IT-технологии просто перечёркивают теперешние управленческие процессы. Сокращение в разы! Это моё личное открытие в результате исследования реального процесса. Я всё просчитал. Всё становится прозрачным – функци-

онал, ответственность. Алексей, ведь до чего доходит – до 18 уровней управления!

– Хи, хи, хи...

Это «хи, хи, хи» у Алексея получилось особенно ехидно, потому что он выпил, а от этого у него проснулось обычно дремавшее чувство юмора.

– Кто ж себя будет сокращать? Они работяг сократят – «мясо». У нас на комбинате директор по развитию – юрист. Он считает так: внедрил автоматику – сократи человека. Следит за правильностью выполнения процедуры тендеров и сроками. Этого любителя iPhone в юротдел бы загнать да отправить на аутсорсинг, а он учит, – Алексей сказал это грустно.

Краснов расхохотался:

– Вы, Алексей, чем занимаетесь?

– У меня своя компания... помимо завода. Всякие штучки новые пытаемся делать. Как сейчас говорят – инновационная компания.

– Ну и почём нынче инновации?

– Да баловство одно. Бизнесом по совместительству заниматься нельзя. Если бы я торговал, скажем, запчастями к иномаркам, то на комбинате бы не работал.

– Чего ж не занимаетесь?

– Скучно.

– Везде успеваете?

– На комбинате делают вид, что платят, а я делаю вид, что работаю.

Они ж и задачи толком поставить не могут. – Алексей выжал последние миллилитры водки из графинчика. – Давайте, Игорь Петрович, на посошок.

– Уже всё?.. – грустно удивился Краснов.

– Всё.

– А девчонка у тебя – огонь. Ух, хороша! – Краснов поставил рюмку, замолчал... – В деньгах, что ли, всё? А, Лёх? Пойдём домой.

Они вышли на улицу. Свежий ветерок ласково обнял их, снизу долетал шум города. Пожали руки.

– Игорь Петрович, вас подвезти?

– Нет, Лёша, я пешком, тут близко. – Он повернулся и неуклюже зашагал по асфальту.

Вдруг обернулся к глядевшему ему вслед Алексею и рывком, как в последний раз, подошёл, а в глазах слёзы, и заговорил твёрдо, чеканя слова.

– Они «Кружилиху» валят... Со мной, Лёш, всё. Мне в клинике лекарств выписали тысяч на пятнадцать – аденома, дэобэт... Денег нет, что есть, пропиваю... Лёш, всё, всё протрепали! На научных советах, за чаем, на кухнях. Песенки дебилные у костров выли. Стыдно. Я внуку в глаза смотреть не могу. Понимаешь?! Страну по хребту ломать будут. Вот тут! – Краснов показал указательным пальцем под ноги. – Мне сон стал один сниться: иду, ещё мальчишка, вдоль строя солдат, в глаза им гляжу. Они стоят молча, в шинелях. Я руками трогаю их, а шинели колючие. Ремни тугие трогаю, всё иду вдоль строя и в глаза им смотрю. И вижу: стоят бойцы в белых маскхалатах. Я подхожу к ним – и радость вдруг такая меня охватила: отца увидел живого. Ору, захлёбываюсь от радости, а он смотрит куда-то вперёд и не слышит меня, и я себя не слышу, но ору, как через стекло, потом просыпаюсь. Если б кто меня подвёл сейчас к той амбразуре... Матросова, да и не сейчас, а тогда, если б вернуть, исправить... Я б лёг. Прощай. – Краснов положил руку Алексею на грудь, слегка хлопнул, развернулся и пошёл в тень по горбатой аллее.

Алексей смотрел ему вслед, и злоехидное слово «дэобэт» кружило в его мозгу, как мусор. И ещё какая-то «Кружилиха».

***

Белые ночи закончились, стало совсем темно. Алексей ехал в такси, машинально назвав какой-то адрес. Медовый ветерок от цветущих лип трепал волосы. Мимо пролетали огни рекламы, в уютных двориках среди листвы светили фонари, на площади перед драмтеатром пацаны летали на роликах.

«А вечером-то город хорош», – подумал Алексей.

– Я люблю летом в такое время работать... или даже ночью, – словно услышав его, сказал уже немолодой таксист. – Хорошо у нас!

Алексей промолчал, ему действительно было хорошо, засыпающий город успокаивал. «Сейчас пролетим видимую со всех сторон колокольню, свернём на проспект и до упора... – говорил про себя Алексей. – Еду к маме... вот так, как всегда... Сейчас будет канава».

Автомобиль свернул во двор и действительно встал перед раскопанными коммуникациями.

– Здравствуй, вот и я... Сколько с меня? – Алексей расплатился и вышел в родном районе.

Пройдя через арку в доме, он попал в большой двор, освещённый горящими окнами «брежневок» и фонарями вокруг футбольного поля. Алексей закинул голову и стал искать то окно, из которого на него когда-то смотрела бабушка, потом ждала мама – вот оно, горит. Проходя мимо сидящих у подъезда бабулек, он поздоровался. «Живы – это хорошо», – подумал он, вглядываясь в знакомые лица.

– Здравствуешь, Алёша. Мамочка-то заждалась, – услышал он вслед знакомый голос.

Лифт. Загораются цифры этажей, Алексей, как в детстве, считает про себя до 25, двери лифта, помнившие ещё массовое заселение, раздвигаются. Вот и родительская дверь, знакомый звук звонка, шаги матери – дверь распахивается.

– Алёшка! Как хорошо, что ты приехал. Я только что с дачи.

– Привет, ма.

Стоят в маленьком коридорчике – знакомый запах, лампочка, выключатель барахлит, поцелуй в щёку.

– Ты выпил?

– Да, но голова светлая, я соображаю – это самое главное.

Алексей скинул туфли, прошёл в гостиную и плюхнулся на диван.

– Да не снимай. У меня не прибрано, – мать всплеснула руками.

Она села на стул напротив – долго смотрят друг на друга.

– Ма, ну что ты на меня смотришь?

– Так. Всё хочу насмотреться, поговорить.

– Давай говорить.

– Даже не верится. У тебя есть время?

– Есть, – Алексей кивнул, стукнув себя подбородком по груди, – у меня сегодня есть время.

– Ну, тогда пойдём пить чай.

Алексей протянул ей руку:

– Подними меня, пожалуйста.

Она обеими руками взяла руку сына и потянула на себя, а он сделал вид, что с трудом встаёт. Маленькие, жёсткие руки изо всех сил тянули его. Он встал и накрыл второй рукой руки матери.

– Мажу кремом, а ничего не помогает. В земле всё вожусь... – смутилась мать и тут же с радостью: – Я тебя таким чаем напою! М-м, садовый, летний.

Зазвенели чашки, из термоса заструился желтоватый настой, и китайский рисунок на термосе – как окошко в то время, когда ещё все были.

– Чувствуешь аромат?

Алексей, зажмурившись, отпил из чашки.

– Мне сейчас как раз такой нужен.

– Сын, что случилось? Как Люся?

– Люська вулканирует... Я помирюсь. А так, всё в штатном режиме.

– Я же вижу. Алексей, что-то случилось...

Действительно, вот уже много лет он торопился и разговаривал всё только по телефону. Сейчас он попивал чаёк и смотрел на мать, смотрел, а она ждала.

– Что, постарела?

– Нет.

Она махнула рукой, мол, брось врать, и поправила волосы.

– Ма, что такое Кружилиха? Это ж наш пушечный завод? Вспомнил... Сейчас...

Мать вышла в гостиную, послышался звук отодвигаемого стекла на полке книжного шкафа, через минуту вернулась – в руках она держала старую книгу.

– Вот, смотри.

– «Кружилиха», – прочитал Алексей и раскрыл книгу.

– Твой прадед до войны там работал, и дед на этом заводе инженером стал. Он любил эту книгу.

Алексей закрыл книгу.

– Я возьму почитать?

– Бери.

А глаза матери спрашивали.

– Всё нормально, ма. Я уйду с фабрики.

– Ты хорошо подумал? Люсе это говорил?

– Говорил. Как ты?

– Режим штатный, как отец твой говорил. Рассказывай всё.

– С чего начать? Ты же знаешь, я наработал библиотеку технологических процессов... ну, математические модели. Немцы заинтересовались, вроде намерены дать денег на доработку. Вот всё. Будем поднимать своё ООО. На фабрике... душно.

Мать перебирала белоснежное полотенце натруженными садовой работой пальцами. Решительно расправила складки.

– Я не понимаю, при чём тут немцы и как ваше ООО будет с ними работать? Как ты говоришь, «фабрика» почему не заинтересовалась твоей работой?

– Они у немцев скорее купят.

– Почему же не у вас, ведь это так естественно и было бы, наверно, дешевле? – пыталась дойти до сути мать.

– Ма, я не знаю, – устало ответил Алексей и представил кабинеты и лица «фабричных» покупателей в них, а потом московских.

– Мне необходима эта работа... Мне многому надо научиться. Знаешь...

– Алёша, может быть, кого из наших найдёшь?

– А какая разница.

– Я не понимаю... Ты решил – делай.

– Спасибо, ма.

Спокойно стало, и сердце перешло на свой нормальный ритм.

– Алёша, ты не сказал ничего о Люсе. Почему «вулканирует»?

– Люська пишет всякую фигню о местных бонзах, гоняет на японском бешеном поросёнке, платит кредит и всем довольна.

– Пожалей ты её. Ну зачем гоняет? Ведь из-за тебя. И сам тоже!

– Завтра пойду мириться.

– А дальше что? – Мать смотрела в его глаза своими голубыми глазами и ждала, как будто вот сейчас завертится жизнь, забегают внуки и пройдёт эта бесконечная свобода.

Тишина, только часы тикают над кухонным столиком и фонари от футбольного поля горят через оконные занавески. Мать потрепала рукой волосы сына.

– Я буду ждать...

Алексей вышел во двор. Над светящимся футбольным полем стоял шум игры и крики толпившихся вокруг. Алексей встал у беговой дорожки со вспучившимся асфальтом, что тянулась по краю поля. Он вдруг вспомнил свой детский вопрос: почему большинство бегают вокруг поля против часовой стрелки, а некоторые по? Справа от Алексея чёрноголовый, по пояс голый парень в вытянутых на коленях трениках что-то быстро-быстро говорил по мобильному телефону на своём языке, слева группа ребят и девчонок громко болела за всех играющих, посасывая между криками пиво. Играли гости из ближнего зарубежья.

– Рустам, навесь, навесь! Там пусто, – орал волосатый мужик товарищу, ведущему мяч по другому краю поля.

– Так и здесь пусто, – отвечал Рустам между короткими рывками, не желая отдавать мяч. Наконец упёрся и перебросил мяч кому-то в центр.

Кто-то врубил восточную музыку с бубном, а черноголовый продолжал громко болтать по мобильнику на своём родном языке и нашем мате. Алексей смотрел на действо и от криков морщился – он вообще не был большим любителем футбола, всегда больше предпочитал индивидуальные виды спорта. Постоял и ушёл прочь, держа под мышкой книгу.

***

Люся долго жала в звонок родительской двери – её не ждали. Наконец дверь открылась. Мама обрадованно втянула её за руку в коридорчик, обняла, отстранила, посмотрела в глаза.

– А где Алексей? – И тут же, не ожидая ответа: – Какая ты красивая! – Повернула дочь вправо, влево: – Платице супер!

В коридор вышел раскрасневший отец.

– Доча, привет, а у нас гость...

В коридор выглянул Павел – Люсин двоюродный брат по отцу, взрослый, большой мужик. Он как птенчика сгрёб Люську в объятия.

– Сеструха!

И туфельки заболтались над полом.

– А я думал, что не увидимся нынче.

– Поставь на место, – со смехом протестовала Люся, а сама была рада, что Пашка приехал и матери не придётся отвечать на нудные вопросы.

Стол был накрыт на любимой кухоньке, под оранжевым шаром люстры. Люсю усадили спиной к телевизору, что висел на стенке у окна – звук был почти выключен, шли «Вести 24». Мать без разговоров поставила перед доч-

кой тарелку и наполнила её картофельным пюре, а на горку водрузила две замечательные котлеты.

– Ну ма! – возмутилась дочь.

Но было уже поздно, она «попала». Её никто не услышал, разговор тёл о самом главном. Пашка возвышался над столом и рассказывал о жительство в их родном вятском селе, о псе Тумане, с которым шатался по лесу, о знакомых мужиках, мотающихся по северным вахтам, о больничке, в которой работала его мать и которую оптимизировали, а мать отправили на пенсию, обо всём, что случилось дома с тех пор, как он вернулся с Печоры и остался.

– Больше не поеду. Отработал вахту, а мне хрен за работу. Мне, трактористу в третьем поколении... Ну, я разобрался, конечно. Вот, они у меня завели «кэтерпиллер» свой. – Пашка гордо показал любимый свой жест на 50%. – Управляющий прибежал: «Паша, бульдозер не заводится», – просясюкал Павел, передразнивая управляющего. – А я ему: «Вот расчёт!» – важно сказал и кулаком по столу между тарелок бац, но не сильно. С телегой разберусь, но деньги вперёд, говорю... Мошенники... Заплатили!

– Сейчас-то чем занимаешься? – спросила Люся, оставив надежды откатиться от котлет.

– Эх, всем хочу заняться. Набегался... Мамка на задах огорода пять сосенок вырастила, из семечек – это, когда ещё в армию уходил, сажала... Уж большенькие подросли – до пояса есть. Я их по осени на волю выпущу – местечко присмотрел. Знаешь где, дядь Вань? Над Николиным увалом.

– Да-а. Место красивое, спокойное, – протяжно, выдохнув из себя воздух, ответил отец Люси, – земляники там как платком накинуто и дорог нет.

– Точно, дорог нет, там тихо, только ветерок тянет поверху. Ничего, сосенкам это не помеха, я их аккуратненько, стайкой выпущу, друг дружку поддержат.

Все замолчали, вспоминая места, где научились ходить. Пашка долго молчать не смог – его так и распирало поделиться своими задумками, а задумок у него было шибко много, обо всех и не расскажешь, но одной он решил поделиться.

Долго, всё время пока работал у нефтяников, он мечтал о своей усадьбе. Его не вдохновляло богатство будущего дома, выпендрёж ему был неведом. Ему сильно-сильно, до самого края захотелось построить дом, чтобы там было так, как он захочет. Однажды после смены, вернувшись в двухэтажный барак общаги, упав на свою койку и унимая дрожь в руках, он увидел свой дом: крыша, труба из красного кирпича, окна, широкая ограда и... чисто. С тех пор в любую свободную минутку он рисовал этот дом на любом клочке бумаги. Потом он завёл блокнот и стал рисовать уже детально, соображая о связях одного с другим: какой фундамент, какие проёмы окон, как балки класть, как канализацию с водой подвести и, самое главное, как отцовский дом переделывать – он ведь из него собрался делать свой, и жить придётся пока в нём.

– Я надумал избу перестраивать, – объявил Пашка родственникам, – всё перестрою: фундамент, сенки буду расширять, мансарду, крышу, в ограде пол постелю. Продумал всё как положено, проектик сделал, расписал чего надо... – Павел примолк, поджав губы и насупив брови, как бы считая в уме. – Финансов хватит по календарному плану.

– Паш, ты и бизнес-план сделал? – спросила Люся.

– А как же. Я и конструктор, и прораб, и бетонщик в одном лице... Ха, ещё и инвестор.

– Это самое главное, Пашка. Ты нас-то не забывай. Деньжатами поможем, я сам с удовольствием топором потюкаю, зови! – энергично предложил Люсин отец, а мать положила на Пашкину тарелку ещё котлет.

– Как Тася-то? – спросила она о матери Павла.

– Мать нормально. Огород ей велик, так я тепличку поставил три на шесть. Там возится. Да ещё бабы к ней по старой памяти приходят лечиться – давление меряет, уколы ставит, а больше советует.

– Таська – она советчица, – со смехом сказал про сестру отец, – ты её поцелуй от нас, да в гости пусть едет.

– Поцелую, передам, приедет, – отрапортовал Пашка.

– Ну, давай дальше. Как стройка? – спросил отец.

– Стройка, – хмыкнул Павел, – решил начать с леса. Его много понадобится – и досок, и кругляк... Пошёл, как отец делал, в лесничество просить разрешение на рубку. А мне во, на 50 процентов, – Пашка опять показал свой любимый жест. – Дед мой лес садил, отец садил, я садил... В школе с классом, с Анной Михайловной... Помнишь классную нашу, дядь Вань?... Ходили липки садить, сосенки. А мне сейчас болт!

– Не дали? – тихо, почти шёпотом спросила мать Люси.

– Дали. На загон для Борьки не хватит... Поросёнка я завёл, Борькой назвал, надо было буржуем назвать.

– А что, берегут так лес лесники-то? – съехидничал отец.

– Какой берегут! Гектарами на рубку отдают. Выбривают наш лесок. Как напоследок рубят! Лесовозы не успевают вывозить, брёвна прямо на делянках гниют.

– Это что ж, чёрные лесорубы?

– Да нет между ними разницы. Заплати – и будешь белым. Ей-богу, хоть снова в свой танк садись – да по ним прямой наводкой... Лес рубят, а куда деньги текут? Без трактора по области фиг проедешь. Люсь, в вашем журнале про это напишут?

Отец при этих словах встал и вышел из кухни – вернулся скоро, с журналом в руках и с очками на носу.

– О, дядь Ваня нам сейчас процитирует.

– Процитирую.

Он раскрыл журнал и, прицелившись сквозь очки, стал быстро листать страницы, напевая песенку Высоцкого: «Мимо носа носят чачу, мимо рта – алычу...» Вот нашёл. – Отец с нажимом развернул пошире журнал, блеснувший мелованной бумагой. – Вот, Люсь, цитирую ваши перлы: «Господин Кузнецов В. А. – финансовый директор ту...ту...ту, занимаясь в фитнес-центре ту...ту...ту, сделал для себя открытие: энергию он не тратит, он её накапливает... И так далее. И фото есть. О как! Прям перпетумм мобиле... Не ты писала?

– Пап! Не я это писала.

– Там ещё рекламка Форекса.

– Пап, опять ты! – Люся уже готова была взорваться и попыталась встать, чтобы уйти, но отец посмотрел на неё сквозь очки так беззащитно, что она села.

Тишину прервал свисток чайника. Мать вскочила заваривать чай. Люся, дотянувшись до разделочного стола, взяла с него приготовленные чашки с блюдцами, стала расставлять их и убирать ненужную посуду. Голос Пашки вернул всех к беседе.

– Ничего, мы с мужиками производство пенобетона освоили. Вот компрессор привезу, и будем кирпичи штамповать... Я ведь зачем приехал? Я за компрессором приехал. Завтра куплю, погружусь – и к себе.

– Какой компрессор-то? – как технарь поинтересовался отец,

– Да, немудрёный... китайский. Послужит.

Мать открыла блюдо, до поры накрытое полотенцем, и в кухне запахло свежей выпечкой.

– Тётъ Валь, шаньги! – Пашка даже слюнки сглотнул.

– Это её фирменное! – с гордостью добавил отец,

– Мам, я умру, – радуясь и возмущаясь, почти сквозь слёзы пискнула Люся.

– Я на скорую руку... да подсушила... – оправдывалась, как всегда, мать.

Блюдо с золотистыми шаньгами проплыло перед поднятыми носами собравшихся, и руки матери поставили его в центр стола. Она не успела сесть, подняла голову к телевизору, а там Басурин давал свой отчёт по Донецкому фронту. Все посмотрели на экран, звука не было.

– Вань, добавь, – попросила мать.

Отец добавил звук. Сухие слова, цифры, обстрелы, ОБСЕ, жертвы... Усталость как бетонная плита придавила – и не вырваться, только терпеть. А так бы зарычать в небо всей глоткой, собрать силы, оторвать эту плиту, сбросить её и растоптать в прах. Все слушали отчёт Басурина и молчали.

Перед сном мать зашла к Люсе в комнату, села на край кровати. Люся отложила книгу.

– Чего вы боитесь? – голос матери прозвучал как в детстве, когда Люся училась плавать.

– Мы не боимся... Если бы он... Мам, я не знаю. Бегу, бегу. Вроде так надо. Остановиться боюсь.

– А хочешь?

– Хочу.

***

С утра после просмотра сводок в диспетчерской Владимир Михайлович Шуров собирал у себя в кабинете совещание по проекту производства новых удобрений. Кабинет у главного инженера был огромный, как и его хозяин, и всегда в нём было свежо, даже холодно. Шуров не мёрз – всегда в белой рубашке с приспущенным галстуком и пуговкой, вот незадача, расстёгнутой на пупке. Сейчас Шуров сидел, откинувшись в кресле, за своим просторным столом, ждал приглашённых и смотрел на план комбината.

На комбинат Шуров попал как в ссылку, два года назад. Ему светила заманчивая карьера в Москве, в штаб-квартире корпорации, но он не уловил политики партии, кого-то приколол точным эпитетом и – прощай, столица и стол с видом на Москва-реку. Всю свою первую половину трудовой жизнь Шуров шёл играючи – легко принимал решения, брал ответственность на себя, фантазировал, строил планы, громил, доказывал. Не имея специального образования по экономике и маркетингу, он глубоко занимался самообразованием и всегда знал, а точнее, чувствовал, куда необходимо разворачивать технологию предприятия. Поставив один кубик, он знал, что на него следом он выставит другой кубик, а затем третий и, упреждая потребность рынка, получит товар, необходимый завтра, потому что там, где-то в Китае или ещё где, планируется строить, допустим, металлургический завод или химический комплекс, и для него будет нужен их новый продукт, и надо

успеть влезть в технологическую цепочку: технология, производство, логистика – успеть, успеть, успеть! Долетев с ходу до главного инженера завода и попав в Москву, он вдруг потерялся. Вокруг, как он про себя говорил, были тупые финансисты с юристами, которые не способны понять даже предмета и верх познаний которых в химии заканчивался на уровне кислотно-щелочного баланса в рекламе зубной пасты. Это Шуров ещё бы простил, наконец, объяснил, но и цифры прогноза прибыли они не воспринимали – там работали какие-то иные законы.

Сейчас он смотрел на план своего хозяйства, мысленно материл себя и всех, кого он считал нужным, и шептал: «За всё ответь, а рычагов нет. Зачем я тут?» Первый раз он ясно произнёс этот вопрос – раньше он был только в его голове.

Шумно открыв дверь, в кабинет вошёл директор по развитию Виталий Иванович Пальцев. Он на пороге бойко поговорил с секретаршей и вошёл живчиком, с высоко поднятой головой и широко развёрнутыми плечами.

– Доброе утро, Владимир Михалыч. Показывал девчонкам, как сканировать. Каждый документ должен иметь электронную копию, – говорил Пальцев, ступая к столу Шурова.

Шуров вышел ему навстречу, и они встретились посреди кабинета – медведь в белой рубашке и человек в тёмном костюме с висящим, как собачий хвост, галстуком. Шуров пожал ручку Пальцева своей ручищей и показал сесть за стол для совещаний.

– Присаживайся, Виталий Иванович.

– А где наши академики? – с нажимом спросил Пальцев, подходя к своему месту. – Опаздывают.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошли Папченко с Дубиницким.

– Здравствуйте, уважаемые, садитесь. – Шуров пожал инженерам руки и уселся на скрипнувший стул во главе стола.

Пальцев, пожал руки инженерам и уселся справа от Шурова. Интересно он делал рукопожатие – гордо развернув плечики и вытянув руку далеко вперёд, словно хотел казаться выше и значительнее, но пожатие его было всегда вялым, как у тряпичной куклы. Впрочем, трудно сказать, как он пожимал руки, допустим, членам совета директоров. Только он сел, тут же вынул свой айфон, положил перед собой и уставился в один из его экранов.

– Ты свою игрушку убери, – бросил Шуров Пальцеву. – А где Блинов?

Папченко съёжился, чувствуя свой промах, и промямлил:

– Он, Владимир Михайлович, увольняется.

Шуров даже поперхнулся, нахмурил брови:

– Так ведь ещё не уволился... Я просил приходиться с ним. – Шуров неожиданно быстро встал, подошёл к своему столу, нажал кнопку связи с секретарём и веско и доходчиво сказал: – Блинова ко мне, сейчас! Вика, чтоб бегом! – И, ссутулясь над столом, застыл, рассматривая что-то за огромным стеклопакетом – там градирни, трубы как два столба в небо.

– Борис Фролович, стареешь? – сощурив татарские глаза, резанул начальнику КБ и вернулся к собравшимся: – Докладывай, что время тянуть.

– Мы тут изучили документы, – начал тихо Папченко, – полагаю, необходимо заложить проведение опытно-исследовательских мероприятий. Это займёт не менее полугода... Проект опытной установки с регламентом, думаю, можно выдать к маю будущего года.

Брови Пальцева, кажется, достали до потолка.

– Какой май? Вы что?! Конкуренция не спит. Нам необходимо получить первую товарную продукцию в марте и с минимальным костом. У нас есть

аппараты, которые можно переориентировать, доработать. Есть теплообменники, насосы. На опытно-исследовательский этап не более трёх месяцев! В ноябре должны быть схема опытной установки и регламент!

Айфон он так и не убрал со стола и всё время передвигал пальцем на его экране и высматривал что-то важное для совещания или ещё для какой-то другой задачи, в которую он посвящён. Папченко молчал. Он всё сказал, а на разъяснение у него уже не хватало духу, и он, сжав губы, смотрел в стол.

– Мы имеем только концепцию, – начал Дубиницкий.

Но его сразу оборвал Пальцев:

– Вам передали инновационную разработку. Из Москвы! А вы не в состоянии применить её. К весне мы должны вывести продукт на рынок.

– Эта ваша инновационная разработка уж лет пятнадцать как была темой дипломной работы моего студента, – спокойно ответил Дубиницкий.

Над столом повисла тишина. Начальник КБ молчал, что-то рассматривая на столе, потому что ему до пенсии остался год. Дубиницкий откинулся на спинку кресла и тоже молчал, потому что понимал, что Пальцев ничего не понимает. Пальцев, забыв опустить брови, сжигал сидящих напротив круглыми глазами.

– Коллеги, вы, похоже, не понимаете серьёзность задания. Москва доверяет нашему заводу инновационную задачу, потому что считает, что у нас лучшие специалисты. Мы просто обязаны справиться, – агитировал зам. по развитию.

Главный инженер сидел, скрестив руки на выдающемся животе, отодвинувшись от стола, и его глаза были хитро прищурены.

Распахнулась дверь кабинета, и выступление Пальцева прервал голос Алексея:

– Разрешите?

– Проходи, садись, – пригласил Шуров.

Алексей уселся рядом с Дубиницким.

– Смотрел? – Шуров показал глазами на папку, лежащую перед Папченко.

– Смотрел, – сдерживая дыхание, ответил Алексей.

– Вот твои коллеги заявляют, что проект опытной установки смогут выдать почти через год. Нам продукт нужен к весне. Что предлагаешь?

– Продукцию к весне?! Владимир Михайлович, вы же всё понимаете... Технологию надо делать. Надо же все режимы обкатать.

– Я знаю, у тебя есть инструментарий для моделирования процессов. Может, применим?

В это «применим» Шуров вложил огромный смысл, который Алексей понимал и потому ответил, чуть помедлив:

– Он же сырой... Откуда вы знаете?

– На то я и технический директор, чтобы всё знать.

– Да, инструментарий есть. Испытать его было бы интересно... – Алексей после этих слов сделал паузу и чертыхнулся про себя, вспомнив о Пальцеве. – Но адекватность модели всё равно необходимо проверить на пилотной установке. Время мы сэкономим, но не настолько же. Необходим нормальный проект. В конце концов, проект должен пройти экспертизу... Самовар на коленке тут не прокатит.

Пальцев оторвался от своего айфона и, ухватившись за слова об экономии времени, продолжил агитацию:

– Блинов, какой самовар? У нас есть оборудование. Руки надо приложить. Руки и голову!

О каком инструментарии идёт речь, он не понял, но отложил это в голове, надеясь ещё понять по разговору и в нужный момент использовать.

– Так прикладывайте, – посмотрев Пальцеву в глаза, ответил Алексей.

У директора по развитию вытянулось и покраснело лицо. Он уже открыл рот, чтобы одёрнуть инженера. Но тут вмешался главный инженер:

– Стоп, стоп, стоп... Заводу действительно необходимо максимально быстро вывести продукцию на рынок. Коллеги, – Шуров смотрел на тех, кто сидел слева от него, – вы же классные технологи. Ведь это же ваш завод... – Шуров, говоря это, смотрел на план комбината: что можно сделать?

– Владимир Михайлович, вы не боитесь? Если грохнет, кто будет отвечать? – спросил Дубиницкий.

– Надо сделать так, чтобы не грохнуло... Всё предусмотреть. – Шуров придвинулся к столу и весомо положил руки на столешницу.

– Экспертизы, сертификацию, разумеется, проведём... позже. За это не беспокойтесь. Всё оформим как положено, – почувствовав, что что-то, может быть, получится, загорелся Пальцев.

– Борис Фролович, надо приступать к работе. Уже сегодня... – начал ставить задачу Шуров.

Алексей слушал этот разговор, откинувшись на спинку стула, беседа приобретала до боли знакомое направление – сейчас определят сроки, назначат ответственного, запрягут и поедут.

Он сначала хотел отмолчаться – увольняется ведь, но всегдашний его бесёнок вдруг царапнул рожками.

– Владимир Михайлович, я за зарплату работать не буду, – вежливо, но определённо сказал Алексей главному инженеру.

– Не понял... Будет премия. А что тебе надо? – Шуров сыграл удивление.

На самом деле он ждал этого вопроса от Алексея.

– Кто за Королёва будет?

– Хм... ты. Коллеги, не возражаете? – Шуров даже обрадовался такому повороту.

– Я не возражаю, – успокоился Папченко – его это абсолютно устраивало.

– Меня устраивает, – кивнул Дубиницкий.

Пальцев молчал, что-то перебирая на айфоне.

– Виталий Иванович, да убери ты эту игрушку. Ты согласен? – Шуров вывел Пальцева из деловой озабоченности.

– Посмотрим, не будет справляться – заменим.

– Это само собой. – Шуров посмотрел на Алексея и начальственно продолжил: – Ну вот, коллеги не возражают. Будешь руководить проектом.

– Тогда я подберу рабочую группу – человек пять. Заводскую лабораторию в моё распоряжение, комплектация без волокиты по моему требованию. Зарплата по 10000 евро... в месяц. И чтоб из «белого дома» никто не мешал.

В кабинете повисла тишина.

– Алёша, а морда не треснет? – сощурился ехидно глаза, поинтересовался Шуров.

– Технология, проект, полный пакет документации, испытания... При заявленных сроках эта работа стоит гораздо больше. У Казале, например, покупать будет значительно дороже.

Шуров спрятал восхищённую улыбку, наклонив свою громадную голову почти к самому столу, потом выпрямился и, прямо глядя Алексею в глаза, строго сказал:

– Не смею задерживать.

– Желаю успехов, – Алексей отъехал от стола, встал и направился к двери.

В этот момент ему единственно было неудобно перед Папченко и Дубиницким. «Ничего, переживут, сейчас выйду за эту дверь, и всё...» – думал он, шагая по паркету на выход.

Его движение прервал голос Пальцева:

– Инструментарий для моделирования передай Борису Фроловичу, как положено.

Алексей остановился, как будто наткнулся на стенку – такого поворота он не ожидал. Сделав усилие над собой, чтобы не нагрубить, он без нажима, даже весело ответил:

– Покупайте.

Пальцев очень серьёзно смотрел на Алексея – было видно, что у него включились инстинкты его первой профессии. Чётко расставляя слова, как выступая в присутственном месте, он сформулировал требование: в соответствии с коллективным договором все разработки, сделанные работником компании, принадлежат компании. Так что вы обязаны всё передать своим коллегам по акту.

Алексей до самого позвоночника ощутил железную хватку законника, ему было понятно, что тот принципиально начнёт тяжбу, и тут вопрос уже не в человеческой справедливости, а в борьбе статей, параграфов и изощрённости юриста. Он ответил максимально спокойно и исчерпывающе:

– Это касается разработок, сделанных на рабочем месте в соответствии с должностными обязанностями, по распоряжению руководства. Виталий Иванович, вы сможете сформулировать то, что вы хотите получить по акту? – Алексей сделал паузу, смотря в глаза Пальцеву. – Инструментарий, как вы сказали, запатентован и принадлежит мне. На комбинате и компьютеров таких нет, впрочем, если появятся вопросы, обращайтесь к моему адвокату.

Тут, как понимал Алексей, его понесло. «Плевать», – подумал он.

– До свидания, – при этих словах Алексей посмотрел на Шурова – тот сидел, скрестив руки на груди, и по его лицу нельзя было понять ничего.

Алексей вышел из кабинета.

В приёмной он вздохнул, словно всплыл с глубины. Симпатичные секретарши – две золотые рыбки – мирно делали своё дело, шумел чайник, и в огромном аквариуме у директорского кабинета тоже текла жизнь. Алексей побарабанил по стеклу – огромная рыбина подплыла к его пальцам и начала жадно хватать ртом по стеклу, мелкие серебристые рыбки стайкой метнулись куда-то в тень. Мерно гудел компрессор, накачивая воздух.

– И что, не выпрыгивают они? – спросил Алексей.

– Куда же им выпрыгивать? Сверху крышка, – ответила директорская секретарша, кладя телефонную трубку. – Мы их кормим.

– А-а, точно крышка. И воздух компрессор качает. Всё продумано, – Алексей ещё немного понаблюдал за жителями аквариума, стало скучно. – Ну ладно, девочки, всего хорошего.

Он вышел из приёмной и направился по длинному коридору мимо странных гравюр на выход – идти за свой рабочий стол не хотелось. Алексей медленно спускался по ступеням парадной лестницы, рука скользила по дубовым перилам. «Пойду на завод», – решил он и уже знал, куда именно.

***

На производственной площадке кипела работа – кислотная установка встала на плановый ремонт, и в эти последние денёчки, как всегда, необходи-

мо было сделать всё и ещё что-то успеть. Алексей шёл по двору мимо возвышающихся слева колонн, вдоль эстакад. Народ был занят: сварщики сыпали искрами с высоты, кран разгружал новенькие трубы на бетонную площадку, монтажники, активно работая огромными гаечными ключами, уже люковали ёмкости. Алексей прошёл мимо одноэтажного здания насосной к примыкающему к нему операторскому помещению. На крыльце стояли знакомые операторы.

– Здорово, начальник где? – спросил он у рабочих.

– Да где-то по установке бегают, – схитрил молодой, – пусть управленец тут тоже полазит.

– Что ему бегать? Лёх, иди в кабинет. Там они, – направил Алексея оператор постарше, здороваясь с ним за руку.

Алексей зашёл в здание и по продуваемому насквозь коридору прошёл в кабинет начальника установки.

Кабинет начальника технологической установки – это место, где когда-то принимались решения – маленькие, но совершенно конкретные. В высоких кабинетах определялись сроки, выделялось финансирование, назначались ответственные. В кабинете же начальника установки жили и живут «полевые командиры».

Тянется синий дымок от сигареты, пепел падает на лист бумаги, и карандаш чёткими линиями, без соблюдения ГОСТов, но очень понятно выводит эскиз – внизу дата, подпись, в работу. Или, уж после смены, сидит хозяин такого кабинета, чешет затылок и считает какой-нибудь теплообменник – на столе справочник, институтский учебник и кружка растворимого кофе. Тихо: отшумел трудовой день, молчат телефоны, и начальство разъехалось по домам – можно спокойно подумать. Встанет, подойдёт к окну – там в сумерках двора блестят на бетоне осыпавшиеся дождём лужи, словно в кисее стоят аппараты, подсвеченные окнами операторной. И ему кажется, что он сделал самое сейчас важное. Это не сегодня – это картинка тридцатилетней давности. Так было. Тот, кто глушил кружками кофе, стимулируя творческий азарт, сейчас на пенсии или лёг в могилу от сердечного приступа, а тут хозяевами стали свеженькие бакалавры – они законы термодинамики уж не знают. Может, и правильно: есть начальство – пусть думают наверху. Новенькие тоже глушат кофе, но пишут уже с ошибками и матерятся как-то... неинтересно.

В кабинете Алексей застал начальника установки Димку Верещагина и механика Игоря Подборцева – обоим по 25, оба закончили местный политехнический в один год, только разные специальности. На столах, что стояли вдоль стены, кипами была разложена проектная документация, и два бакалавра черкали по очереди на эскизе, решая какую-то проблему.

– Здорово, мужики. Помешаю вам работать, – вклинился Алексей, здороваясь за руку.

– Здравствуй, Алексей Палыч. Зашиваемся. Ремонт сокращают, гонят, успеваем только подлататься да дыры залепить, – отрываясь от разговора, посетовал Димка. – Кофе хочешь?

– Не, я недолго.

Игорь встал и включил чайник – всё равно прервались, надо по кофейку вдарить. Алексей сел на стул напротив хозяев, посмотрел в глаза молодым – с чего начать?

– Гляньте антипомпажные клапаны на компрессорах.

– Кому смотреть-то? Когда? – почти взвыл Дмитрий, закуривая.

– В дефектовке этих работ нет, – тут же запел механик.

– Когда пуститесь, работайте на средней загрузке. На обкатке поспокойнее.

– Ты что, Палыч? – удивился Димка, сыпанул две столовые ложки «Нестле» с горкой в свою чёрную изнутри кружку, залил кипятком, бухнул сахару и быстро-быстро начал размешивать.

– Так... Может, и ошибаюсь. Старичка успевают отремонтировать?

– Должны. Турбину напылили, шлифуют, завтра обещают вернуть, – отчитался Игорь о ремонте компрессора. Потом, видно, продолжая думать о клапанах, добавил: – Ну ты подумай, Палыч, клапан – это ж не уют... Некогда нам. Мы ж только подлататься встали, нам из дефектовки всё повырезали.

– Секвестировали, – отхлёбывая чёрное сусло, поправил Дмитрий.

– По возможности не давите сразу. Понаблюдайте... – Алексей встал, подошёл к окну, постоял и пошёл прочь из кабинета.

Уже на пороге бросил:

– Байпасы приоткройте.

Парни недоумённо смотрели ему вслед, по кабинету разносился звон ложки о стенки стакана.

Алексей быстро прошёл мимо возвышающихся колонн, он почти бежал, не оглядываясь: «Всё, сюда я больше не приду. Быстрее, быстрее...» – торопил он себя и бил подошвой по бетону. На площадке между печами он встал и оглянулся – в глазах его отразилась вся громада технологии, колонны рвались в небо... А оно – голубое.

***

Двери бесшумно раздвинулись, и Фрэд вышел на крыльцо аэровокзала. Раннее утро прорывалось узкой полоской солнца сквозь сизые тучи, но дождя не было и было тепло. За забитыми автомобильными стоянками тянулись зелёные поля, переходящие в лесистые холмы, пахло чем-то очень Фреду знакомым, но он не мог вспомнить, чем. Он встал под навесом – белобрый, загорелый, в белоснежном пуловере, с дорожной кожаной сумкой через плечо – и осматривал пространство вокруг себя как гость, ступивший на землю, с которой когда-то уплыл. Бомбилы подходили и отходили, а он мотал головой, отказывая им, и продолжал ждать.

К шлагбауму подлетел голубой болид, стекло опустилось, тонкая рука потянулась к кнопке управления шлагбаумом, и через мгновение путь был открыт. С рёвом трёхсотсильного двигателя чудо автомобильной мысли подкатило к Фреду, и на асфальт вышла Люся.

– Уау! – только и сказал Фрэд.

– Что «уау»? С добрым утром, Федя. Кидай мешок и поехали.

Глаза парня стали большие-пребольшие, и речная синь закружила голову Люсе. Фрэд вдруг прислушался и спросил:

– Погоди, это что?

– Петухи, – ответил стоящий рядом бомбила.

– А чем пахнет?

– Навозом...

– Уау...

– Садись уже, – поторопила Люся и улыбнулась, отметив про себя, что Фрэд – как инородное пятнышко: вроде все сейчас с европейским прикидом, а этот как из пробирки.

Фрэд уселся рядом с Люсей и очень правильно сказал:

– Доброе утро, Люся.

– Наконец-то. Поехали.

Фрэда вжало в сиденье, через минуту они уже летели по шоссе.

– Какие планы? В редакцию? – переключая скорости и топя педаль газа, спросила Люся.

Фрэд молчал. Он крутил головой, смотрел вокруг, даже открыл окно и смотрел, смотрел, жмурясь от ветра, словно узнавал знакомые места, где давно не был. А мимо тянулись незасеянные поля, уже распроданные под застройку логистических центров, моллов и иных точек роста, как части пазлов, точно встающие на пересечении транспортных потоков.

– Подожди... Поехали вон туда, – попросил Фрэд и показал рукой в сторону сереющих из зарослей борщевика крыш, куда поворачивала дорога с разбитым асфальтом.

Люся свернула в забытый край прошлого века и, не сбавляя скорости, в облаке пыли полетела по улице когда-то центральной усадьбы какого-то колхоза. Когда перед глазами Фрэда замелькали вросшие в землю избы с проваленными крышами и заколоченными окнами да заросшие крапивой очертания нижних венцов, он попросил остановиться. Пыль медленно осела, потом движения не стало, и тишина накрыла этот уголок. Дома, как принято в уральских деревнях, стояли с одной стороны улицы, старые тополя сбрасывали на них свои сухие ветви, лебеда да крапива пировали в палисадниках. Постепенно тишина наполнилась стрекотанием кузнечиков.

– Нам дым отечества и сладок, и приятен, – невольно вырвалось у Люси.

– Кажется, это навоз? – спросил Фрэд.

– Это с откормочного цеха. Вон, там, смотри, – Люся показала в сторону белеющего у лесистых холмов куба. – Когда ветер с востока – тянет навозом, а когда с запада – аммиачком. – И она показала за избы.

На горизонте сквозь утреннюю дымку были видны протыкающие небо колонны и трубы.

Между изб вилась едва заметная тропинка, и Фрэд предложил пройти, как он сказал, «туда», махнув рукой за дома. Шарахаясь от сине-зелёных крапивных лесин, они пошли по явно хоженной тропинке, а кузнечики стали орать так сильно, словно предупреждали здешнего хозяина о приближении чужаков. Вот зелёное буйство расступилось, и любопытным глазам открылась лужайка с ухоженным кострищем у блестящей весёлой речки. Ни завода, ни откормочного цеха отсюда не было видно – поля, лесистые холмы на горизонте да, если присмотреться, разрезающее холмы шоссе с бегущими по нему машинами. Восток за холмами полыхал встающим солнцем, отгоняя сизые тучи, и граница между зарёй и мраком легла твёрдо, как проведённая отточенным карандашом.

– Уау! – снова мяукнул Фрэд.

– Обалдет! Даже Лёха тут не бывал, – тихо сказала Люся.

Фрэд скрестил руки на затылке, до хруста расправил плечи. Откуда-то, как из вчера, донёсся крик петуха. Фрэд, словно желая разглядеть караульщика, подошёл к самой речке и тут за крапивой вдалеке увидел край заводских строений.

– Это химический комбинат, – пояснила Люся, уже ловя горизонт фотокамерой. – Ну что? Как тебе земля предков?

Фрэд молчал и вдруг выдал – безголосо и без мелодии, с козлиным дрожанием: «Заря-заряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, месяц видел, а солнце скрало», – конец он спел почти шёпотом. Тут у Люси чуть не вырвалось «уау», но она, когда всё вокруг снова наполнилось стрёкотом, просто сказала:

- Поехали в редакцию.
- Не хочу... Покажи лучше свой город.
- Ну, хитёр... За командировочные решил экскурсию совершить.
- Нет. Я в отпуске.
- Интересно, а что я в редакции скажу?
- Дашь им письмо с моим автографом, подаришь сувенир от меня, фотографию мою на фоне вот этого, – Фрэд махнул рукой на горящие холмы и завод, – думаю, этого достаточно. – Он улыбнулся как мальчишка.
- Зачем ты приехал? – спросила Люся, не в силах возмутиться пренебрежением к почти родной редакции.
- Потянуло... тебя лучше узнать.
- Ни хрена себе, из Лондона тянет... Узнавальщик. Какой сувенир ты дарить собрался?
- Дорогой. Ну, надоели мне разговоры. Везде одинаковые эти слова, – Фрэд ладонью провёл по лицу, словно стирая что-то, – не хочу.
- Поехали. – Люся засунула камеру в футляр и энергично пошла по тропе к машине. – Ты в какой гостинице будешь останавливаться?
- В ответ было молчание. Люся вышла к машине, завела и, открыв дверь, стала ждать, готовая вдавить кулачок в клаксон, но почему-то не вдавила – прошло заведённое всегдашней спешкой нетерпение, вдруг расхотелось сигналить, и наступило просто время, меняющее цифры на дисплее. Из зарослей крапивы появился Фрэд. По ушам вдруг ударил свистящий гул пронёсшегося над головой военного самолёта.
- Поехали, – тихо сказал Фрэд.
- Они голубой молнией влетели в город и, соблюдая правила, покатали по улицам. Фрэд прилип к окну и всю дорогу что-то тихо бубнил, словно, узнав знакомые места, хвалил свою память – было впечатление, что он знал город. На кольце он попросил ехать к проспекту, а по нему – к храму, что стоял у реки – Люсе оставалось только следовать его указаниям.
- Мы не в гостиницу? – спросила она.
- Там рядом, давай сначала к храму.
- Парковаться было негде, и они, не доехав до места, едва втиснулись, выехав на тротуар у выставочного зала. Город встретил Фрэда спокойно – прохожие шли мимо, блестели стёкла витрин, и из открытой двери итальянского ресторанчика пахло не по-русски пряным. Вот и колокольня стоит, вытянувшись над улицей, смотрит на Фрэда с опаской из-за дома позапрошлого века кладки.
- Как подхваченный ветром, задрал голову, Фрэд направился к храму. Люся медленно пошла следом.
- У широких ступеней крыльца под белыми колоннами Фрэд встал, степенно перекрестился и поклонился. Долго так он стоял с опущенной головой – стоял спокойно, и плечи согнулись, и глаза ловили лиги протоптанных ступеней. Люся стояла в тени лип у чугунной ограды сквера и не могла понять, что происходит, а перед её глазами что-то происходило, она это видела и ждала.
- Фрэд стоял, склонив плечи перед колокольней, а память переворачивала страницы дневника прадеда, и Фрэд шептал: «Здравствуй, вот и я. Я здесь».
- Последним ветерком, сорвавшим его в дорогу, стала встреча с Люсей. «Боже, она из того Города», – твердил он себе и уже не мог ждать – пружина сжалась.

***

О том, что Фрэд походит на прадеда, ему сказала вынянчившая его старая тётя Аня, когда он вернулся с военной службы в ВВС Соединённого Королевства после трёхгодичного контракта. Встретив его, она, маленькая, прижалась к его лётной куртке и сказала: Феденька, Фёдор Фёдорович... Ты живой Фёдор Фёдорович... – И долго плакала.

Когда-то с ней маленький Фрэд играл в «Зарю-заряницу» – ходил вокруг няни на цыпочках и громко радовался, когда успевал схватить ключ, или клубок ниток, или оловянного солдатика, лежащего за спиной няни, прежде, чем та успевала повернуться.

От няни Фрэд и узнал о Городе на большой Реке и о колокольне, хранящей Город. В семье не рассказывали историю прадеда, как будто они появились в Соединённом Королевстве из холодной России сразу и естественно, спасаясь от нашествия или чумы. Без объяснений все в семье принимали это молчание – только Фрэду всё время казалось, что взрослые молчат оттого, что боятся в чём-то признаться, как будто что-то было скверное там, и смотреть назад не хотят.

Фрэду необходимо было встать на ступени хоть одним коленом, но он не стал этого делать при Люсе и стоял, склонив плечи, пока память словно тянула старую плёнку. Когда громкий голос мамы, зовущий малыша на велосипеде, остановил старые кадры, он сказал камню:

– Я приду позже, один... – И пошёл к Люсе.

Пока он шёл, она прогнала с лица удивление и просто смотрела на него как на гостя их города.

– Река там? – спросил Фрэд, обернувшись в сторону синевы, поднимающейся между лип над чёрными перилами фигурнойковки.

– Она там.

Они вышли на смотровую площадку. Изумрудный простор, играя под солнцем, живой лентой двигался мимо. Ветер, которым дышала Река, обнял их, и всё... и глаз не оторвать – так стоять и смотреть, дышать этим воздухом, ловить движение да провожать редкие теплоходы и завидовать тем, кто там, на палубе.

Фрэд стоял, вцепившись руками в нагретые солнцем чугунные перила, и молчал. Люся ждала, что он опять скажет своё «уау», а он молчал, смотрел на Реку как заколдованный.

Колдовство разорвал гудок теплового вагона, и следом платформы, гружённые щебнем, и цистерны с известным всей России названием компании на боках понеслись по железной дороге под их ногами, у самой Реки.

– Тут у вас мост должен быть? – спросил Фрэд.

– Их даже три.

– Железнодорожный.

– Он там, – Люся махнула рукой по течению, – отсюда железнодорожный мост не виден...

– А пешком можно дойти?

– Пошли, время есть.

Идти было не близко. Фрэд шагал быстро, но, вспоминая о том, что с ним Люся, останавливался, извинялся, подходил к краю тротуара, смотрел на Реку, спрашивал Люсю, далеко ли ещё, и снова срывался как мальчишка на свидание. Куда-то пропали его европейская раскованность, надменная уверенность успешного человека сменилась искренней жадностью встречи. Наконец, за листвой в голубой дымке им открылся мост, пересекающий гор-

батыми пролётами речную гладь. Фрэд встал у скамейки и смотрел, смотрел на мост, а по мосту шёл состав, и, кажется, был слышен летучий стук колёс, и чугунная ковка под рукой Фрэда мелко дрожала.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... – считал пальцем пролёты Фрэд.

– Все на месте? – усмехнулась Люся.

– Да, – абсолютно серьёзно ответил он, – вон тот, второй слева пролёт взорвал мой прадед... в девятнадцатом, – вдруг сказал Фрэд.

Люся подняла на него глаза и посмотрела так, как, наверно, русский посмотрел бы на правнука Дантеса, хотя и не знала, что их мост взрывали.

Прадед Фрэда по-инженерному точно описал в дневнике родной Город и всё, что было, когда он был таким же молодым, как Фрэд, – почти век назад. Фрэд отсканировал жёлтые страницы дневника, исписанные чётким почерком выпускника реального училища, и сейчас это богатство хранилось в его «буке», который был всегда с ним.

***

Серёжка Паутов первым увидел на рассветном горизонте чёрную линию наступающей казачьей лавы, когда в хрустальной тишине предновогоднего утра 18-го года ноги почувствовали дробь лошадиных копыт по промёрзшему Сибирскому тракту.

Город, покрытый серебром куржевины, ещё спал, ещё не загорелись золотом купола церквей в свете восходящего солнца, и только-только стали видны санные колеи, да зарозовели сугробы вдоль улиц. Берёзы склонили свои плакучие ветви над чёрными избёнками, не роняя ни льдистой искорки, ни снежинки. Столбы белого дыма поднимались в небо над покрытой снежными одеялами рабочей окраиной.

Серёжка, забыв про свой карабин, побежал будить заставу. Первым он растолкал Ивана Матвеевича – формовщика из литейного цеха, а там уж все повскакивали и, расхватав винтовки из пирамид, на ходу натягивая полушубки, вывалили на тракт. Они не слышали ещё казачьего гиканья, но блеск горящих в первых лучах солнца шашек колол уже им глаза – по промёрзшему тракту, сквозь смертельную стужу и колючие снега, сделал ночной бросок через Уральские горы, на Город двигался корпус полковника Пепеляева.

Красногвардейцы деловито выкатили пулемёт на дорогу, сами устроились по сторонам, взяв на прицел низину, с которой тракт подходил к заставе. Эти двенадцать рабочих с Кружилихи, а на самом деле двенадцать мужиков, гонимых голодом 12-го года и лютой нуждой, пришли в рабочие бараки из деревень с необъятных просторов Предуралья и Вятской губернии, даже представить себе не могли, что такое казачья атака. Они только Серёжку отослали предупредить командира.

– Шибче беги, Серьга, да «манлихер» свой не забудь, – крикнул ему вслед Иван Матвеевич.

Серёжка не успел добежать до ротного – с каланчи в спину красногвардейцам ударил пулемёт.

– Да что же это, – плакал Серёжка, подняв голову к небу, – дядя Ваня!

Серёжка стоял в мёртвой зоне, над головой трещал «максим», а на дороге в лужах замерзающей крови вытягивались с последним стоном мужики, с которыми он ещё прошлым вечером ел кашу. Он сорвал с плеча свой карабин, но не успел и прицелиться – чьи-то руки схватили его сзади за полушубок и втолкнули в скрипучую дверь ограды деревянного дома, что стоял за спиной. В кромешной темноте Серёжка стал вырываться и сильно тол-

кнул того, кто был сзади – тот охнул и упал на дощатый пол. Если бы не это бабье «ох», он бы начал колотить темноту прикладом, как дубиной... «О-ох» – и он опустил винтовку. Из темноты на Сергея смотрели блестящие женские глаза.

– Не ходи, – неожиданно прозвучал срывающийся на плач голос.

Она сама встала и закрыла собой дверной проём. Перед Сергеем стояла тётка лет сорока, в стёганой безрукавке, волосы выбились из тёмного полущалка, длинная юбка, и ещё Сергей успел заметить жилистые руки, как у матери. А мимо по улице с гиканьем и отчаянной удачью уже неслись казаки, и Город дрожал от этого гона. За казаками шёл штурмовой батальон Енисейского полка.

Перевалив через Уральский хребет, корпус полковника Пепеляева словно прожёт собой ледяную пустыню и огненным шаром вкатился в Город. Победа, справедливость, порядок, месть – всё это горело у них на штыках, и их задубелые на морозе шинели были как непробиваемые латы. По переулкам ещё сыпались ружейные выстрелы красных, ещё отчаянно крутили телефонные ручки комиссары, пытаясь хоть что-то сделать, но Город уже был за белыми. Пушки Красных казарм вели огонь по железнодорожной станции, где ещё оборонялись последние защитники Города. К утру следующего дня всё было закончено, и Город, сбросив революционный кумач, запестрел бело-зелёными флагами пепеляевцев. Звон колоколов всех городских церквей разлился в морозном воздухе пасхальной радостью. Главная колокольня Города стояла под морозной фатою, а на Кунгурскую улицу вышли горожане, под валенками хрустел снег, люди обнимались, снимали шапки, смотрели в голубое небо, а там металось разбуженное кладбищенское вороньё. Люди выбегали на Реку – великая ледяная дорога сияла на солнце, и всем было радостно, и казалось, впереди только счастье.

Горожане не видели, как выше по течению уже рубили проруби – ледяные братские купели. Колокольня всё видела и застыла в ожидании.

***

– А кто стрелял с каланчи? – вдруг спросила Люся.

– Штабс-капитан Александр Углёв. Друг моего прадеда. На тот момент он командовал комендантской ротой у красных, – глядя в асфальт, ответил Фрэд. – Понимаешь, бывших офицеров не бывает. Мой прадед, Фёдор Борщёв, захватил тогда с товарищами пушки в Красных казармах, и они очень точно расстреливали из тех орудий железнодорожный вокзал. Им даже корректировщики были не нужны.

Люся молчала, она вспомнила, как в детстве с отцом они частенько ездили за грибами на электричке, как рано утром с корзинками спешили с автобуса по привокзальной площади, и она, задрвав голову, смотрела на огромные часы на здании вокзала, а потом они бежали по большим ступеням всё вверх и вверх.

– Мои предки жили на Вознесенской улице, в третьем номере. На бронзовой табличке на двери было написано: «Инженер Борщёв Ф. И. Фёдор Иванович» – это мой прапрадед.

Слова Фрэда вернули Люсю из детства, и она спросила себя: «А кто же её прапрадед? Да Бог его знает... Приехали из Вятки, крестьяне».

– Отвези меня на Вознесенку, – попросил Фрэд, – это сейчас Луначарского у вас.

– Куда там?

– Поближе к рынку... э-э... к проспекту, – поправился Фрэд.
Они вернулись к машине и покатали по Городу.
– Ты к предкам на сколько? – выворачивая под стрелку, спросила Люся.
Она уже прокручивала в голове план возможной статьи, и вообще, как любой профи, сделала стойку.
– У меня сутки... Тебе не скучно будет со мной?
– Посмотрим.
От её глаз у Фрэда закружилась голова. Он это почувствовал физически, хотя, может быть, он просто был голодным.
– Ты в гостиницу думаешь устраиваться?
– Сейчас на Вознесенку, потом в гостиницу.
Они вышли на промокий тротуар. Солнце, пробивающееся с утра, так и не обласкало город – тучи, кажется, навсегда закрыли небо, мелкая морось мочила лицо и волосы. Фрэд, как фокусник, щёлкнул – и у него в руках раскрылся чёрный купол зонта. Вот так, прижимаясь друг к дружке, они пошли по бывшей Вознесенской улице. Фрэд, ступая по тротуару, подтверждал себе: я тут, здесь те же улицы и перекрёстки. Ещё эта девушка – круг замкнулся.

***

Алексей добивал последние минуты рабочего дня интернетом, но когда по заводскому радио отпикало 17:00, он понял, что не хочет вставать, не хочет идти на проходную, не хочет никуда ехать. Сегодня он уже сто раз звонил Люсе, и каждый раз она сбрасывала. Если бы к нему не подошёл Дубиницкий с ещё помнившим рейсфедеры и тушь Пал Палычем, он бы, наверно, так и усох за монитором.

– Поехали, сынок, – просто позвал Пал Палыч.
– Поехали, – Алексей откатился от стола, качнувшись на дырах линолеума. – Мужики, не сетуйте на меня... о-о-о, – он провёл ладонью по горлу.
– Да ладно, отвальная с тебя, – Пал Палыч похлопал Алексея по плечу, и Алексей почувствовал тонкий аромат одеколona.

Этот дядька всегда носил отлично завязанный галстук с заколкой, безупречно выглаженную рубашку, брюки со стрелками и зеркального блеска туфли. После любого запоя он появлялся на рабочем месте иссиня выбритым и мог без линейки и циркуля начертить карандашом, например, эскиз фланца... с размерами. Не менее виртуозно Палыч владел и компьютером, но такой спец уже был последним на пространстве отечественной конструкторской мысли и дорабатывал последние денёчки.

– Вот сдам пропуск – соберёмся, – пообещал Алексей, – предлагаю собраться в «библиотеке».

– Где это? – поинтересовался Дубиницкий.
– Это бывшая рюмочная «Мечта», – со знанием дела пояснил Пал Палыч.

Уже за проходной, у приткнутых на разъезженной обочине автомобилей их догнал Папченко.

– Не догнать, разбежались, – проворчал он, доставая ключи от своего «Фокуса». – Алексей, может, ещё передумаешь?

Но, наткнувшись на скучные блиновские глаза, махнул рукой:

– А! Вот так, старики, доработаем – и гори всё синим пламенем! – Сел в машину и уже сквозь рокот двигателя крикнул в пассажирское окошко: – Кто со мной?

– Езжай, Борис Фролович, мы с Алексеем, – нагнувшись, сказал Дубиницкий.

Папченко вырулил с обочины и встал у выезда на шоссе. В зеркало заднего вида он смотрел на трёх инженеров своего отдела, и ему вдруг захотелось сейчас оказаться в их машине... Но образовалось окно, и он, вырулив на трассу, поехал домой. Пал Палыч, ехидно улыбаясь, махал ему вслед.

Алексей сдал назад свою «восьмёрку», и старики, как обычно, забрались к нему – Дубиницкий рядом с водителем, Пал Палыч сзади.

Они неспешно катили по промышленной улице, вдоль которой вытянулись производственные помещения заводов и заводиков да пыльные тополя ласкали глаз. Пал Палыч, развалившись посередине заднего сиденья, смотрел куда-то в потолок.

– Лёх, ты почему машину не меняешь? – завозившись, вдруг спросил он.

Салон при этом наполнился его одеколонным запахом.

– Боевая подруга... любовь до гроба, – глянув в зеркало заднего вида, объяснил Алексей.

Пал Палыч провёл пальцем по старой пластмассе.

– Советская эпоха... ездит ещё. Лёх, не скучно?

– Да у него, кроме кузова, ничего от той эпохи тут нет. Лёх, что у тебя тут внутри? – спросил Дубиницкий.

Алексей включил приёмник – салон заполнила ритмичная музыка. С руля убавил громкость.

– Двигатель Ауди от А4, ну и так, по мелочам: коробка передач, трансмиссия, дополнительные рёбра жёсткости, амортизаторы, тормоза.

– Сколько уже нагонял? – снова поинтересовался Пал Палыч.

– Я наездил сотню, да было почти двести тысяч. Двигатель-миллионник – ему пахать и пахать.

– Лёх, покажь, – попросил Пал Палыч.

– Что показать-то?

– Ну, втопи!

– Э-э-э, Палыч, ты думай, что просишь, – заволновался Дубиницкий, – тут на лежачих полицейских язык прикусишь.

– Сейчас, Пал Палыч, сверну на «пьяную» – проветримся!

Алексей в сплошном потоке заводских авто легко перестроился в левый ряд, при этом ещё помахал знакомым девчонкам из заводской лаборатории, и...

– Палыч, держись! – успел сказать Дубиницкий.

Пал Палыч при этом почему-то стал затягивать и поправлять галстук... Стариков вдавило в спинки сидений. Мимо полетела пыльная обочина.

– Ё-о-о... – пропел Палыч.

А мимо уже неслись мичуринские сады – родимые пятна социализма, да нелепые щиты с простыми и ясными буквами – АДПР. Обгоняемых машин они не заметили.

– Всё, хорошего помаленьку, ДПС не дремлет, – Алексей мягко сбросил скорость и вполне законопослушно поехал в правом ряду с предписанной скоростью 40 км/ч. Все молчали. Первым подал голос Пал Палыч:

– Знаете, что я подумал? Мой внук от компьютера не отходит – тоже гоняет, наверно, отупел... безвозвратно. А я ещё что-то хочу.

Они проехали затаившихся на подъёме ДПСников, снова ускорились, и вот уже мимо летели многоэтажки, светофоры и бдительные видеорекамеры.

– Кого куда? – спросил Алексей.

– Высади у «трёх помидорок», – пробурчал сзади Пал Палыч. – Дубиницкий, пошли?

Дубиницкий молчал.

– Это где?

– Да вон в тот карман заезжай, – Пал Палыч показал, где тормознуть.
«Восьмёрка» встала.

– До завтра, Алексей, спасибо, – попрощался Дубиницкий.

– Во – «три помидорки», – Палыч ткнул пальцем в витрину с тремя красными помидорками над входом в овощной магазин.

Сейчас тут уже, конечно, был супермаркет, но они-то ещё помнили овощной. Старики кряхтя выбрались из машины, перешагнули через девственной чистоты бордюр – Город был в ожидании московского гостя, – встали на недавно заасфальтированный тротуар, потоптались и пошли вниз по чистой дороге.

Алексей смотрел вслед этим двум старым инженерам, а они шли, переговариваясь. Палыч показал Дубиницкому, что у него штанина запачкалась, и тот стал её отряхивать, потом они снова шли – мимо ларьков с бананами к шатру летнего кафе под названием «Старый мельник».

Он набрал номер Люси – длинные гудки, затем короткие. Снова набрал – и снова короткие.

***

В это время Люся с Фрэдом заходили в чешский ресторанчик на Вознесенке, как уже называла Люся, и она, проходя в дверь, активно сбросила вызов на своём iPhone – как отмахнулась от назойливой мухи. Фрэд уже несколько раз видел этот жест Люси и молчал. «Как бы я не хотел, чтобы вот так же она сбрасывала мои звонки», – подумал он тогда.

Они зашли в зал и, не дождавшись метрдотеля, расположились за столиком, который посмотрел на них приветливее других – было ещё рано, и посетителей почти не было. После противной мороси на городских улицах тут казалось уютно, и они с удовольствием опустили в обширные мягкие кресла. Люся откинулась на спинку и наконец расслабилась – сегодня она находилась по Городу, устала и хотела есть. Переведя дух, она встала.

– Я сейчас, – сказала Фрэду и ушла навести марафет.

Когда она вернулась, Фрэд уже делал заказ.

– Пиво будешь? – спросил он.

– Буду, – махнула она рукой.

Время текло в разговоре, ресторан наполнился гомоном соседей, музыка вдруг заставила говорить громче, и всё не кончалось пиво. Они говорили о журнале, она сетовала на то, что они не зашли в редакцию, и шефиня проглотит её, если она не родит важнецкую статью о сегодняшней встрече. Люся пыталась начать разговор о предках Фрэда, но он только сказал:

– Не надо важнецкой статьи...

Но она всё ж таки добилась от него нескольких слов.

– Семья наша уехала из России, и никогда никто с тех пор не бывал тут, но мы все выросли в прадедовской библиотеке, где и сейчас висит портрет мальчика – сына младшей сестры прадеда, Ольги, который погиб в авиационном бою над Баренцевым морем в 42-м году, – сказал исчерпывающе Фрэд и допил кружку крушовицы.

Больше ничего она не могла из Фрэда выдать. Грустную паузу сменили разговоры о Лондоне и Гааге, о противной и любимой работе, о погоде и тёплом океане. Когда бархатное спокойствие с горчинкой на языке совсем закружило им голову, она услышала:

- Поедем со мной.
  - Не поняла, – с глупой улыбкой спросила Люся.
  - Я хочу увезти тебя с собой, – повторил он.
  - Хочешь увезти сувенир с земли предков?
  - Зачем ты так? Да, я хочу, чтобы ты была со мной, чтобы говорила мне вот так, как говорят тут у вас в Городе, – сказав это, Фрэд замолчал и через минуту уже как житель Европы добавил: – Ты могла бы работать в пресс-службе Shell.
  - Заманчиво... но у меня далеко не британское произношение.
  - Это придёт со временем.
  - Тогда я разучусь говорить по-нашему.
- Фрэд посмотрел в глаза Люсе. Перед ним сидела женщина, которую он хотел сделать своей, но вдруг что-то стало иным, как будто сменилась погода.

***

На скамейке у последнего подъезда хрущёвской пятиэтажки сидел Алексей. Он перестал набирать Люськин номер и просто сидел в тени старой яблони, вытянув ноги, и ждал. Он звонил ей по-домашнему – взяла трубку мать.

– А Люся сегодня работает с каким-то англичанином... Лёш, заходи.

Он сказал, что в другой раз, и ждал, и ругал всё Соединённое Королевство, и Люську, и себя. Уже стали загораться окна в домах, разошлись старики по квартирам, и двор тихо встретил сумерки. Алексей знал этот заросший тополями двор с детства – мимо этого дома когда-то его вела бабушка в первый класс, в этом дворе они с пацанами ходили в подвал качаться, мучили отцовский мотоцикл. Потом они с родителями переехали на другой край города, и случились большие перемены, но он всё приходил в этот двор, а Люська росла, и однажды он угнал её на своей первой «Хонде».

Вдруг двор заговорил голосом мужчины и женщины. Алексей поднял голову и увидел в полумраке двора два силуэта, идущих плечом к плечу. Они шли и говорили как давно знакомые, и влажный вечер усиливал их слова.

«Ты когда улетаешь?» – донёсся до Алексея её голос, и сердце бешено застучало: «Вопрос не тебе, не тебе. Её плечи, шея, поворот головы, руки, голос... Я сижу тут. Сижу, сижу, сижу!» – сжимая кулаки, орал про себя Алексей.

«Завтра утром, – послышался ответ, – я хочу увезти тебя отсюда... Ты подумала?» – как ржавой пилой по горлу рвануло Алексея.

Он не услышал её ответа – встал и вышел навстречу:

– Люся!

– Привет. Знакомься, это Фрэд.

Алексей не заметил смущения в Люсиных глазах, не почувствовал ничего в её голосе – только информация. Она знала, что он сидит тут, под яблоней.

Тот, кого она назвала Фрэдом, был высок и спокойно смотрел на Алексея. Алексей его не рассматривал – он видел только Люсю и не ответил на её «привет» и «знакомься».

– Фрэд, это тот самый Алексей, – продолжала она попытку.

– Что значит «тот самый»? – спросил Алексей, придавив вспышку ярости как смог непринуждённо.

– «Тот самый», который, даже кипятя воду в чайнике, думает о давлении под крышкой, – съязвила она.

Алексей промолчал, а Фрэд протянул ему свою руку. Это была не обычная, ватная формальность, которую протягивают непонятно для чего – к своему разочарованию, Алексей почувствовал в своей руке жёсткую, уверенную ладонь.

– Приятно познакомиться. Жаль, нет времени поговорить, утром улетаю, – сквозь полумрак донёлся до Алексея голос незнакомца с едва заметным акцентом – при этом перед Алексеем забелела визитка.

– У меня нет, – машинально ответил Алексей и поднёс к глазам плотный, солидный кусочек картона, но ничего не разглядел.

Они молча стояли у подъезда, и пауза затянулась настолько, что каждый начал испытывать упрямое желание узнать, что же будет дальше. Первым проявил вежливость Фрэд – он был раздосадован прерванным разговором, но, решив, что всё, что хочет, сможет сказать Люсе завтра перед вылетом, он стал раскланиваться, попросил Люсю вызвать такси и вдруг сказал:

– Люси, я в твоей машине оставил бумаги.

– Нестрашно, завтра заберёшь их.

– Это приглашение на работу... контракт. Там осталось только поставить твою signature... ммм... подпись.

И всё, и бездна... Алексея сорвало с резьбы. Он сгрёб британца, растягивая его тонкий, белый пуловер – перед глазами подбородок, зубы, нос... Он уже готов был разнести всё то, что было у него перед глазами, своим лбом, но Люся влетела в эту схватку, кулачками, не сдерживаясь, стала колотить Алексея по спине – колотила, не чувствуя боли, с размахом, с выдохом. Алексей разжал пальцы на тонкой шерсти и сделал шаг назад. Свет из окна упал на лицо британца.

«Что рожа-то у него русская?» – пронеслось в голове.

А Фрэд стоял, беззащитно раскрыв глаза – он просто не знал, что так бывает.

Пуловер повис на груди Фрэда, а Люся всё колотила кулачками по плечам, по рукам Алексея, сталкивая его с тротуара.

Сердце бухало так, что Алексею даже стало совестно, что оно разбудит двор...

«Не повезу я тебя в аэропорт», – вдруг услышал Алексей сквозь качки крови в ушах. «Что смотришь! – Это уже она кричала ему в лицо. – Сейчас увезёшь его в гостиницу, а утром – в аэропорт. Я не хочу переживать за него – забредёт куда-нибудь на Вторую Мещанскую... Телефон ему свой дай!» – Развернулась и унеслась в свой подъезд.

Они оба слышали её летучие, уносящиеся вверх по ступенькам шаги, потом донёлся едва слышный звонок, хлопнула дверь, и стало тихо. Алексей выдохнул первым, подошёл к скамейке, сел.

– Может, тебе ещё ключи дать от квартиры? – спросил он у Фрэда.

– Не надо, деньги у меня есть, – услышал в ответ.

Британец нелепо белел в свете окон. Фрэд медленно приходил в себя. Он начал поправлять свой пуловер, трогал руками пузыри, отвисшие на груди, потом перестал и пошёл. Алексей плюнул: «Чёрт...» – и отправился за ним. Он догнал Фрэда на выходе из двора – тот стоял, не зная, куда повернуть.

– Отвезу, – сказал Алексей, поравнявшись с ним.

Дальше шли рядом. Проходя мимо куста боярышника, Алексей вспомнил про водяную колонку, которая скрывалась за колючими ветками уже столько, сколько Алексей себя знал, и ему вдруг дико захотелось пить. Он свернул на неприметную тропинку, и вот она, чернеет столбиком, не тронутая

временем – эти колонки уж давно убрали, а про эту, верно, забыли, а двор её не выдал. Алексей нажал рычаг – из чугунного горла хлынула ледяная струя, и он, склонившись, стал второй рукой хватать воду и пил, пил, пил до тех пор, как не почувствовал, что больше не надо. Брызги летели в стороны, заливая джинсы. Он схватил пригоршню воды и хлестнул ею в лицо.

– Что держишь? Пошли! – как мог грубее сказал Фрэду.

Фрэд держал рычаг как прикованный, а вода лилась и лилась.

– Я тоже хочу.

Алексей взялся за рычаг рядом с Фрэдом, а тот не отпускал.

– Да пусти ты, поплывём..

Фрэд отпустил рычаг, бережно зачерпнул пригоршню воды, медленно выпил, размазал воду по лицу, капли заблестели на его бровях и ресницах, и он смотрел куда-то в небо, поверх горящих окон «хрущёвок».

Ехали молча. Алексей гнал дворами, выбирая самый оптимальный путь до гостиницы. На поворотах он жал на газ, вытягивая «восьмёрку» с юза – вся манера его езды сейчас говорила: «отвязаться бы». Больше всего он не хотел увидеть на лице британца кислую мину по отношению к его «подруге», поэтому он не глядел на пассажира и ещё сильнее гнал по городским задворкам. На пересечении с Екатерининской они встали на светофоре, и Алексей невольно посмотрел в сторону Фрэда. Если бы он заметил только намёк презрения, он бы взорвался и выгнал бы из-под капота всех лошадей разом, так, чтобы британца размазало по сиденью, но тот прильнул к стеклу и смотрел на прохожих, на размытые дождём огни города и блестевший под дождём асфальт. Алексей тронул газ, и они вкатили в объятия широкой освещённой улицы.

– Broadway, – выдохнул Фрэд.

Когда они встали у входа в гостиницу, Алексей достал ручку и точным, рубленым почерком написал на листке номер своего телефона. Расстались молча, как и ехали. Фрэд хотел что-то сказать Алексею вслед, но тот уже развернул машину на выезд – так и вошёл в раздвинувшиеся двери с поднятой для вопроса рукой.

***

Дверь Люсе открыла мать. Её глаза светились вопросом, а Люся не знала, что и сказать. Сначала она хотела сразу уйти в свою комнату, но посередине гостиной у гладильной доски, за которой мать только что гладила бельё, остановилась и села на диван, сгорбив плечи. Через мгновение она достала из сумочки телефон, включила его и стала смотреть в книжный шкаф, заставленный с детства знакомыми книгами. Люся закрыла лицо ладонями – тишина, только часы не терпели пауз, они шли и шли без остановки – тик-так. Мать присела рядом, Люся почувствовала это по движению дивана.

– Я гадина! Гадина, гадина... – вдруг с ужасом услышала Люся свой голос и почувствовала, как мать прижала её к себе.

Из кухни вышел отец.

– Доча... – запнулся на полуслове, а мать только посмотрела на него и не прогнала, как обычно, при их женских разговорах.

– Я не знаю, как жить... – сквозь пальцы сказала дочь.

Мать с отцом смотрели друг на друга, а дочь сжалась в комочек и не плакала.

Тишину разорвал домашний телефон. Трубку взял отец.

– Да, здравствуй, Алексей, – посмотрел на дочь.

Дочь смотрела на него. «Зачем я выключила телефон! – корила себя Люся. – Ах да, уже ж включила».

– Лёш, я сейчас Люсе дам трубку. – И почему-то шёпотом, жестами призывая дочь подойти, сказал: – Алексей..

Люся подошла к отцу, взяла телефонную трубку.

– Я сейчас спущусь.

Когда она надевала кроссовки, в прихожую вышли мать с отцом – метр на два, и никуда не спрячешься от родительских глаз.

Она спускалась по лестнице, а свет зажигался на каждом этаже и гас, когда она проходила. Дверь подъезда была открыта, светлый квадрат освещал ступеньки крыльца – кто-то открыл кодовый замок и подпёр дверь кирпичом. Мгновение – и она шагнула на улицу. Ещё несколько часов назад они б побежали от противной мороси в его машину и унеслись бы куда глаза глядят, наверно, она сама сейчас схватила бы его обеими руками и прижалась... Но он стоял, высокий и тёмный, и молчал.

– Прости ты меня. Злой я какой-то стал, – донёсся до Люси его хриплый голос.

– Ты о вчера? Я не обиделась.

Рос, рос между ними забор: вопрос – ответ – глаза в глаза.

– Поехали домой.

Она откинула с глаз прядь волос.

– Лёшка, мы никогда не ввали друг другу... Дай время... чуть-чуть.

– Нет у нас этого времени, – он вдруг остро осознал вслед словам: времени нет. – Ты это из-за того типа? Кто он?

– Пресс-служба Shell.

Алексей засунул руки в карманы и, круто повернувшись, сел на скамейку – мокрая, пофиг.

– Увезу тебя я в тундру, увезу тебя одну... Ха! Поехали домой! – Он встал и шагнул к Люсе.

Она отступила и, вытянув руку, пальцем показала, чтобы он остановился у вот этой черты: стой.

«Господи, какая у неё рука!»

Они стояли в свете дверного проёма – маленькая, изящная, вытянувшаяся в струнку девушка и длинный, застывший Алексей.

– Лёшка... чуть-чуть...

Он развернулся и пошёл в темноту двора, побежал. Его бег она слышала и вытирала рукой с лица дождевую пыль.

***

Дома, на четвёртом этаже пятиэтажной хрущёвки, в большой комнате переживали мать с отцом. Мать механически гладила бельё, отец мотался по ковру туда-сюда.

– Что будет? Что будет? – причитала мать и быстро-быстро водила утюгом по полотенцу.

– Всё нормально. Надо всё менять, и надо меняться, – в такт своим шагам убеждал себя отец.

– Петь, ну что ты говоришь?

– Да, надо всё менять. Закисли мы тут... в демократии. Люська наша... Всё нормально.

– Ну, при чём здесь демократия?! Что ты глупости говоришь!

– Я, Валюха, о многом, обо всём. Самое интересное впереди... Жутко хочу с медвежатами повозиться... Сил бы хватило.

- То-то и оно. А Люся с Алексеем опять разбежались.
- Вот сейчас всё и случится. Будут медвежатки! – Отец встал посреди комнаты и сильно махнул рукой. – Мы ещё пригодимся, силы есть. Мы будем много ходить пешком. Ходить, ходить, ходить...
- Ага, до луны и обратно. Туда-сюда.
- Не до луны, а под луной. По вечерам очень полезно. Ты знаешь, я могу десять раз отжаться. Смотри! – Отец быстро лёг на ковёр. – Считай.
- Да не буду я считать, – улыbnулась мать.
- Считай! – потребовал отец с ковра и начал отжиматься.
- Раз, два, три... – считала мать.
- Могу и больше, – кряхтел с ковра отец.

***

Фрэд шёл по холлу гостиницы мимо охранника, мимо группы китайцев с чемоданами и, как ни тянул он шаги, ресепшн становился всё ближе и ближе. Вот сейчас он возьмёт ключ, поднимется на этаж, и всё – пустой номер, как песок через пальцы время сбежало. Поднимаясь в лифте, он почти с ненавистью смотрел на себя в зеркало напротив и, если бы не поднимавшаяся с ним пожилая пара, он бы, наверно, плюнул в своё лицо. В номере его дожидалась сумка и чёрный квадрат телевизора на стене. Дождь размазывал по стеклу морды макак, зовущих посетить зоопарк через дорогу.

«Что за лето тут? Дома говорили: сиреневый город... Сирень отцвела, и дождь почти беспрерывно. Чего ты ждал?!» – скрипя зубами, спрашивал себя Фрэд. Наверно, как тот волк в клетке напротив, он оглядел четыре угла своего номера и, задыхаясь от типовой пустоты, побежал прочь.

Осознал он себя уже у барной стойки под вопросительным взглядом бармена. Фрэд посмотрел на свои вытянутые указательный и средний пальцы, добавил безмянный и твёрдо сказал:

- Водки сто грамм.
- Закусывать будете, – поинтересовался бармен, – есть?..

Фрэд всё пропустил, только когда до его уха долетели слова «селёдка под шубой», он кивнул:

- Давайте селёдку.

Кажется, никогда в жизни он не ел ничего вкуснее. Поверх льдистого, обжигающего глотка он брал вилкой с тарелки что-то свекольно блестящее и с наслаждением ловил языком редкие кусочки селёдки... Стало тепло, и никого вокруг, и руками он сжал свою голову, и пальцы впелись в пшеничные волосы.

- Такси... Вызовите мне такси.

Через десять минут он уже говорил таксисту адрес:

- Вознесенская 3.

Потом они ещё пару минут приходили с шофёром к консенсусу по нужной точке на навигаторе, и вот уже Кунгурская летела огненной рекой вниз. Потом были повороты, огни окон в тёмных дворах, тени мокрых домов, и потом их путь упёрся в перекрёсток, а за ним сад... Нет, не сад – сквер, старые деревья, вознёсшиеся в тёмное небо, огоньки фонарей среди листьев и череда жавшихся друг к другу последних деревянных двухэтажных домов через дорогу. Такси остановилось на обочине напротив третьего номера.

- Приехали, – объявил шофёр.

Фрэд уже знал это. Он видел фото этого дома с детства: крыльцо под балконом, резные наличники на высоких окнах и сирень кипит по бокам. Он

вышел в мокрые сумерки, отпустил такси и смотрел через дорогу на едва светящиеся окна – в доме ещё жили. Он перешёл через дорогу и встал у высокого окна на первом этаже – широкий наличник с вырезанным простым узором оказался у него перед глазами. Фрэд протянул руку и потрогал узор рукой – поверхность была шершавой и тёплой. «Здравствуй, – сказал он, – здравствуй», – повторил, не веря, что он здесь. Фрэд поднял голову и посмотрел налево, туда, где чернел гнилыми баясинами балкон на фоне мутного неба. И так захотелось войти, стучать, стучать в дверь, чтоб открыли... Фрэд поднялся на скрипучее крыльцо и уже поднял руку, чтобы ударить, но увидел болтающуюся на проводе кнопку звонка, фанерную заплату на замочной скважине и почувствовал запах старости, когда дальше уже ничего нет. Рука его опустилась, он сошёл с крыльца, сделал несколько шагов вдоль заросшего забора и, когда, может быть, в последний раз оглянулся на дом, вдруг захлебнулся запахом сирени. «Где ты?! – Фрэд сделал шаг к мокрому, сгнившему штакетнику и стал искать глазами то, что уловил нос. – Вот ты!» Среди неухоженного, обломанного кустарника глаза увидели отцветшую кисточку сирени – она уже почти закрылась, но ещё жила.

***

31 декабря 1918 года – день в суете и ожидании перевалил на закат. На Сибирской горожане, сделав последние покупки, торопливо хрустели валенками к своим ёлкам. Над Городом поднимался столбом дым из натопленных печей, и оранжевое солнце подрумянило заваленные снегом улицы.

С крыльца «Кулинарии» весело, держа в руках бумажные кули с новогодней едой и мандаринами, сбежали два офицера. Из карманов их длинных офицерских шинелей серебрились головки шампанского. Их шинели были хоть и потёрты, но щёгольски затянуты в блестящие португепи, и на рукавах пестрели новенькие бело-зелёные шевроны Пипеляевского корпуса Сибирской армии Колчака. Как только их начищенные, по-фронтовому сбитые гармонью сапоги коснулись заледенелого тротуара, к ним подкатил извозчик.

– Куда изволяте, господа? – по-военному молодцевато гаркнул извозчик.

– Геспеда изволят на Вознесенку, – с нажимом сказал тот, у которого из-за башлыка виднелись аккуратно подстриженные пшеничные волосы.

Офицеры с достоинством ступили в санки и расположились на лавке, покрытой цветастым ковриком – мужик на облучке только придержал тихо матерком своего норовистого кормильца.

– Кати к саду, – уже без пафоса, по-свойски сказал пшеничный оглянувшемуся извозчику.

– Калёные, – успел рассмотреть их извозчик, хлестнул вожжами, зычно крикнул: «Но!» – и дорога полетела под полозья, словно смазанная маслом.

– На каком фронте воевал? – спросил в спину извозчику тот, у которого были аккуратные чёрные усики, – он тоже рассмотрел мужика.

– На каком, на каком... на ерманском, – оглянувшись, с недоброй искоркой ответил извозчик. – Вона мне и награду дали! – Мужик показал на железный костыль, приделанный у него с той стороны, где должна была быть правая нога.

– Как с конём-то управляешься? – спросил чернявый.

– А баба на што? Да и сынок помогает.

– Сынку-то сколько лет? – спросил пшеничный.

– Пять годков, аккурат перед войной с Марусей заделали.

Так они скользили по городу под темнеющим небом мимо горящих окон, в которых уже сверкали наряженные ёлки, и говорили как солдаты одной страны и одной армии. До наступления 1919 года оставались считанные часы.

Когда санки лихо развернулись и встали у крыльца, распахнулись двери, и на улицу встречать гостей выбежала девушка в одном длинном платье со строчёным воротником, а следом торопилась нянька с шалью в руках.

– Оля, Ольга Фёдоровна, накиньте шаль!

Но Оля, быстро простучав каблучками по широким ступеням, ловко сбегала на метёную дорожку и с разбегу повисла на пшеничном, обвив своими тонкими руками его шею поверх башлыка.

– Феденька! Ждали, ждали, ждали... – Она говорила и целовала в щёки пшеничного, как бы не замечая его товарища.

Няня суетилась с шалью и широко улыбалась добрейшим лицом своему Феде и поздравляла его с наступающим годом. А пшеничный стоял, раскинув руки с бумажными кулками по сторонам.

– Сестрёнка, задушишь... Нюра, с наступающим!

На крыльцо тем временем вышла старшая сестра Лиза в накинутой на плечи тёмной шубке. За руку она держала укутанную в тулупчик дочку, которая, увидев незнакомых мужчин, крепко-крепко прижалась к матери.

– Лизонька! Нюша! – воскликнул Фёдор. – Вот и мы.

Второй офицер расплатился с возницей, а когда тот уже готов был стегнуть лошадь и укатить, вдруг сказал:

– Подожди... – И выложил в безразмерный карман мужика чуть не половину кулька мандаринов.

– Благодарствуем, барин, – сказал мужик, и «барин» – как через силу, словно язык жгло слово.

– Знакомьтесь, – прогудел над улицей голос Фёдора, – мой друг, штабс-капитан Александр Иванович Углёв.

Встречающие притихли и посмотрели на второго офицера. Оля наконец накинула на плечи шаль и, расправив плечи под шалью, посмотрела на Углёва. А он хлопнул извозчика по плечу:

– Пошёл! – И повернулся к семье друга.

– С наступающим, Александр Иванович, – чуть поклонившись, громко пропела нянька, – пойдёте в дом, заморозите моих девонек.

А штабс-капитан смотрел на всех, а видел только Олю под белой шалью и молчал, как проглотил язык. Прижавшаяся к Лизе дочка вдруг развеселилась и закричала:

– Не молчи!

И этот детский крик расколдовал его. Он поклонился и оставшиеся в куле мандарины покатались под ноги прямо в снег. Ах! Он, привстав на колено, стал поднимать, а Оля кинулась к нему помогать, и он рассмотрел её тонкие пальцы и волосы цвета льна.

Потом все весело заторопились по деревянным ступеням в дом, в тепло, к печке и ёлке. На двери мимо глаз Углёва проплыла бронзовая табличка, на которой он успел прочесть: «Инженер-механик Борщёв Ф. И.»

В широкой прихожей перед лестницей на второй этаж их встретил сам Фёдор Иванович – коренастый седой мужчина с блестящими радостью глазами. Он протянул руки к сыну и всё смотрел, словно хотел рассмотреть что-то новое и запомнить. Они обнялись, поцеловались, и нянька улыбалась, глядя на них, и радовалась, словно это её сын вернулся домой, и улыбка её была простая-простая – всё бы отдала она за каждого в этом доме и себя всю до последней капельки.

– Дома! – со слезами на глазах выразительно сказал Фёдор Иванович и, отстраняясь от сына, разглядывал его лицо, как будто раньше, когда сын прибежал домой со службы из красных казарм, он был вроде не дома, а сейчас дома. – За стол, за стол, родные мои!

Фёдор Иванович распахнул двери гостиной, а там жаркая печь в белом кафеле, ёлка с шарами, стол с новогодней едой и часы, по которым детей Борщёвых учили времени.

Офицеры стали раздеваться, запахло шинелями, каким-то одеколоном, и вдруг – ах! – и мандарины снова повалились на пол, и Углёв растерянно кинулся их собирать, а Оля ему помогала, и все смеялись, а маленькая Нюша больше всех.

Все уселись за стол. До Нового года оставалось чуть – поговорить и поесть, провожая старый год. Нянька поспешила на кухню принести из холодного чулана дожидаящийся под полотенцем холодец. Вот уже лоток на столе, холодец при всех режут, мужчины разливают водку ещё из старорежимного запаса.

– А налейте мне тоже водки, – махнув рукой, попросила Лиза.

Ей налили.

– А мне, а мне, – болтая ножками, запросила Нюша и протянула свою кружку.

– А тебе морс, он сладкий и полезный.

Оле и Нюше налили морс из чёрной смородины. Стол притих, как бы собираясь с мыслями, формулируя самое главное. Вдруг стоявшая у кухни нянька сквозь слёзы сказала:

– Вот бы Александра Николавна видела.

Фёдор Иванович сдвинул брови:

– Санечка видит... Нюра, садись с нами. Мы должны быть все вместе.

Все заговорили:

– Садись Нюра, садись.

Фёдор подставил стул. Маленькая Нюша потащила няньку за руку – та села. Фёдор Иванович поднял рюмку, уж было сорвалось у него с губ: «господа»... Он сделал паузу и сказал:

– Родные мои. Я хочу, чтобы эта чума непонимания прошла... Да, чтобы чума чудовищного непонимания прошла! Чтобы мы наконец принялись за работу. Мы, русские, не убивали бы друг друга, а сели б за общий стол и решили, как дальше жить. Так много необходимо сделать для нашей Родины... – Фёдор Иванович посмотрел на заледеневшее в узорах окно, мотнул головой, прогоняя минутную слабость. – Фёдор, Александр – вы наши герои. Волей Божией, мужеством и дерзостью армии русской город наш освобождён. Будем же милостивы к заблудшим. Россия такая красивая... такая большая... нам столько надо успеть... Очень хочу работать. Давайте выпьем за Россию!

Все, и маленькая Нюша, выпили. Нянька, чуть пригубив, вся сморщилась, прикрыв губы концом головного платка.

Фёдор слушал отца и видел, что стар он. Почти эти же слова он слышал от отца уже не раз, но всё шло не так, а как-то по-другому.

Фёдору надоело задавать себе этот вопрос, да и не к месту сейчас, хотелось просто посидеть со своими. Отец же смотрел на всех, и слов своих, действительно уже не раз говорённых, ему стало жаль.

– Боюсь, отец, до того, чтобы нам сесть за общий стол, ещё долго придётся идти.

Услышал он сына и промолчал.

– Мы не ожидали, что так быстро красные сдадут Город, – отпив морса, сказала Оленька.

Углёв смотрел на неё – а она другая. Не та, которая помогала ему собирать мандарины. «Она похожа на отца, – думал он, – они все похожи, но она больше – глаза серьёзные, не пускают близко».

– Ротами сдавались, – подхватил разговор Фёдор, – я с мальчишками из Алексеевского училища батарею в красных казармах разоружил без единого выстрела. – Фёдор поддел с блюда вилкой солёный рыжик и с удовольствием проглотил его. – Нюра, узнаю твои «хохловские» рыжики... Вот так если пойдём, то летом в Москве будем, – говоря это, он посмотрел на отца и, как всегда бывало, почувствовал, что отец как бы закрылся. «Чужой в доме, – объяснил себе Фёдор, – потом потолкуем».

– А вы как думаете, Александр? – спросила Углёва Оля.

Тот от неожиданного вопроса вскинул свои чёрные глаза, а у самого закружилась голова от её голоса. Он отогревался среди родных друга, волнения последних дней осели, и сейчас он думал только об Оле. Её вопрос снова бросил его в то морозное утро, и всё, что застыло с того времени в его голове, выплеснулось в ответе.

– В то утро я расстрелял отделение своей роты... Это были рабочие с Кружилихи. Стрелял в спину... Извините, у меня это не выходит из головы... Я стрелял так, как если бы это были немцы...

За столом повисла тишина. Лиза прижала к себе Нюшу и часто-часто целовала в головку. Александр навалился на стол, упёрся глазами в скатерть, боясь смотреть в глаза сидящих за столом и, главное, в глаза этой девушки напротив.

– Извините, война, – выдавил он пошлое объяснение и заставил себя поднять глаза на Олю.

Девушка смотрела на Углёва, и только жалость, которая не унижает, а согревает, была в её глазах.

– Александр, – Оля говорила ему так, как бы говорила это ему его мать, таким же тоном, – вы ведь защищаете правду... ведь правду?

– Оля! – выкрикнул Фёдор Иванович и замолчал.

– Да, – ответил Углёв. Вопрос о правде он для себя решил давно, ещё на фронте и, сказав «да», он откинул, как и раньше, подробности.

– Скажите, что значат ваши бело-зелёные шевроны на рукавах. Ведь это знак не Русской армии... не той армии, – продолжала задавать вопросы Оля.

– Это знак Сибирского корпуса полковника Пепеляева, – ответил Углёв.

– Анатолия Николаевича уже произвели в генерал-лейтенанты, – уточнил Фёдор.

– Что же вы будете делать, когда ваша армия победит? – спрашивала Оля.

Вот тут у Углёва оставался вопрос, на который он не находил ответов.

– Разберёмся... Самостийной Сибири, конечно, не будет, да и Анатолий Николаевич это должен понять, – твёрдо ответил за Углёва Фёдор. – Надо ещё победить.

– Расскажите, как вы подружились с Федей, вы ведь не из нашего города, – вступила в разговор Лиза.

– Мы с Александром у красных познакомились, – опередив Углёва, начал Фёдор, – помнишь, у них в конторе? Тебе тогда комендантскую роту дали, а меня – в Красные казармы фортификацией заниматься.

– Да, это так, – ответил Углёв, – смотрел на тебя и думал, кто же ты?

– Я тоже смотрел на тебя, – в тон ему ответил Фёдор, – а уж когда завертелось в городе, Александр сильно помог нам. Ты когда успел отряд-то сколотить?

– Несколько человек из своей роты... кого наганом, кого словом – и горожане пришли.

– Сами пришли? – спросила Лиза.

– Да, с десяток чиновников у меня было.

– Эти пальтишки, «пирожки», валенки... а реалисты – просто дети, – снова заговорил Фёдор. – Когда я скомандовал им: «Равняйся!» – один так повернул голову, что обратно уже не мог... И смех, и грех.

– Александр, всё-таки вы откуда? – спросила Лиза.

В это время прижимавшаяся к матери Нюша подошла к бабушке и забралась к нему на колени – она, верно, тоже почувствовала, почему он молчит. Фёдор Иванович погладил девочку по голове и крепко-крепко прижал её своими руками к груди.

– Я из Ярославля. Дед заработал дворянство трудами на железной дороге. Отец тоже всю жизнь трудился на чугушке. Я учился в Петербургском институте путей сообщения один год. С 15-го на фронте.

– Путейцев ведь не мобилизовали, – спросил Иван Фёдорович.

– Я ушёл добровольцем.

– А как попали в наш Город? – продолжала расспрос Лиза.

– Воевал в Северной области, был ранен, направлен долечиваться в Город, – Александр говорил как докладывал и смотрел на Олю.

Она ж не смущалась – смотрела на него серыми глазами, и, может быть, в этой тёплой гостиной, в доме инженера Борщёва стрелки на часах показывали мгновения, о которых Ольга будет рассказывать своему сыну и которые будет помнить до конца своих дней. И это видели все.

Нюра вдруг вспомнила про горячее:

– Ох, про горячее-то я забыла! – всплеснула руками и метнулась на кухню.

На горячее было мясо, томлённое с картошкой, прямо из печи. Нюра торжественно вынесла его на огромном блюде под восхищённое «м-м-м» и поставила в центр стола.

Новогодний ужин продолжался, время летело к полуночи, разговор сменился. Вспомнили, как Фёдор учился в реальном училище, как готовился к поступлению в Петербургский политехнический, о Петербурге...

– Ой! – вдруг воскликнула Оля. – Александр, вы не видели, как рисует наш Федя. Сейчас я принесу. Пап, Федины рисунки у тебя?

Отец, весь в воспоминаниях, поднял руку и пальцем показал на дверь своего кабинета, глотая подступивший к горлу комок, сказал:

– Там, в секретере, на верхней полке...

Оля быстро вошла в отцовский кабинет, а Александр наблюдал в открытую дверь, как она, вся вытянувшись, на цыпочках, ищет в секретере рисунки брата.

Вот она вернулась с большой картонной папкой и положила её на колени отца. Тесёмки развязаны, папка открыта, и вслед за учебным натюрмортом и головой римского героя все увидели улицы Города, дома с высокими окнами, автомобиль у губернаторского дома, ротонду в городском саду и сирень. Предпоследним был акварельный рисунок, на котором перед окном стояла корзина с букетом сирени, а за окном был сад.

– Вот это окно, – сказала Оля и показала на окно в центре гостиной, – обычно перед ним стоит стол.

Пройдёт война, потом ещё одна война, этот рисунок попадёт городскому художнику, и корзина с сиренью перед окном станет картиной, написанной масляными красками и появится в домах у горожан.

Последним был рисунок железнодорожного моста – на нём были выписаны тушью мельчайшие подробности конструкции. Это была курсовая работа Феди в реальном училище.

Вдруг что-то щёлкнуло, часы проснулись, и по дому разлился звон – часы пробили двенадцать.

– Опоздали, боже, опоздали... – заговорила Оля.

Все радостно засуетились. Фёдор быстро-быстро разлил шампанское, и общий взгляд на часы – звон фужеров, тишина и надежда. Только маленькая Нюша широко зевала на коленях у Нюры.

– Нюша, – Лиза присела у дочки, – тебе уж спать пора, наступил Новый год.

– А стихи? – раскрыв широко глаза, пролепетала девочка.

– Ну давай, расскажешь стихи – и спать.

Лиза провела ладонью по волосам дочки и поцеловала в лоб.

– Вчера весь вечер и сегодня утром учили стихи про Новый год, давайте послушаем! – уже всех попросила Лиза.

Фёдор взял племянницу на руки и поставил на стул перед печью. Все смотрели на девочку, а она – на всех. Нюша набрала воздуха в грудь, выдохнула, поправила своё серебристое платьице.

– Баская, – улыбаясь, сказала Нюра.

Нюша снова набрала воздух, оглядела всех, а особенно военных, и начала:

– *«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина...»*

В комнате звенел детский голос, а взрослые удивлённо и восхищённо слушали неожиданные тут стихи Лермонтова. Александр вытянулся в струнку, и, кажется, у него дрогнули губы; Фёдор Иванович слушал, и глаза его блестели от слёз, и капля катилась по щеке. Лиза сидела наклонив голову. Отзвучали последние строки, девочка поклонилась – аплодисменты.

– Милая ты моя, золото, золото! – воскликнул Фёдор, подошёл, взял девочку на руки, и расцеловал. – Нюш, а кто это тебя научил?

– Папа.

– А где же твой папа? – допытывался Фёдор, раскачивая племянницу в объятиях.

Девочка молчала.

– Лиза, от Кости есть что-нибудь? Он пишет? Где он?

Лиза наконец встала и тихо сказала:

– Константин у Блюхера.

В гостиной повисла неловкая тишина. Нюра подошла к Фёдору, протянула руки к Нюше:

– Пойдём-ка, красавица, спать.

Девочке не хотелось уходить, она прижалась к дядьке, а тот носом уткнулся в её головку и раскачивал девочку вправо-влево.

– Нюшенька, я с тобой в зарю-заряницу сыграю разочек, – уговаривала нянька девочку.

Та сразу вся вытянулась, выскользнула из рук Фёдора и бросилась в ласковые руки няньки.

– Пойдём, пойдём.

Они ушли, и Нюше никто не сказал, чтобы она пожелала всем спокойной ночи.

От напряжения в сети или от невысказанного возмущения в абажуре над столом вдруг ярко вспыхнула и погасла лампочка, в гостиной стало мрачно, и даже накрахмаленная белая скатерть жёлтой простыней лежала на столе.

– Я принесу. Отец, где у нас лампочки? – бодро повернувшись на каблуках, спросил Фёдор.

– Они в моём секретере, справа, внизу, – подсказал сыну Фёдор Иванович.

Фёдор ушёл в отцовский кабинет, а в гостиной его молча ждали. Он вернулся с лампочкой в гофрированном картоне.

– Да будет свет! – С этими словами он достал лампочку и, как бывший студент-электрик, посмотрел на то, что было написано на стекле: – «40 ватт, Филипс и К...» Ха, ха, ха. Антоша Филипс ловко подъехал к столичным вельможам, – смеясь Фёдор дотянулся до абажура, выкрутил старую лампочку и вкрутил новую. – Вот и всё, нам остаётся вкручивать лампочки и наслаждаться светом. Давайте выпьем, господа, водка у нас ещё есть. – Фёдор подхватил со стола графинчик беленькой и принялся разливать.

– А Александр Николаевич Лодыгин работает в Соединённых Штатах, – грустно сказал Фёдор Иванович, – и их лампочки, по-видимому, нам нужны для того, чтобы не промазать... друг в друга.

– Папка! Зачем ты?! – Оля метнулась к отцу и обняла за плечи. – Папка, не надо.

Так наступил для них 1919 год.

***

В это время Серёга Паутов ступил на лёд. Перед ним – сколько глаз мог видеть, вправо, вперёд и влево – накрытая ночным мраком и ледяным туманом, хрустальной дорогой лежала Река. Ледяной ветер гнал позёмку по той дороге, а над головой горел разворошённым костром Млечный Путь.

В ту зиму на запах человеческого мяса и крови волки подошли к Городу и обложили его кольцом. Ночами даже в центре на Кунгурской слышали волчий вой, и собаки прятались в подворотнях.

Серёга перекрестился, достал из валенка нож лучшей кружилинской стали, зажал его в рукавице и пошёл. Свой «манлихер» он оставил на ответственное хранение той женщине, которая несколько дней назад спасла его от казацкой шашки. Уходя из Города, он так и сказал ей: «Оставляю вам ружьё на ответственное хранение».

Под Большой и Малой Медведицей, глотая густой ветер, вспоминая отца и мать, брата Толика и младшую сестру, всю-всю свою родню и мужиков, кто остался лежать на Сибирском тракте, Серёга Паутов шёл по Реке.

Глаза матери, прижавшийся к подолю Толик, как они приехали из вятской деревни просить отца вернуться, как ждали их с отцом у заводской проходной тихо и безнадёжно и отцовское «нет». Отец тогда стал получать на заводе больше денег и надеялся скопить.

«Нет! Нет! Не дамся!» – сквозь сжатые зубы твердил Серёга и шёл. Ветер рвал полушубок, стеной вставал на пути, а впереди была дорога без конца, и память, и злость.

Сергей с отцом ушли из деревни осенью 11-го, когда стало ясно, что до весны хлеба не хватит, а с палатей блестели на них голодные глаза брата и младшей сестры. Сестра умерла той же зимой, а весной 12-го умерли от голода дед и бабушка. Сергей с трудом вспоминал их, лучше помнил деда, с огромной бородой и церковной книгой в руках, а бабушку – как размытое пятно, только белый платок.

В 15-м, когда завод выполнял военный заказ, в литейке случилась авария, и отец держал лебёдку один и не мог крикнуть. Его заматывало, а он держал... держал до крови из носу, потому что внизу были люди. Отцу раздробило ноги, и начальство выделило ему, как говорил отец, «пензию». С тех пор рокот подшипников от его тележки да стук утюгов по дороге были слышны от их барака до заводской проходной каждое утро, и отец был горд: «У меня «пензия».

В 17-м, когда на собрании выбирали совет, отец выкатился к трибуне и, стуча утюгами по металлическим плитам, кричал: «Антихристы! Что вы делаете!» И его прогнали. Он колотил утюгами по плитам всё сильнее, сильнее и катил прочь мимо людей, которые что-то орали ему и не помнили, почему он потерял свои ноги. Сергей не догнал его, а стоял в толпе, опустив глаза. Ночью он нашёл отца в кабаке – тот лежал под столом, весь в блевотине и моче. Сергей волок его на себе, а отец бормотал ему: «Утюги, утюги...» У самого барака отец попросил опустить его и, проскрипев до колонки, стал умываться, а Сергей жал рычаг. Отец умывался долго, а потом покатил к бараку и остановился у чёрной дыры, и плечи его затряслись. Таким и стоял в глазах Сергея отец.

Сверху, если Кто-то на него смотрел, то видел крохотного человечка, который захотел жить, чтобы построить счастье для всех. Может быть, этот Кто-то пожалел Сергея – ведь должен же Он наконец что-то сделать для них, для тех, кто вечно глядит в небо и ждёт от Него милости.

Сергей был уже на середине Реки, когда вдруг, закрыв небо и звёзды, белая мгла навалилась на Реку. Позёмка вздыбилась, и метель заплясала, как тысячи ведьм. Ветер колючими иглами забил глаза, нос, рот – не вдохнуть, задушит, унесёт, раздавит по льду в кровь. Сергей встал на четвереньки, потом лёг, и его медленно поволокло назад, к Городу. Тогда он начал делать зарубки ножом и ползти, отмечая каждым ударом метр за метром свою дорогу к красным, на запад от Города. И думал Сергей, колотя ножом лёд, что в Городе чума, оспа, тиф, и он, ученик формовщика из литейного цеха, обязательно вернётся и отмоеет свой Город и сделает всё по справедливости, каждому по делам его.

Стая волков не учуяла человека – прижимаясь друг к дружке, они лежали в снегу и ждали тишины.

***

Засунув руки в карманы, ступая по мокрому асфальту, Фрэд шёл по Екатерининской – это та же Екатерининская, по которой ходили они, ну и пусть себе стоят тут эти страшные многоэтажки... жуть, но вот она, земля-то – Фрэд даже топнул по тротуару – та же. Он шёл, и сердце kloкотало от тревоги, страха и жажды ожидаемого, жадно ожидаемого будущего. Тут ещё самоедство точило нож, а улица вела Фрэда к новым и новым воспоминани-

ям прадеда. Толстая тетрадь перелистывалась страница за страницей, перекрёсток за перекрёстком.

***

Фёдор смог прийти домой уж только после крещенской недели. Ему очень хотелось поговорить с отцом, но формирование офицерского полка, строительство укреплений, к которому Фёдора подключили как инженера, не оставляли времени на встречу. Наконец вечером он ушёл из казармы домой.

Странно, он, уже давно самостоятельный человек, фронтовик, сверял себя по тому, что думал о нём отец, и в тот вечер, идя в родной дом, он тревожился за то, о чём отец молчал в новогоднюю ночь.

В прихожей его встретила Нюра. Привычно он отдал ей башлык, фуражку, скинул на руки шинель и услышал: «Ждёт». В гостиной он встретил Лизу с Нюшей за пианино и поймал тревожный взгляд сестры. Сзади его обхватили нежные руки Оли.

– Федя, папа ждёт.

Фёдор вошёл в кабинет отца и закрыл за собой дверь. Отец сидел за столом и что-то быстро писал. Он слышал, что пришёл сын, но не вышел навстречу и не мог просто сидеть, уставясь в дверь кабинета и ждать, когда она откроется.

– Здравствуй, отец! – бодро поздоровался Фёдор.

Фёдор Иванович положил ручку, промокнул написанное и поднял на сына глаза. Фёдора поразило что-то детское и беспомощное в этих глазах... и родное. Отец молчал. Фёдор, садясь в кресло напротив отцовского стола, доложил с пафосом:

– Сам удивился, зачем так: приняли присягу, в полку воодушевление, работы... невпроворот.

– Какую же по счёту? – тихо спросил отец.

Фёдор не ответил. Они сидели друг напротив друга и молчали.

– Весь город в объявлениях, – продолжил Фёдор Иванович, – требуется кучер, требуется прислуга, требуется кухарка... На Екатерининской публичный дом открыли. На Товарной раздетые красноармейцы вагоны грузят... в одних гимнастёрках, на ногах портянки. Что вы делаете?! – Фёдор Иванович снял очки и аккуратно положил на бумаги. Близорукие глаза отца прострелили Фёдора искренним, наивным непониманием происходящего.

– Отец, ты же помнишь, как было при большевиках? «Грабь награбленное», делёжка, трудовая повинность... эти хамы распоряжались... нами распоряжались! – Потом, помолчав, добавил как оправдание: – Пепеляев рвётся к Вятке, фронтовики ушли из города.

Отец как не слышал последнее.

– Да, эти хамы просто начали считать.

– Да-да, именно, считать и делить – вот это самое главное было у них.

– Да, делить! Чтобы у каждого ребёнка было молоко! – У Фёдора Ивановича даже сорвался голос. – Они люди, а мы их в присутственных местах об стол возили, а они стояли без шапок и кланялись... Эти хамы дали вам оружие... под честное слово... Под честное слово! А вы им в спину?!

– Отец, я не ожидал от тебя. Они убили царя, семью его, убили великого князя Михаила Александровича...

Отец перебил сына:

– Что-то я не знал среди вас ни одного монархиста. Где же вы были?! Вас тут целый полк офицерский собрался... Измена! Измена! Выпороть мужика и в стойло загнать – вот ваша идея. Ещё алчность. Вот что гонит нас против своего же народа... Мы мужика и по отчеству-то не знаем... Не верю я, что большевики семью царскую расстреляли. Думать же надо, сын! Ты инженер – думай! Им сейчас много денег будет надо. А вот почему ваши вожди царя русского бросили – это вопрос.

– Отец, – вскипел Фёдор, – что они с попами сделали!

– Не нам судить. На Екатерининской девки за буханку хлеба офицерам отдаются.

– Нет, ты ответь, отец. Что они сделали с отцом Андроником?

– Я сейчас постоянно думаю, что будет, если победите вы? Страшно. Мракобесие и спесь. Вон на тракте виселицы стоят, вы вешаете. Отец Андроник призывал их вешать! А жидов и за людей не считал...

– Вот они его живым в землю и закопали...

– А вы поминки по нему справляете?! Выйди на Реку, сын. На Реку выйди... и-и-и... – Фёдор Иванович говорил это, уже рыдая.

Фёдор, не имея мочи продолжать разговор, встал и вышел из кабинета. Навстречу ему бросилась Оля.

– Федя! Давайте не будем ссориться, – сестра говорила громко, чтобы слышал отец, – давайте пить чай. Папа, Лиза, Нюша, давайте пить чай! Нюра, приготовь чай... А почему не пришёл Александр?

– Их батальон направили к Кунгуру, – едва сдерживаясь, ответил Фёдор и тут же посмотрел на Лизу.

Сестра встала у пианино и, как показалось Фёдору, посерела, и ладонь нажала на клавиши, обрывая слова.

***

Утром, в самое Крещение, Фёдор Иванович ехал на завод в санках, планируя намеченные дела. Накануне он всё точно продумал, нарисовал даже эпюру распределения усилий на грани резца и наметил провести испытания нового инструмента с самого утра. Санки легко скользили по расчищенной от ночного снегопада улице, мимо летели заваленные снегом по самую крышу дома, прохожие спешили на завод, настроение у Фёдора Ивановича было превосходное. Светлеющее небо и всё вокруг вдруг наполнилось перезвоном к заутрене. Фёдор Иванович снял шапку, начал креститься и кланяться проплывающим мимо знакомым с завода, и ему в ответ кланялись, узнавая инженера.

«Боже, как хорошо! – говорил себе Фёдор Иванович. – Счастье, вот же счастье!»

Проехав проходную, он тут же направился в токарный цех, раскрасневшийся, прошёл между станков к тому, на котором намерен был провести испытание. Инженера уже ждали два токаря. Рабочие почтительно поклонились. Фёдор Иванович поздоровался с каждым за руку.

– Ну что, с Божьей помощью примемся?

Инженеру передали на чистой тряпице заготовку резца, Фёдор Иванович взял её в руку, подошёл к металлическому листу и, рисуя мелком результат своих домашних бдений, стал объяснять, как надо сделать заточку. У станка собрались все токари цеха. На инженера смотрели умные глаза.

«Они всё понимают, мы понимаем друг друга и хотим сделать хорошо, и ещё лучше, и ещё, и ещё...» – думал Фёдор Иванович, глядя на рабочих.

В это время к станку подбежал мальчишка-подсобник и, с опаской глянув на инженера, громко сказал рабочим:

– Там... красных по Реке ведут.

Сначала, цыкнув на парня, рабочие дали пацану подзатыльник. А тот, нарушая все правила, закричал:

– Их к прорубям ведут!

Мальчишеский голос прозвенел по цеху, оборвав работу станков, движение железа – тишина, и топот ног по металлическим плитам. Фёдор Иванович вместе с токарями выбежал на цеховой двор. Солнечное сияние, усиленное снегом и льдом, заставило зажмуриться, все побежали на берег. Река – ледяная дорога – сверкала на солнце, и дымы дальних изб столбами поднимались в синее небо.

Топкий снег, хрип перехваченных морозом глоток и пар из хватающих ледяной воздух ртов. Выше по течению люди увидели пленных красноармейцев, идущих белой колонной, и серых солдат по бокам с колючими штыками. Утопая в снегу, заводские кинулись на самый край летящего в небо берега.

Забыв о сердце, Фёдор Иванович бежал со всеми, он падал, вставал и снова бросался в снежную зыбь – вот и край. В растёгнутой шубе, с болтающимся по сторонам шарфом, Фёдор Иванович встал над Рекой.

В звенящей тишине по Реке вели пленных – раненых, избитых. Белое нательное бельё уже промёрзло, покрылось серебром инея, и пятна крови горели как дыры в телах. Фёдор Иванович всё повторял: «Белый, красный, голубой, белый, красный, голубой...»

Колонна красноармейцев всё тянулась и тянулась, а до берега долетали скрип их шагов, мат конвойных да храп казацких лошадей. Красноармейцев было не меньше роты. Гнали их к огромной чёрной дыре, и лёд там был красным.

Опираясь на товарищей, в колонне шёл Васька Косожихин – гармонист, матерщинник и любимец на всякой заводской вечёрке. Частушки из Васьки лились как написанные, он ещё и сам на ходу их придумывал. А глаза у Васьки были как лёд на Реке, такие, что врать стыдно. Он и его товарищи были с Очёрского механического завода – вместе ушли добровольцами к красным, вместе сейчас шли на смерть.

Мимо парней деловито просеменил поп с крестом в руке, из-под чёрной рясы блестели на снегу сапоги из дорогого хрома.

– Куда спешишь, толоконный лоб? – крикнул ему в спину Васька.

Поп даже не оглянулся на него, так и пробежал вперёд к проруби.

На колокольне, отзвонив к праздничной заутрене, стоял молоденький звонарь, прижимая к груди верёвки, – он любил после перезвона потоптаться по звоннице, посмотреть на Город. В ушах у монаха ещё стоял звон, когда утро разорвали далёкие пулемётные очереди. Звонарь шагнул к перилам и увидел то, что не могли видеть горожане: за морозной дымкой, там, где вставало над Рекой солнце: с трёх санных тачанок расстреливали мечущихся по льду людей. Казаки не догоняли тех, кто бежал, бежал, бежал куда-то по льду – всё равно замёрзнут, на пир волкам. Монах заметался по звоннице как потерянный, упал на колени, снял шапку и быстро-быстро закрестился, потом обнял перед собой балясины и так стоял долго, долго, глядя вниз... и Кунгурская поплыла в слезах.

Васька лежал на спине и смотрел в небо. Над ним кто-то склонился и стал срывать с груди нательный крестик.

– Не трожь, не ты весил, – выдавили губы.

И всё... и синь поплыла, и густая, чёрная вода петлёй захлестнула горло.

Фёдор Иванович стоял в снегу, а в глазах было черным-черно.
– Покойники-то весной всплывут... у Сарапула, – донеслось до него, – вот тогда мужики-то поломят.

***

Город светился огнями реклам, фонари подпирали чёрное небо, манекены застыли в витринах, светофоры мигали по заведённой программе, а людей и машин не было. Фрэд вышел на Кунгурскую и направился к Колокольне. Войдя в тень лиц, он встал напротив крыльца – подойти сразу к Колокольне он почему-то не смог. Постояв с минуту, он вышел, посмотрел в проткнутое иглой колокольни ночное небо и медленно перекрестился. «Вот где-то тут, на этих ступенях, умер Фёдор Иванович», – сказал вслух Фрэд.

Он подошёл к крыльцу, сел на ступени, посидел.

«Чего ж я г****-то такое?» – Фрэд провёл ладонями по мокрому камню, посмотрел в сторону Реки – идти туда не хотелось. Он достал мобильник, набрал Алексея, позвонил. Плевать, что уже третий час ночи. Неожиданно быстро в трубке прохрипел голос Блинова:

– У телефона.

– Это Фрэд. Надо встретиться, – ответил Фрэд.

– Валяй..

Дальше был адрес, и связь прервалась.

Прибыв в номер, Фрэд вызвал такси, схватил так и не разобранный сумку, скатился по лестнице, не дождавшись лифта, в холл и уже через пятнадцать минут давил на кнопку домофона – тирлинь-тирлинь, и дверь открылась. Поднимаясь в лифте, Фрэд всё думал: «Что я скажу? Зачем?» – но лифт, не спрашивая, зачем, поднял его на одиннадцатый этаж. Дверь квартиры была уже приоткрыта, и Фрэд тихо вошёл в прихожую. В проёме прохода в гостиную, закрывая свет настольной лампы, стояла долговязая фигура Алексея – тёмное лицо, майка, скрещённые на груди руки.

– Дверь закрой, – услышал Фрэд и аккуратно прикрыл дверь.

– Захлопни!

Фрэд сильно хлопнул до щелчка, повернулся к Алексею – тихо, тихо, они одни.

В тишине Фрэд услышал:

– Проходи... водки нет.

Фрэд вошёл за хозяином в гостиную, провалился в диван, Алексей сел на стул, повернувшись спиной к горящему экрану монитора.

«С чего начать... Зачем я тут?» – крутилось в голове Фрэда.

– Я сейчас ходил по Городу. Город, понимаешь, он тот же, всё, как написал прадед, только сирени нет... – Часы размечали тишину равномерным ходом. – Я тут меньше суток, а когда говорю, то слова – как пью, не напьюсь и не наслушаюсь. Говорюк тут как у моей бабушки Ани. Когда я увидел... услышал Люсю на выставке, узнал, что она отсюда, – решил приехать. Я давно собирался, а тут решил, – не останавливаясь, словно боясь что-то забыть, говорил Фрэд.

– Здравьте, внучок, – сонно съязвил Алексей.

Фрэд стянул свой вытянутый на груди пуловер, бросил в угол дивана.

– Мне уже за тридцать, – Фрэд посмотрел устало на Алексея, – если можно, налей чаю, и я пойду.

Алексей ушёл на кухню – было слышно, как он включил чайник, звенел чашками. Фрэд сидел на диване, невольно обводя глазами полутёмную ком-

нату. Монитор светился схемой химического реактора с бегущими цифрами. На краю стола лежала «Кружилиха». На стене, рядом с рабочим столом, он увидел портрет Люси – стоит в сквере перед «Исаакием» и смеётся безоглядно от счастья. Вошёл Алексей с чайником, чашками, сахарницей, вывалил всё на журнальный столик, заварил пакетики.

– Это ведь в Ленинграде? – размешивая сахар, спросил Фрэд.

– Это в Санкт-Петербурге... в прошлом году.

– Уже не успею порвать контракт, я напишу Люсе, что предложение аннулирую.

– Ну ты и тип! Хочешь, чтобы я Люську шанса лишил?!

– А если вы вместе приедете работать? Люся говорила, что ты серьёзно работаешь в химических технологиях, – Фрэд кивнул на монитор.

Алексей смотрел на Фрэда как на сказавшего глупость маленького мальчика. Фрэд поймал этот взгляд, но не почувствовал себя слабым или униженным.

– Да, это глупость.

Вот уже почти сутки он не включал, как обычно, броневую защиту, не играл полифонией своего классического английского – он просто сидел без шлема, без лат, распахнутый навстречу всему. Нет-нет, он не капитулировал – просто это был редчайший случай, когда ему не нужны были всякие железки, он говорил без прикида, на русском, не следил, как звучит то, что он говорил, не искал второго, третьего смысла.

– Я уезжаю.

– Вали.

– Опять... – Фрэд сторбился над чашкой с чаем, «вали» – звучало в ушах, и часы гремяли секундами. – Я вырос под это «вали». Мой прапрадед умер у вашей Колокольной в 19-м. Он шёл с завода...

– Мне-то зачем это? – перебил Фрэда Алексей, отхлёбывая с удовольствием горячий сладкий чай.

– Ты, я вижу, историю хочешь знать, – Фрэд показал глазами на лежащую на столе «Кружилиху», – а я не хочу болтаться без России...

***

Фёдор Иванович, вышел за заводскую проходную до вечернего гудка. Он не взял извозчика, потому что хотел пройтись без толпы по улочкам, подёрнутым зелёным пушком, подышать смолистым майским воздухом. Шёл он бодро, распахнув пальто, раскинув шарф, обводя глазами блаженную округу и, иногда прицелившись, давил кончиком своей трости упавшие под ноги тополиные почки. Вдали он увидел цепь солдат, перегородивших улицу. Он ещё отметил: «Уже без шинелей... значит, весна». Из любопытства Фёдор Иванович подошёл к солдатам и спросил унтера: «Что тут происходит?»

– Да большевиков контрразведка арестовывает, вы бы отошли вон туда, ваше благородие, – ответил унтер и показал рукой на небольшую толпу зевак на другой стороне улицы.

Фёдор Иванович, глядя за цепь, медленно отошёл к людям. Ему кланялись, снимали шапки, узнавая инженера. Он тоже увидел знакомых, здоровался. Все замерли в ожидании – как будто ждали открытия занавеса и начала спектакля. Фёдор Иванович сразу узнал дом, возле которого ходили шпики в штатском. Это была начальная школа, в которой учились и его рабочие – деревянный одноэтажный дом под железной крышей, с высоким крыльцом и прибран-

ным к весне палисадником. У дома под старым зеленеющим тополем стояло несколько офицеров. В одном из них Фёдор Иванович узнал Углёва.

В последнее время, вернувшись с фронта в Город на переформировку батальона, Александр часто бывал в их доме. Он приходил с Фёдором, иногда один, и все в доме знали, что он приходит к Оле.

Фёдор Иванович помирился с сыном и успокоился, объясняя себе всё случившееся смутой и ещё много чем, о чём думал каждую свободную минуту. «В конце концов, дни идут так привычно, нам необходимо пережить это, перетерпеть и зажить как всегда», – говорил он себе. Он стал чаще ходить в церковь – его успокаивала служба, но почему-то, когда начинали петь, его душили слёзы. «Старый стал», – думал он о себе.

Отношения Оли и Александра радовали Фёдора Ивановича и тревожили. Ему казалось, что вот-вот сказка закончится и придёт что-то настоящее. Они играли с Углёвым в шахматы, иногда поболеть за игроков собиралась вся семья, даже Нюша становилась коленками на стул посмотреть за игрой деда с женихом тёти Оли, и Нюра вставала, прислонясь к косяку кухонной двери, чтобы порадоваться, что все дома. Оля стала как самый милый цветок, и счастье лилось из её серых глаз и плескало на отца, брата, сестру, Нюшу, Нюру. Когда приходил Углёв, то отцу хотелось встать у дверей часовым и не пускать в дом время. Они говорили обо всём на свете, но никогда о будущем. Наверно, это было счастье, но это было только сейчас, под тиканье семейных часов.

С крыльца сбежал шпик, держа в руке, затянутой в перчатку, книжку журнального формата, и протянул её одному из офицеров. Тот небрежно раскрыл журнал, пробежал глазами по строчкам, и тут до глазающих горожан и до Фёдора Ивановича донеслось то, что сказал офицер товарищам.

– Господа, полюбуйтесь, сочинения Максима Горького... – Он перекинул несколько страниц, потом ещё полистал: – Вот послушайте, господа: «Когда я пьян... мне всё нравится, – начал читать офицер с ленивой хрипотцой. – Н-да... Он молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен!..»

В это время из дома доносились глухие звуки, вроде тех, что раздаются при выбивании ковров, и тихие стоны вслед за каждым ударом. Офицер продолжал читать:

– «Он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он свободен!» Господа, ведь надо же так пудрить мозги!

Офицер оторвался от чтения, посмотрел на товарищей, подмигнул шпику и продолжал декламировать:

– «Человек – вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! Понимаешь?»

В это время из дома на крыльцо два крепыша в штатском выволокли за руки мужчину и по ступеням потащили на проезжую часть к телеге. Голова мужчины запрокинулась, и все собравшиеся смотрели на глядящее в небо лицо. Человека, растянув за штанины, бросили в телегу. А офицер продолжал с ленивой растяжкой:

– «Это – огромно! В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное дело его рук и его мозга! Че-ло-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!»

Офицер оторвался от журнала и, сдвинув фуражку на затылок, с пафосом спросил:

– Понимаете, господа? Дочитались... дотрепались! – офицер поискал глазами потерянную строчку и продолжил декламировать:

– «Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!»

Офицер закончил читать, опустил руку с журналом и после паузы глянул на Углёва и спросил:

– Капитан, вы не согласны, что все эти русские литераторы... особенно вот этот, – офицер помахал в воздухе журналом, – просто-напросто растлители.

Углёв стоял и молчал, не зная, как отвечать – серьёзно, так, как он думал, или послать поручика. После паузы он ответил:

– Поручик, вы боитесь за степень своей сытости?

Поручик побледнел.

– Не забывайте, капитан... это уже пахнет... каким-то большевизмом.

Эта пикировка могла бы закончиться скверно, если бы другой офицер не вмешался и не перевёл всё в шутку.

– Капитан, как грубо, нелитературно. Ха, ха, ха, – офицер рассмеялся, хлопая Углёва по плечу.

– В окопах так веселее, – в тон ему ответил Углёв.

Этот разговор Фёдор Иванович не слышал. Он и все собравшиеся смотрели на крыльцо, на которое вывели девушку. На девушке была строгая белая блузка, тёмная длинная юбка, волосы были аккуратно зачёсаны и собраны красивой копной на затылке. Да, да, все видели сейчас ещё совсем молодую учительницу начальной школы всё той же строгой и гордой, какой привыкли видеть всегда, несмотря на то, что сейчас у неё было разбито лицо, что её накрахмаленная блузка была разорвана на груди до пояса, и свежие пятна крови горели на белом, и она тонкой рукой поправляла свои прилипшие ко лбу в запёкшейся крови светлые волосы. Учительница ступала по ступенькам с высоко поднятой головой, и всегдашняя её улыбка жила в её серых глазах. Она посмотрела на людей и сама пошла к телеге. Боком, боком её потянуло к палисаднику, но она всё же встала прямо и так пошла дальше.

«Как её зовут? Как же её зовут?! – пытался вспомнить Фёдор Иванович и наконец вспомнил: – Лидия Ивановна, Лида. Так к ней обращались рабочие, когда она как-то пришла на завод и после митинга читала им стихи Некрасова. Надо запомнить, на всю жизнь... Лида, Лида», – повторял Фёдор Иванович.

Офицер, который читал Горького, проводил учительницу глазами, а когда она с тихим стоном села в телегу, сказал, глянув на народ:

– В стойло! – И швырнул журнал в телегу.

Поручик не подозревал, что был на волосок от смерти. Углёв тоже смотрел на учительницу, и у него невольно возник порыв помочь ей, но тут же он понял, как мерзко это – подавать руку для шага в ад. Углёв до боли сжимал в левом кармане галифе свой кастет, и если бы контрразведчик сказал хоть что-то сальное в адрес учительницы, то он разбил бы ему череп одним ударом... Углёв давно уже жил одним днём.

Фёдор Иванович пошёл вдоль дороги за трясущейся по земле телегой и не мог поспеть – телега с арестованными катила вперёд, и уже не видно было за казацким конвоем белой кофточки и копны волос.

– Барин, садитесь, – услышал Фёдор Иванович справа над головой.

Молодой извозчик быстро спрыгнул на землю и, не дожидаясь ответа, помог инженеру сесть. Застучали копыта по немощёной улице, поплыло небо и ветви зеленеющих тополей. «Лида, – шептал Борщёв и смотрел куда-то вверх, – до конца жизни запомню... Зачем всё? Мне ведь ничего не надо... ничегошеньки... только б... А что «только б?»»

Извозчик не спросил, куда ехать – он знал инженера и катил прямо к его дому. При въезде на Вознесенскую Фёдор Иванович вдруг попросил проехать до Кунгурской, и, когда коляска встала у въезда на базарную площадь, он сам вышел на мостовую и подал парню бумажку.

– Барин! – ахнул извозчик. – Много это, барин, мне и полтинника хватит.

А Фёдор Иванович не слушал его и шёл уже сквозь толпу к Реке. Извозчик всё шёл за ним, пытаясь сунуть деньги в карман, а инженер откидывал его руку и упрямо шёл.

В это время Нюра рядилась с молочницей и, когда услышала это громкое «барин», сразу увидела Фёдора Ивановича. Тот широко шагал на подгибающихся ногах, словно был готов упасть с размаху на площадь. Свою шляпу он держал в левой руке, а тростью тыкал как слепой в землю. Нюра, забыв про сметану, кинулась к Фёдору Ивановичу, а молочница ещё что-то громко доказывала ей вслед и потом молча смотрела, как та подхватила инженера под руку, прижала к себе, чтобы тот не упал.

– Фёдор Иванович?! – Нюра смотрела в глаза хозяину, а он её сразу узнал и тоже смотрел в её серые глаза.

– Анна, – в первый раз он назвал её полным именем и вдруг стал целовать её жилистые руки, а она не отёрнула рук, ей захотелось погладить его растрёпанные майским ветром, седые волосы.

– Переведи меня через площадь... туда, – он показал глазами на стоящую над улицей колокольню, – что-то воздуха мало стало.

Изловчившись, извозчик сунул бумажку и карман пальто – Фёдор Иванович и не заметил. Нюра отдала парню сколько нужно, и они медленно пошли мимо людей по изогнутому лучу улицы – сначала вниз, а потом вверх.

– Пусто как-то тут. – Фёдор Иванович приложил шляпу к груди. – Как по лабиринту хожу – туда нельзя, туда страшно... Кто построил лабиринт-то этот? Шёл, шёл и пришёл. Я всю жизнь делал железо... разное железо. Я пальцами могу различать его... без анализа... Для чего?! – Он сказал это всей грудью, набрав воздуха в лёгкие. Сказал и встал, глядя в глаза Анне. – Только функции, цифры, дебет и кредит в конторских книжках... унижение, успех... как плата за первое. Ты меня понимаешь, Анна?

Анна видела, как ему плохо, и уже рвалась искать извозчика.

– Домой, Фёдор Иванович, вам надо.

– Не надо, Аня. Ты меня до Реки доведи. Вон глянь, колокольня-то как смотрит... ждёт.

Они пересекли в это время Петропавловскую и шли мимо ещё до войны выстроенного кирпичного дома. Фёдор Иванович остановился у стены, провёл ладонью по кладке.

– Этот всё переживёт... а кирпич-то уж тёплый... солнышко. Пошли.

Фёдор Иванович упрямо переставлял ноги, крепко сжимая руку Анны, и пот заливал лицо инженера. Они поднимались к колокольне очень медленно – шаг и стоят.

– Лиза с Нюшей, Оленька, Фёдор уйдут с армией... на восток... может, и совсем уедут... Хотя, может, Лиза с Нюшей и останутся. Олю жалко. Анна, ты не уходи с ними.

– Я с вами, Фёдор Иванович, останусь.

– Вот и славно... за могилками присмотришь.

Анна ничего не ответила, только смотрела испуганно на родного человека – так она сейчас поняла.

Они перешли Монастырскую. Тихо было – базар остался позади, извозчиков не было, даже вороны притихли на колокольне. Когда поднялись к колокольне, с Реки им в лицо ударил ветер, и нищие истово закрестились, заглядывали в глаза, тянули руки, а Анна вела сквозь них Фёдора Ивановича и отталкивала эти руки. Фёдор Иванович посмотрел на упёршийся в небо шпиль, медленно перекрестился.

– Большевики победят, потому что им нужно всё, а нам только сытость. Мы и Богу-то молимся из страха её потерять, – твёрдо сказал он, помолчал, глядя на колокольню, – а человеком-то быть непросто... по процедуре не получится. – И закрыл глаза.

Потом качнулась земля, и он повис на руках Анны, а она тащила его к чугунной ограде, и полушалок её разметался, и ветер нёс весеннюю влагу с Реки, и так ему хотелось жить – неистово хотелось жить, дышать, видеть... Но всё несло куда-то, и, уже хватая ртом последний глоток ветра, он сказал:

– Ань...

Похоронили Фёдора Ивановича на Егошихинском кладбище рядом с женой. У могилы стояли его семья, чертёжник из конструкторского бюро, несколько рабочих да два инженера – его старые друзья. Никого от администрации завода не было.

***

Алексей давно допил свой чай, а Фрэд так и не притронулся к своей чашке.

– Ты не искал их могил?

– Я найду... ещё приеду. Как-то всё по-сволочному получается. Будто клин вбили. Уж почти сто лет прошло, а доказывают, лгут... но ведь всё просто... Россия-то вот, – Фрэд показал рукой на окно, за которым уже светило небо, – я в России первый раз... Москва не в счёт. Ещё приеду... не выгоните.

– Так перебирайся жить, – с хитринкой предложил Алексей.

– А что я здесь буду делать?

Утренний ветерок колыхал занавеску перед приоткрытой балконной дверью. Наступающее утро заполняло комнату, и горящая настольная лампа уже стала лишней.

– Пойдём покурим, – предложил Алексей, – иногда люблю побаловаться крепкими. – Он достал из стола коробочку с сигарилками и, не дожидаясь гостя, вышел на балкон, навалился руками на перила.

Тихо и пусто во дворе, птицы только начинали шуметь, а солнце где-то... да Бог его знает где уж месяц прячется. Закурил. Подошёл Фрэд.

– А дальше белых даванули красные, и вы оказались в Англии? – сквозь пахучий дым по учебнику истории констатировал Алексей.

– Да, оказались, – глядя на блестевшие в доме напротив окна, ответил Фрэд. – Углёв кулаками забрал тачанку в полку и от села Култаево гнал на вокзал, чтобы проводить Олю. По лестнице к перрону он бежал с охапкой сирени... Длинная у вас лестница – сирень сыпалась на ступени. А потом они долго стояли у вагона... до последнего гудка. Потом были Тюмень,

Ново-Николаевск, Бийск... В феврале 20-го в Харбине Оля родила Сашу, там они жили почти два года.

– А что стало с Углёвым?

– В июне его рота стояла у деревни Косотуриха, это по шоссе за вашим аэропортом...

– Да ты мне-то не объясняй.

– Держали Казанский тракт. Красные атаковали. Там на поле у тракта Углёв стоял один, а рота сдирала погоны. Он один стоял с парабеллумом в правой руке и кастетом в левой, а всё поле было в ромашках. Кастет он купил ещё в 15-м году в Ростове перед отправкой на фронт – в окопах, когда дрались с немцами, сильно выручал, а тут и не понадобился.

Красные шли, не пригибаясь, кумачовое знамя трепал жаркий ветер, впереди шёл комиссар в расстёгнутой косоворотке, а за ним цепью шли бойцы в линялых гимнастёрках, с винтовками Мосина наперевес, и русские четырёхгранные штыки горели на солнце. Вот таким штыком кто-то и пробил Углёву под сердцем... Может быть, кто-то из тех, кому он в спину стрелял накануне 19-го года.

– Значит, был Александр Углёв, а появился Саша Углёв, – гася окурок, подытожил Блинов.

– Нет, появился Саша Борщёв. Они не успели пожениться...

***

Взрыв подбросил набравшую скорость железнодорожную платформу, когда из-за чёрного корпуса паровоза уже был виден городской вокзал. Когда прогремел взрыв и платформа словно живая прогнулась под ногами, Фёдор Борщёв оглянулся назад – там медленно съезжал с опор второй от берега пролёт моста. Поднимая вихрь песка с железнодорожной насыпи, с Реки вдруг задул горячий ветер и ударил этим песком по рукам, сжимающим край платформы. Тучи грозовой стеной надвигались с чужого берега, кажется, заори громко – и небо порвётся, и хлынет поток на землю и зальёт всех. Фёдор так и подумал: «С чужого берега», – он и смотрел на ту сторону как на чужую. Сзади суетился корреспондент с треногой, ловил мгновение, что-то зашипело, сверкнуло.

– Капитан, мы сделали это, – услышал за спиной Фёдор, – а какая декорация, сейчас бы фильму снимать!

Платформа разогнала до крайней паровозной возможности, и всех, кто был на ней, кидало из стороны в сторону, они цеплялись за железный борт и смотрели в небо. Городской вокзал пролетели, не останавливаясь. Вот и снова Река, ветер треплет сирень во дворах, и Город дрожит и несётся, несётся, несётся мимо. Последние кадры: шпиль колокольни в небо, дом со львами белым пятном.

Фёдор стоял на коленях, прижавшись к борту, прощался и смотрел, смотрел на тающий позади Город. Когда он повернул голову навстречу ветру, то в первое мгновение подумал, что они летят в топку печи в полнеба, и все так подумали – впереди полыхала Река, и даже стена надвигающегося дождя не могла бы залить ту топку.

«Флотилию жгут в затоне», – услышал Борщёв у плеча.

– Всё, всё сжечь, к чёртовой матери, чтоб ни грамма мазута, ни одного куска угля не осталось! – орал рядом с Фёдором унтер из вольноопределяющихся. Он орал и колотил кулаком по дну платформы, как будто хотел пробить железное дно или разбить свой кулак.

Тут серой стеной, даже не предупредив ни единой каплей, хлынул дождь, и платформа закипела под упругими струями. «Как оккупанты уходим», – снова услышал Фёдор у плеча, только уже шёпот. Фёдор не хотел отвечать, он молча смотрел на исчезающий за краем платформы Город. Дождь словно смывал его по холсту, вот уже и сирень потекла куда-то вниз.

Когда гавкнул выстрел, Фёдор всматривался в заблестевшую вдруг иглу колокольни – она блеснула в прорвавшемся луче солнца и пропала за пеленой дождя. Мотаясь по сторонам в такт платформы, в воде лежал унтер. Бурое пятно становилось на его груди всё больше, потом заполнило всё под ним.

«Никогда, никогда больше! Всё. Это всё?» – говорил себе Фёдор, а дождь хлестал по нему, и уже не было сил шевелиться.

***

До аэропорта ехали молча. Фрэд снова прилип к стеклу и смотрел, смотрел. Алексей вёл машину не спеша, разгоняя по дороге лужи. Если бы не слова Фрэда: «Я обязательно приеду ещё», – было бы колючее ощущение, что история закончилась и они уже никогда не встретятся. Алексей ловил себя на том, что даже если сейчас в аэропорту они молча разойдутся, то он всё равно будет оглядываться на прошедший день... уже оглядывается. Простились у аэровокзала сухо.

– Бай.

– Всего...

Когда Фрэд с заднего сиденья забирал свою сумку, то посмотрел на Алексея. Алексей увидел это в зеркале: небритый, в вытянутом пуловере и глаза цвета реки.

Автомобиль тронулся, прокатил по кругу к шагбауму, Алексей приложил карточку, полосатая труба открыла дорогу, и он уже газанул к шоссе, но нажал на педаль тормоза и втиснулся между двух таксистов.

– Какого чёрта?! Зачем?

По тротуарчику Алексей вернулся, зашёл через рамку в привычно-убогий аэровокзал и в зале отыскал глазами Фрэда. Тот стоял в очереди на регистрацию, закинув сумку через плечо, и смотрел в пол. Алексей подошёл, встал рядом. Фрэд поднял голову, опустил сумку, и рыжая щетина расплзлась шире ушей, глаза – как кусочки голубого неба. Уже перед входом в зал ожидания Фрэд сказал:

– Спасибо... – И вдруг странное: – Мне роботы – во, – провёл ладонью по горлу.

– Ты про что?

– Так... функции, процедуры... в общем про роботов, которых всё больше, – сказал Фрэд и протянул свою жёсткую руку.

На том и простились.

***

Лето продувало как из открытой форточки вдоль Уральских гор. Дожди и морось шли с ветрами от Новой Земли, через Ухту и Котлас до самых Оренбургских степей. Глухие тучи обложили небо и неслись, гонимые ветрами, над брошенными селениями, вырубками, и только ниточки железных дорог с огоньками бегущих составов стучали, что люди тут ещё есть.

Под разговоры о тенденции к потеплению пролетел июль, и пришёл август – всё, лето кончилось. А начальник капстроля на комбинате всё ждал

солнышка и материл за дождь подрядчиков на оперативках, чтобы наконец они покрасили то, что им было велено перед приездом высокого начальства.

Утром Алексей стоял безукоризненно выбритый у зеркала и завязывал галстук. Делал он это привычно, но медленно, как бы нехотя. Через три часа он должен был быть в самолёте и, как всегда перед дорогой, хандрил. Запел обычным вызовом мобильник, а Алексей всё довязывал галстук и, только когда поправил узел, взял телефон.

– У телефона, – пропел он в трубку.

На том конце он услышал родной голос. Именно это он почувствовал в тот момент. Кажется, вечность прошла с того вечера у Люскиного подъезда, когда она сказала: «Дай мне время, чуть-чуть». Он просто услышал: «Привет».

– Ты сменила «симку»? – спросил он.

– Да, – ответила она.

Она стояла у открытой двери редакционного микроавтобуса и крепко сжимала свой мобильник.

– Сегодня на комбинате пуск, – спокойно заговорила, а у самой сердце колотило так, что рука с телефоном подпрыгивала.

– Мне по барабану, – так же спокойно ответил он.

– Мы делаем репортаж. Там будет куча городского начальства – с ними всё ясно. Там будут топы из Москвы и с завода. На кого обратить внимание?

Алексею захотелось заорать в трубку: «Да пошли они...», но он спокойно ответил:

– На главного инженера... На Шурова.

Потом они оба дышали в трубки и слышали стук своих сердец.

– Лёшка, ты сегодня летишь в Москву?

– Да, – выдохнул Алексей.

– Удачи тебе...

– Спасибо. Вам тоже успехов.

Алексей видел себя в зеркале и не понимал, что с ним происходит – как камень... Нет, как каменная плита сдвинулась, и легко стало дышать.

– Люсь, – сказал он как раньше, – я спешу. Вернусь, приду к тебе.

В ответ – дыхание.

– Лёш, приезжай. Лёша, Лёшка, Лёшка! – кричала она, но он не слышал это, он нажал красную кнопку. Короткие гудки...

Наталья высунулась из микроавтобуса и бодро заключила:

– Ну, всё нормально? По коням.

Толик потушил свою сигаретку и галантно предложил Люсе войти перед ним.

– Ты чего? – спросил он её, увидев зажатый в руке мобильник, потом смутился и, как всегда, шутовски скороговоркой: – Быстро, быстро, сама-сама-сама.

Люся вошла в салон и села сразу к окну. Холодное стекло приятно холодило щёку. Толик запрыгнул следом и задвинул за собой дверь. Микроавтобус просигналил три раза, оповещая редакцию, что он уехал и, разгоня голубей, вырулил на дорогу.

Алексей сел верхом на стул, на полочке у зеркала увидел забытую Люсей помаду. «Поехали», – сказал себе. Встал, взял помаду и провёл по зеркалу улыбку до ушей. Пиджак на плечи, сумку в руку. «Доброе утро, Город...» Поворот ключа зажигания, флэшка в переходник, палец в кнопку приёмника – нормально.

В ритме орущих колонок мелькали дома, блестели умытые дождём окна, пронёсился родной Город. Алексей гнал не по основным магистралям, а по переулкам и проходным дворам, объезжая пробки и светофоры. О, он знал свой Город от подвалов позапрошлого века до пахнущих свежим бетоном новостроек. «Восьмёрка» вылетела на шоссе – путь в аэропорт был свободен. Педаль газа в пол, окошко открыто, ветер треплет волосы. Нет, комфорт иномарок Лёхе был неинтересен. «Боевая подруга», опрятная, и всё в ней до последнего винтика знакомо – это его. Бешеный ритм бодрил, а на горизонте проплывали силуэты колонн химического комбината.

***

На покрытом красным ковром подиуме стояли высокие гости: губернатор, мэр города, директора строительных компаний, вице-президент химической корпорации, директор завода и главный инженер. А на площадке перед подиумом толпились строители и монтажники. Юрий Иванович Непишев суетился – бегал, распоряжался, а больше показывал себя. Труженики прессы щёлкали фотоаппаратами, работало местное телевидение. Территория установки была прибрана под метёлку, бордюры покрашены, и старший аппаратчик Сидоров ждал сигнала к включению могучего вентилятора. К микрофону подошёл директор комбината и душевно, как лучшим друзьям, стал говорить:

– Господа, вот мы и провели реконструкцию технологического объекта. Хочу сказать спасибо всем участникам этой стройки...

Стоящие на трибуне активно захлопали, колыхнулись строительные каски перед трибуной, все тоже дружно захлопали, и даже кто-то крикнул: «Ура!»

– ...Можем ведь, можем! – продолжил директор, весь охваченный уверенностью в себе, и начал говорить о том, как всё начиналось, и всем стало ясно, как здорово, что есть корпорация, как здорово, что они все работают в ней!

А в это время Алексей летел по шоссе и думал о предстоящей встрече, о том, что говорить или не говорить немцам. Ещё он думал о Люсе, и всё было нормально, как сам себе говорил он.

За директором перед микрофоном уже встал вице-президент корпорации – поджарый парень в чёрном плаще. Публика затихла, готовая внимать дорогому гостю. Окинув людей радушным взглядом, тот начал:

– Я хочу передать вам спасибо от президента нашей компании. Коллектив завода показал, что задача инновационного развития нашего предприятия вам по плечу. Мы надеемся, что это не последний объект реконструкции на заводе...

А у Алексея в это время засигналил антирадар, и он плавно снизил скорость. «Вот и вы, родимые», – улыбаясь молоденькому стражу дорог, сказал Алексей и сложил правой рукой фигу.

На заводе продолжался митинг. К микрофону наконец прорвался мэр Города. Надув от радости откормленные щёки, с высоко поднятой головой, сверкая стёклами очков в золотой оправе, он продолжил:

– Друзья, ваш завод всегда был флагманом промышленности нашего города. Сегодня вы ещё раз это подтверждаете. Реконструкция на вашем заводе – это чистый город, это успешный город, это наконец умный город...

Он говорил, сверкая очками, с такой искренней убеждённости, что, кажется, даже поднятый воротник его куртки поднимался всё выше и выше, а за ним и сам мэр.

Алексей аккуратно проехал кольцо, свернул к аэропорту и, пробравшись мимо забивших дорогу автомобилям встречающих, свернул к стоянке – слава

Богу, места были. Шлагбаум открылся, и «восьмёрка» вкатилась на парковку. Сторож, серьёзный как сто инспекторов ДПС, спросил:

- На сколько оставляешь?
- Сегодня ночным рейсом возвращаюсь.
- Из Москвы... Значит, на сутки.

...Наступала торжественная минута. Директор, прервав аплодисменты, провозгласил:

– Господа, настал самый ответственный и торжественный момент. Мы должны нажать самую важную кнопку.

После этих слов наступила тишина, и вдруг грянула душевно-патриотическая песня из советского времени. На подиум поднялась модельного вида девица в фирменной спецодежде и белой каске. В руках перед собой она держала белую пластину с большой, красной, как мухомор, кнопкой. Девица подошла к гостям и, улыбаясь большим, в цвет кнопки ртом, встала напротив вице-президента. Динамики замолчали, площадь охватила тишина, и только гул соседних технологических установок долетал до ушей собравшихся.

– А как тут без проводов работает кнопка? – поинтересовался вице-президент у директора?

– Wi-Fi, – даже не покраснев, без запинки ответил директор, – инновация.

Татарские глаза Шурова стали почти не видны, он едва сдерживал смех.

Репортёры избегались, выбирая ракурс. Толик снимал. Наталья с Люсей стояли как часовые у прохода, где должен был пройти важный гость. Мэр широко улыбался и, кажется, сам уже был готов нажать кнопку. Директор бросился помочь девице и галантно подставил свои руки рядом с её руками. Наконец вице-президент надавил на красный грибок...

Тут страшный грохот ударил по ушам, и земля колыхнулась под ногами. На подиуме кто-то упал, лоя равновесие, замелькали руки, на лицах растерянность, ужас... Тут второй взрыв потряс округу, и толпа сорвалась. Визг, крик, и уже без разбора по асфальту и через трубы люди с глазами насмерть напуганных лошадей бежали прочь.

Суровый сторож на парковке переменялся в лице, и он просто выдохнул:

– Что это?!

Алексей обернулся. На горизонте чёрный дым факела заполнил небо, а правее по небу плескало зарево. И вдруг страшный гром донёсся до стоянки, и землю тряхнуло так, что на припаркованных автомобилях заорали сигнализации.

Алексей, не говоря ни слова, прыгнул в машину, на ручнике с рёвом развернул «восьмёрку» и рванул к шлагбауму – сторож еле успел открыть проезд. Дальше дорога неслась под колёса, ветер давил в лобовое стекло, а по всему горизонту справа тянулся чёрный дым, и оранжевое зарево металось по небу. Растерянные гаишники свернули головы, провожая «восьмёрку», а на дороге уже толпились машины. Кто-то вставал на обочине и таращил глаза на встающее по горизонту зарево, кто-то, чуть притормозив, срывался прочь во всю мощь своих автомобилей.

Алексей нёсся на зарево и на ходу звонил, звонил, звонил Люсе, а в ответ слышал: абонент вне зоны доступа... Он набрал другой номер – занято – слава Богу. Он бросил «восьмёрку» на поворот и, уже не чувствуя педали газа, вдавил её в пол.

Наконец ему ответил слабый голос:

– Да.

– Диспетчер? Кто там? Людмила, ты? Блинов. Что у вас случилось? – орал он в мобильник, выворачивая руль так, чтобы не влететь в залитые дождями ямы.

На столах надрывалось сразу несколько телефонов. В центре обычно заполненной по утрам заводской диспетчерской у стола с телефонной трубкой в руке стояла молодая женщина и механически отвечала:

– Диспетчерская... Я одна! – И вдруг на срыве с плачем проорала: – Одна я! – Женщину трясло, и было непонятно, что ещё останавливает её в этом пустом с вопящими телефонами помещении.

– Не одна ты. Сядь! – проорал Алексей, выворачивая с веером грязи по стерне.

Женщина послушно села, прижала к уху подскакивающую трубку, а сердце как птица в силке трепыхалось, и ничего не поделаешь с ним.

– Трубку не клади!

– Нет, нет, я держу, – сквозь стук зубов отвечала она.

– Докладывай спокойно... Это на пуске хлопнуло?

– Нет. В кислотном цехе, соседняя установка. Компрессор... – через тряску проговаривая каждое слово, говорила она.

«Восьмёрка» ракетой вылетела на асфальт и, рыча, как самолёт на взлёте, помчалась к заводу. Чёрный дым уже был над головой.

– Как аммиачный парк? – сквозь рёв двигателя спрашивал Алексей.

– Не знаю. Там пожар, – ответила она и разрыдалась.

– Что?! Спокойно, Людк, – он специально её так назвал, – собралась!

Где Шуров?

– На установке он. В операторной.

– Телефон начальника установки, городской? Есть, запомнил. Сиди и посылай всех по этому телефону.

Она теребила свободной рукой волосы и спрашивала:

– Я, как я-то?

– Если что, Людк, мы смыться всё равно не успеем... Ну, ты же химик... Людка! Расслабься. Сиди и отвечай на звонки. Когда всё закончится, я тебе конфет куплю.

В пустой диспетчерской за столом сидела женщина, тушь с ресниц текла по лицу, и трубка пищала короткими гудками.

– Не ем я конфеты...

«Восьмёрка» подкатила к дороге, что шла на завод, а мимо с воем сирен проносились пожарные машины – одна за другой. Алексей пристроился за последней, и только это позволило ему двигаться. Позади «восьмёрки» поток бежавших сомкнулся и в сизом облаке выхлопа, с гудками клаксонов и матом двинулся в сторону Города. Кто больше, тот и рвал вперёд, раздвигая, топча малолитражную мелочь.

Через забор, обдираясь колючей проволокой, карабкались рабочие. Девчушки-лаборантки в белых халатиках ободранными в кровь руками хватались за край забора, размазывали слёзы, грязь и кровь по лицу и, послав всё далеко-далеко, с визгом кидались на землю.

Алексей влетел за пожарными в ворота проходной и не узнал завода – отовсюду на выход бежали люди. Он крутил головой и искал, искал, искал Люсю. Вдруг мелькнуло в толпе знакомое лицо – забыв модельную походку, Наталья бежала со всеми.

«Эта мэм работает с Люськой», – подумал Алексей и, перевалив через бордюр, припарковался у стойки эстакады. Он сначала попытался бежать к Наталье, но, поняв, что не перейдёт поток людей, пронзительно свист-

нул ещё и ещё. Наталья повернула на свист голову и, поняв, что это её, бросилась к нему, как к самой надёжной и последней защите. Долговязый парень в наглаженном костюме, белой рубашке и галстукe, как большой корабль, двинулся ей навстречу. Когда он схватил её за плечи, она не смутилась и не возмутилась, а прижалась к нему накрепко.

– Спокойно. Спокойно... Люся где?

– Они с Толиком остались там, – она глазами показала туда, откуда бежали люди. – Что делать-то?

– В толпу не лезь. Беги! – Алексей огляделся по сторонам и показал рукой в сторону двухэтажного здания с цветочками перед входом. – В лабораторию, там есть противогазы. Сиди там. Быстро! – И легонько подтолкнул её, а сам тут же повернулся и пошёл в сторону зарева. Наталья как замороженная смотрела ему вслед.

– Ты куда? – крикнула ему.

– Так мне туда, – ответил он, оглянувшись.

Их разорвала толпа, Наталья сначала безвольно стояла, словно потеряв что-то, потом побежала к лаборатории.

Алексей вырвался из толпы и, не оглядываясь, как сталкер, побежал по территории ему только известным, самым коротким путём.

***

Площадка технологической установки как вымерла. Сизый, едва видимый газ стелился над бетонкой, и непривычная тишина накрывала всё вокруг. Эта тишина текла из чёрной бесформенной дыры в компрессорной – глядеть в эту чёрную дыру было жутко.

В операторной кислотной установки собрались все, кто имел отношение к этому объекту или считал себя ответственным за него. Шуров склонился над лежащим на сдвинутых стульях Дубиницким.

– Коль, спасибо. Если б не ты, нам бы... абзац пришёл, – тихо сказал Шуров, не зная, слышит тот его или нет.

Сняв с себя плащ и накрыв им Дубиницкого, Шуров окинул взглядом стоявших рядом, показал рукой на длинный стол и спокойно сказал:

– Прошу, товарищи инженеры.

У стола, на котором была разложена технологическая схема, сели начальник установки, механик, начальник смены, командир отряда МЧС и Шуров. За их спинами встали операторы смены. Шуров, опустив свои кулачищи на стол, как гора возвышался над всеми. Его прищуренные глаза зорко изучали, казалось бы, наизусть известную ему схему. В этих глазах была абсолютная уверенность в своих знаниях, злость человека, оставившего все проблемы за чертой, которую провёл сам. Свои проблемы он будет решать потом, сейчас надо принимать решение и действовать.

В углу операторной притихли Люся и Толик – снова журналистский чёрт занёс их в гиблое место. Толик смотрел в окно на стелющийся по бетонке газ и, снимал, снимал, снимал репортаж: трубы, железо, развороченная стена компрессорной, дым, лица, руки, глаза оставшихся в операторной. Эти кадры, как выстрелы и секунды, летят, летят, летят.

Встал бледный начальник установки – тот самый, к которому приходил Блинов, и начал докладывать обстановку:

– С утра пускали компрессор К-1. Только после капиталки. Запустили. Машинисты доложили. А через пять минут давление скакнуло и – в раз-

нос, – голос молодого инженера дрожал, слова звучали отрывисто и повисали в полной тишине. Люся спросила шёпотом у стоящего рядом машиниста:

– Что за компрессор-то? – а сама подумала: «Вот я буду всё сегодня знать и Лёхе расскажу».

– Аммиачный. Да... 76-го года. Обкатать хотели после ремонта, – свистящим шёпотом ответил ей машинист.

– Секущие задвижки от компрессора к аммиачным булитам почему не сработали? – прогудел Шууров.

– Они ж электрические. А когда компрессор разнесло, то и подстанцию разнесло. Как стояли, так и остались стоять... Если б не Дубиницкий..

– А что он сделал? – снова шептала Люся машинисту.

– Он задвижки вручную крючком затянул.

Люся посмотрела на сдвинутые стулья, на вытянувшегося на них человека, а стоящий рядом Толик смотрел в окно на стелющийся по бетонке газ.

– Автоматика продержалась минуты три, потом экраны погасли. Успели только реактор отсечь, – продолжал виновато свой доклад начальник установки.

– Батареи-то старые, не успели заменить, – встрял молодой механик.

– Почему не можем отсечь газ из магистрали? – глядя на схему установки, спросил Шууров.

– Задвижки не держат, – обречённо выдохнул механик.

Кто-то громко вздохнул.

– Площадь огня расширяется, – сказал МЧСовец, – мои ребята долго не продержатся.

Шууров посмотрел на старшего оператора установки.

– Петрович, знаю, врезали задвижку ещё при советах. Знаешь, где?

Петрович, мужик лет пятидесяти, в зелёной корпоративной робе, замаялся, глаза забегали по схеме.

– Там две задвижки врезали. Обе на эстакаде за этажеркой, если по схеме, то вот тут, – ткнул пальцем в трубопровод на схеме.

В это время вошёл Алексей – запыхавшийся, вспотевший. Люся ахнула. Алексей, подмигнув ей, подошёл сразу к столу и уселся на свободное место с МЧСовцем. Он заметил Люсю ещё в окно и сейчас садился с таким лёгким сердцем, что ему хотелось запеть: «Тут, живая... е!» Все промолчали, только начальник установки сразу как-то посветлел.

– ... Мне туда не добраться, – продолжал Петрович.

– Мужики, всем понятно, если не перекроем газ, пожарные не удержат огонь, а там склад аммиака. До Города рукой подать! – тяжёлые кулаки Шуурова опустились на технологическую схему.

Очень веско. Без истерики, но все вздрогнули. Толик успел сделать кадр за мгновение до этого. Повисла оглушающая тишина.

– Если бы я мог найти эти задвижки, я бы сейчас сам пошёл, – с хрипотцой завершил Шууров.

– Владимир Михайлович, я найду эти задвижки, – сказал Алексей, с ходу поняв, о чём идёт речь, и, привстав над столом, показал пальцем на схему, где должны они быть, и, оглядев присутствующих, съязвил:

– А врезали-то без наряда, на схеме их нет.

– Как знаешь про них? – спросил Шууров.

– Потом расскажу... Знаю.

Шууров резко встал и решительно подошёл к окну. За его спиной столпились все, кто был в операторной.

– Показывай, как пойдёшь, – Шууров не сомневался, что пойдёт Алексей.

Алексей пальцем показал на возвышающуюся громаду технологической установки.

– Вон там, по этажерке к трубопроводу, напротив дальней колонны.

Чёрный дым застилал трубопроводную эстакаду, и языки пламени вырывались между сплетением труб – вот с этим огнём в эти минуты где-то перед обваловкой аммиачного хранилища боролись сейчас пожарные.

– По эстакаде не добраться, – определил Шуров.

– С этажерки можно перебраться, есть переход. Там метров пятнадцать, – ответил Алексей.

– М-м... Кто пойдёт с Блиновым? – спросил Шуров и оглядел присутствующих.

– Я пойду, – уже снимая тяжёлую куртку, сказал МЧСовец.

– Может, бойцов своих пошлешь... – Шуров посмотрел на уже немолодого, лысеющего командира пожарных: лицо обычное, светлые с проседью волосы, серые глаза, сухой, невысокого роста человек.

– Сам... Напосылался уж...

Молоденький, светленький паренёк, коренастый, в зелёном комбинезоне и белоснежной футболке, поднял загорелую мускулистую руку.

– Я пойду.

В тишине трое взяли противогазы из кучи привезённых недавно с проверки, взяли каски с очками, монтажные пояса... Все смотрели на них. Алексей посмотрел на свои начищенные, едва подёрнутые пылью туфли на тонкой подошве.

– Мужики, ботинки дайте.

Один из операторов сел прямо на пол, снял ботинки. Огромные, тяжеленные чёрные ботинки поплыли из рук в руки через операторную к Алексею.

– Thank you, брат, – Алексей залез в ботинки и, так как скамейка у стола была занята, а нагнуться ему не хотелось, поставил сначала одну ногу на подоконник – затянул шнурок, затем другую – затянул шнурок и завязал узлы бантиками. Потом прогромыхал по плитке к Дубиницкому, посмотрел на его закрытые глаза.

И тут стрелка на часах за спинами собравшихся щёлк – всё, готовы.

Алексей перед выходом успел запомнить тревожные глаза Шурова и Люську – она вырывала у товарища камеру, но в последний момент повернула голову.

Дверь распахнулась – трое, не оглядываясь, вышли на территорию, а там совсем не так, как виделось из окон: воздух прохладный и ядовитый, еле заметный сине-зелёный газ лижет ботинки и штанины, чёрной дырой зияет развороченная взрывом компрессорная, и непривычная тишина, только льётся вода на бетонку из разорванной трубы.

Алексей первый взял с подставки крючок для затяжки задвижек, за ним взял крючок молодой – так про себя Алексей назвал новенького оператора. МЧСовец крючка не брал – он тащил моток верёвки. Они бежали к закрывающим полнеба колоннам, не чувствуя ни тяжёлых ботинок, ни твёрдого бетона, только противогазные сумки болтались сбоку – чёрт бы их побрал.

Дверь операторной закрылась, и тогда, как самое главное и единственное, Люся рванула камеру из рук Толика так, что у того лязгнули зубы, взяла оставленный кем-то на подоконнике противогаз и не замеченная никем вышла на технологический двор. Все прилипли к окнам и не видели Люськин уход.

Трое, гремя ботинками по просечке, добрались до шестой отметки «этажерки» – это шесть метров от земли. Пот заливал глаза.

– Куда дальше, – через спазм в горле спросил МЧСовец.
– На той стороне, – Алексей махнул в сторону трубопроводов, которые тянулись с другой стороны конструкции.

До них метров двадцать, а огонь уже плещет на трубах вдоль перил. Они бегут по площадке, держась ближе к аппаратам, а чёрный дым от горячей изоляции труб поднимается сквозь просечку и перехлёстывает дыхание. Вот ещё подъём – и тот искомый переход на трубопроводную эстакаду, но огонь уже захватил его, и полыхает кабельная трасса вдоль перил.

– Ё-о... – только и выдавил Алексей.

– По кабелю можно проползти, – вдруг сказал молодой и махнул рукавицей в сторону висящего над огнём кабельного моста.

Они бежали и не смотрели назад, а за ними, отставая всего на один пролёт лестницы, бежала Люся и снимала, снимала, снимала. На самом деле она бежала за Лёхой, и чёрт бы с ней, с этой камерой, но так ей было привычнее, и застывал огонь, и железо, и люди в бездне пикселей.

МЧСовец скинул с плеча верёвку, защёлкнул карабин на монтажном поясе у молодого – всё молча, точно. Кто идёт первым, не обсуждалось – был тот уровень напряжения, когда понимают без слов. Молодой ловко забрался на кабельный мост, сначала стоял на полусогнутых ногах, балансировал, вытянув правую руку с крючком – впереди пятнадцать метров над огнём на высоте десять метров, как помнил Алексей по схеме установки. Лёгкий кабельный мост шатался, ветром тянуло между конструкций, и жарко было... Всё, собрался, встал и почти бегом на ту сторону – роба нараспашку, белая футболка, соломенные волосы и горячий ветер. А Люся снимала, снимала снизу, не чувствуя острой просечки, на которую легла спиной, и летело всё куда-то, и черно было в глазах.

МЧСовец умело страховал молодого, помалу травя верёвку через спину и закрепив свой конец верёвки за торчащий штурвал задвижки. Когда парень на той стороне отстегнул верёвку и привязал к перилам, МЧСовец пристегнул Алексея.

– Пошёл, инженер!

Нельзя сказать, чтобы Алексею было наплевать на жизнь, только когда он ступал на жиденький кабельный мост – страха не было. Мимо плыли конструкции, галстук трепал ветер, а впереди молодой смотрел в упор и держал страховку.

– Не-эт, не так надо заводы строить и не такие, – говорил Алексей, деля слова на шаги.

Шаг, ещё шаг, а пучки кабеля, как копчёные змеи, обвили конструкцию и хватают за ноги, и бетонка сереет сквозь дым. Всё, дошёл. Дальше они с молодым ползли по трубам, и вниз не хотелось смотреть обоим – там метался огонь, и потоки горячего воздуха пополам с какой-то гадостью стремились вверх, нагревая ноги под штанинами и лицо.

– Вон задвижки! – крикнул Алексей, а про себя добавил: «Площадку пожалели сделать, но спасибо вам, старики».

Две пузатые задвижки стояли на двух соседних трубах, штурвалы раскручены до упора, клинья подняты, резьбы не видать.

Крючки на штурвалы – и нитка за ниткой поползла резьба вверх. А Люся снимала в это время, стоя коленками на просечке у края «этажерки», и если бы не эта съёмка, то, наверно, сама бы полетела к тем задвижкам.

«Держитесь, я тут, рядом... Глупо! Глупо!» – но она жала на затвор, как будто держала страховку, и стоп-кадры фотосъёмки вырывали мгновения, протоколируя события.

Всё, клинья внизу. Газ не поступает – это Алексей с молодым почувствовали сразу по замершей вибрации труб.

– Всё? – удивлённо выдохнул молодой.

– Да, всё... назад пора, – Алексей, ещё затягивая штурвал, смотрел на то, как выходить, и сейчас он видел: назад-то пути нет.

Можно было ещё вернуться на «этажерку», но спускаться уже нельзя: внизу огонь и чёрный дым уже подобрался до их отметки, и МЧСовца они уже не видели. Старым путём, держась за оставленную вдоль кабельного моста верёвку, они вернулись на «этажерку». МЧСовец молча помог им выбраться на площадку, но было видно, что мужик не знал, что делать дальше, он смотрел на них, без суеты поправляя монтажный пояс и ждал.

За дымом Алексей увидел Люсю – как наваждение в ищущем выхода мозгу. Люся сидела, сжавшись в комочек на идущей снизу лестнице, держала камеру на вытянутой руке на ступеньке, и рвотные спазмы вдавливали её в перила. «Дура! Ну, дура же!» – Алексей кинулся к ней, поднял на руки, вырвался назад на площадку и закрутился по железу, ища выход. Молодой стоял у перил и матерился, матерился, матерился... Потом замолчал и выдохнул:

– Ничего, по байпасу уйдём... Айда на «обезьянку!» – И первым кинулся сквозь дым.

Его вздыбленная роба пропала в чёрном дыму, лишь изредка мелькая где-то впереди между железных конструкций, и только грохот его рабочих башмаков по просечке помогал всем успевать за ним. Алексей с Люсей на руках бежал, пытаясь на бегу схватить ртом горячий воздух между клубов дыма, и прижимал рукой к своему плечу Люсину голову. Каким-то чудом ему удавалось уворачиваться от встающих на пути конструкций, а иногда он в последнее мгновение прикрывал от удара Люсю. За спиной он слышал свистящее дыхание МЧСовца, и от этого было спокойнее.

Грохот башмаков смолк, стало слышно движение вверх, и впереди показалась идущая в небо вертикальная лестница с железными обручами.

– Пояс! Пояс на неё наденьте, – услышал Алексей сверху крик молодого, а МЧСовец, всё понимая без слов, уже надевал свой пояс на дрожащую всем телом Люсю и вязал верёвку...

По узкому горлу вертикальной лестницы, ступенька за ступенькой они ползли вверх – молодой тянул за верёвку Люсю, Алексей поднимал её снизу, последним полз МЧСовец. Холодный ветер дул в спину, и пустота была за плечами – ещё ступень, ещё, ещё... Наконец перед ними распахнулось голубое небо, нет огня и дыма. Молодой втянул Люсю на верхнюю площадку реактора и, не чувствуя ног и сердца, повалился на просечку и, мотая головой, хватал раскрытым ртом ветер. Следом на площадку поднялся Алексей, на четвереньках подполз к Люсе и пал рядом, увидав её раскрытые живые глаза. МЧСовец, выбравшись из узкого горла «обезьянки», сел на последний обруч, и пофиг ему было, что за ним пустота и нет страховки – пошарил по карманам, достал пачку сигарет, а пальцами в неё попасть не смог, так и остался сидеть с пачкой в руке...

Вокруг голубое небо и солнце, а внизу зима – там пожарные заливают пеной всё-всё, и кажется, уж прошли лето и осень, а может быть, год.

– Нормально, – тихо самому себе сказал МЧСовец и вытер рукой лицо.

Молодой помог ему выбраться, усадил у серебристого листа изоляции, закурили.

– Виталий, – представился молодой и протянул МЧСовцу руку.

– Николай Иванович, – ответил тот, посмотрел на молодого. – Где служил, Виталька?

– Дагестан. Погранвойска.

– Нормально...

Виталий скинул робу, подошёл к краю площадки, оглядел пустые дороги завода, простор неба – ветер хлестал в лицо, трепал соломенные волосы, пузырил одежду, но было не холодно, даже приятно.

На горизонте блестела лазурью Река, мосты, как всегда, соединяли землю, а по ним не торопясь двигались люди в своих автомобилях, и Город рос уже на обоих берегах, и среди тополей и крыш старого Города сверкал шпиль колокольни.

– Мужики, – Виталий показал в сторону опустевшей площади перед заводоуправлением, – смотрите: всё начальство смылось!

Ему стало весело, он выскочил на монтажный швеллер, ударил себя руками по ляжкам и груди и выдал настоящую уральскую топотуху так, что гуд пошёл по перилам, и проорал, мотая чубом:

– Ох, сад-огород, зелёныя рошша. Не пойму, кто виноват, жена или тёшша!

К нему подошли Алексей с Николаем Ивановичем – хорошо так стоять над заводом, когда ветер раздувает штанины брюк, треплет волосы, и никто не скажет, что сработано было плохо.

Люся приподнялась и сделала свой, может быть, самый главный снимок. Алексей легко взял её на руки, как ребёнка, и закурилась голова, и руками она обвила его шею, и всё... и не найти.

***

За рабочим столом напротив друг друга сидели Шуруп и Алексей. Вечер смотрел в окна кабинета главного инженера, и напряжение дневной трагедии уже прошло.

– Как Дубиницкий, Владимир Михайлович? – спросил Алексей.

– Отвезли в больницу... Жена с ним... Очень надеюсь, что обойдётся, – Шуруп смутился, сказав это: – Что могу – всё для него сделаю! – Главный инженер говорил это и теребил приспущенный галстук, потом замолчал, глядя в стол, и сменил тему:

– Мне жаль, что ты уходишь... Жаль.

Алексей смотрел на главного инженера, и ему самому было жаль этого человека, и не потому, что последует расследование и, вероятно, наказание – просто самые лучшие годы инженера, последние двадцать пять лет, ушли на помойку.

– Владимир Михайлович, вы же знаете, не от работы я ухожу... Здесь всё надо менять... Каждого человека наизнанку вывернуть, выполоскать и обратно собрать и человеком оставить. – Алексей показал пальцем правой руки за спину, в сторону кабинета генерального директора. – Эти не смогут... да и не хотят. Почему, не знаю. Им так хорошо...

– Другой завод надо строить... Мне уж не успеть. – Главный инженер стал смотреть в окно.

– До свидания, Владимир Михайлович. Меня Люська внизу ждёт... Не обижайтесь.

– Хочешь конфету? – Шуруп открыл стол, достал батончик «Баунти» и протянул Алексею. – Держи. Успехов!

Они пожали руки, и Алексей быстро пошёл к двери, обернулся.

– Дел-то ещё до чертища... До свидания. – И вышел в пустую приёмную с аквариумом.

Шуров остался в кабинете и ещё долго смотрел в чернеющий вечер за окном.

Алексей шёл по пустому коридору заводоуправления. Двери кабинетов были распахнуты, и в непривычной тишине он слышал только свои лёгкие шаги. Проходя мимо диспетчерской, Алексей увидел стоящую у окна Людмилу – она, видимо, ждала диспетчерский автобус.

– Люд, ты – золото.

Она обернулась – и что тут началось: слёзы и радость, и губы поплыли, и ноги подкосились – всё сразу. Алексей успел только её подхватить и усадить на стул.

– Всё, всё. Всё кончилось... Держи конфету... Это от Шурова, а за мной – долг... Тебя довезти домой?

А та сквозь слёзы и всхлипы:

– Не надо, Лёша. Я с диспетчерским автобусом доберусь. – И завывала по-бабьи: – Спасибо тебе!

– Салют, – Алексей махнул ей рукой и побежал в коридор, потом по лестнице, громыхая по мраморным ступеням, на выход, где на крыльце его ждала Люся.

На площади стояли машины скорой помощи, красные, с нержавеющей блеском порогов и вентиляей пожарные машины, рядом толпились люди в ожидании команды на отбой. Алексей с Люсей пошли через площадь к своей «восьмёрке», а та стояла такая маленькая за шлагбаумом под уже желтеющей берёзой.

В это время по шоссе проехала колонна больших машин, степенно свернула к заводоуправлению, и, раздвигая людей, автомобили привычно начали парковаться на своих обычных местах. Но двум молодым уже было всё равно, они и не оглянулись. Пахло осенью, и их ждал Город. Рядом, шелестя колёсами, проехал микровавтобус «Пульс Города» и встал, дверь отодвинулась, и в проёме показалось улыбающееся лицо Толика.

– Салют, вас до Города подкинуть?

– Не-а, – Люся обрадовалась этому автобусу, Толику, Наталье, которая выглядывала из-за плеча Толика и тоже улыбалась. – У нас своя «ласточка». Толь, не обижайся.

– Да я что... Тогда всего хорошего, – расплылся в улыбке Толик.

– Всего хорошего, ребята, счастья! – успела крикнуть Наталья, и автобус укатил по лужам в Город.

Они сели в «восьмёрку» и тихонько тронулись. В зеркале ещё светились окна заводоуправления. Люся навалилась на плечо Алексея и заснула. Он смотрел на её дрожащие ресницы, осторожно переключал скорости, слегка давил на газ, и они медленно катили вдоль завода – медленно, медленно. «Вот так, не встряхнув, довезти бы Люську до дому, поднять её на руках в квартиру и заснуть под тиканье часов на стене», – думал Алексей.

«Ту-ту», – запел его мобильник и настойчиво пел до тех пор, пока Алексей, чертыхаясь про себя, не ответил полуснёпотом:

– Да...

На той стороне был Фрэд.

– Алексей, здравствуй. У вас авария. Что случилось? – голос был напряжён так, что ухо заныло.

В это время Фрэд был в своём кабинете и, говоря, вышагивал по диагонали, мимо доски с накиданной фломастером схемой.

– Как ты? Как Люся? Я уверен, что вы там были. Как Город?

Алексей не мог вставить слова. «Ну, буржуины, уже знают», – говорил в сторону.

– Что ты сказал? – переспросил Фрэд.

– Да всё нормально. Завод на месте, Город тоже... Не дождёться.

В трубке наступило молчание, только слышно было, как Фрэд дышит. Он встал напротив огромного, от пола, окна и смотрел на сверкающий у своих ног Лондон.

– Я рад... Ты там был? Я уверен: ты там был.

– Был, был. Вот костюмчик испортил...

Молчание на том конце.

– Ты где?

– Лёш, пошли меня по матушке, – вдруг раздалось тихо и твёрдо в трубке. Фрэд стоял, припечатав себя к стеклу.

– Не. Люська рядом.

– Дай ей трубку.

Алексей дал трубку Люсе.

– Да, привет, – сонно ответила Люся. – Всё нормально... Ты волнуешься? Спасибо... – Она улыбнулась.

Трубку взял снова Алексей:

– Что ещё?

– Алексей, скажи что-нибудь... Скажи, скажи ещё... – кричала трубка.

– Федь, пошёл ты в... баню!

Потом было что-то в ответ, Алексей рассмеялся, и разговор закончился. Люся прижалась к плечу Алексея и заснула, уже до самого дома.

Фрэд застыл у окна. У его ног лежал ухоженный Лондон.

«Восьмёрка» катила по промышленной трассе. Мимо с шумом и пылью пронеслись пожарные машины. В одной из них Алексей увидел Николая Ивановича – тот махнул ему рукой, Алексей кивнул в ответ.

Сумерки. Слева заводские колонны горели сотнями огоньков, где-то сыпала снопом искр сварка, а по небу уже высыпали звёзды. «Осеверяет», – подумал Алексей и легонько добавил газу.

**Наталья
ДЖУРОВИЧ**

ТРИУМФАЛЬНО ПРИХОДИТ ВЕСНА...

***

В эту землю кротко отцветаю
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется как в мае.

Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.

Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдо,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.

Мир, как слезы детские, правдив,
А другие разве столько значат?
Сын родится – Родина заплачет,
Никуда ещё не проводив.

-
- Наталья Александровна Унгерова-Джурович родилась в Москве в 1987 году. В 2009 году окончила филологический факультет Российского Православного университета Иоанна Богослова. После окончания университета переехала в Черногорию, в г. Бар, где живёт и работает в настоящее время. Преподаватель русского языка и литературы, переводчик. Автор книг «Нескончаемое лето» (Воронеж, 2007), «Крестоносная Румия / Румија Крстоносна» (2014), автор и переводчик, в соавторстве с Н. Милаковичем). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостиный дворь», «Эхо Бога». Участник Форума молодых писателей России (2015). Стихи переведены на сербский язык.

БРАТУ

Хорошо, что с сердцем я не в ссоре,
Сердцу – биться, строчкам этим – быть.
Посмотри, как корчится цикорий,
Не умея горечь разделить.

Сколько лет прошло, десятилетий,
Сколько ветер обломал ветвей,
Сколько горьких высохло соцветий,
Сколько мы нахмурили бровей...

Гаснет тропка в травах словно свечка,
Всё успело стихнуть и застыть.
Посмотри, как обмелела речка,
Что боялись мы не переплыть.

В МАЕ

Пусть смотрит день зелёным взглядом
И не спешит листвой шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.
Тот, кто крылат, всегда парит,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!
Те травы ранят всё острее
За то ль, что я их принимаю?
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

ДЕРЕВЬЯ

И опять этот май неумело, но искренне всхлипнет,
Содрогнётся нечаянно в светлом, дурманном чаду.
По аллее бреду, и грустит белопенная липа,
Или крохотной былкой в чужом прорастаю саду.

Припадаю к дорожным камням словно каменной грудью.
Здесь разносит твой ветер останки цветов словно прах.
Я готова расти на камнях, отказаться от «будет»,
Возвращаясь печальное имя качать на ветрах.

Мне теперь говорят, что дорога не «право», а «десно»,
И душа не отвергнет радушный и добрый приют.
Из шагов, как из ямбов, смотри, получают песни.
...Замереть и стоять...
А деревья поют и поют...

О МНОГОМ

Разве плачу о многом?
О доме, как радость, зелёном,
О рассвете на окнах, об утре с теплом молока,
О слегка потемневших, намоленных старых иконах
И о близких (там все ещё живы пока).

Там расписана печь петухами,
В саду подморожены астры,
И огромной вселенной висят «золотые шары»,
Занавески на окнах до боли легки и цветасты,
Первый снег словно скатерть лежит от Горы до Муры.

Разве моря прибой ароматней домашнего хлеба,
Первых яблок, насыпанных ловко в карман?..
Где-то та же черёмуха всё ещё падает с неба
Первым снегом и полдень всё так же румян.

Разве это нельзя – по-весеннему окна расцветить
И увидеть в них старый любимый наш сад,
Тот, где самые в мире счастливые дети
Не мечтают пока оглянуться назад?..

ТЕБЕ

Триумфально приходит весна,
Снится венчик черёмухи русской.
Здесь такая стоит тишина,
Что назвать её миром боюсь я.

Вырастаю как древо в ряду.
Я не буду лишь пристально ждавшей,
Ты же знаешь, я тоже иду
В этом горьком апрелевском марше.

Знаю, смотришь и ты, но куда?
Столько праведней, звонче и шире!
Там, где я не оставляю следа,
Твоё имя затеплится в мире.

Прогорю для тебя я дотла.
Береста так надрывна и хрустка!
Может, кровь оттого и светла,
Что сливается сербская с русской?!

Как люблю я две птицы бровей!
Нет, отдать своё сердце не поздно,
Для того, чтобы в этой траве
Загорелись и русские звёзды.

***

Я сердцем возвращаюсь без конца
В голубоглазый сад, дыша едва ли.
Цветёт сирень, как будто и не рвали
Её для сокровенного венца.

Взмывают в небо чёрточки ресниц.
«Пиши стихи, кричи, испепеляйся!
Здесь, может быть, случайно заваялся
Твой оберег из девичьих тряпиц..

Вот этот угол – узнаешь ли?» – Ах!
Сплетенье веток – тайная светлица.
И стрекоза на плечи примостится
И – скроется, как стрелка на часах...

Я помню сливы прелые, потом
Засохших косточек на крыше россыпь.
Так узнавала я, что скоро осень,
И берегла надёжнее свой дом.

Теперь я, словно косточка, тверда.
Лишь дай мне Бог внутри не стать полой.
Как смело рассыпали мы глаголы!
Как редко сомневались в них тогда!

**Ольга
ЧЕРЕНЦОВА**

ФОРУМСКИЙ ОДИССЕЙ

– Привет! – окликнула Нину из-за забора соседка Эми. – Ну и печёт же сегодня! Давненько такого не было.

«Караулит она меня, что ли? Только выйду на задний двор, а она тут как тут», – с досадой подумала Нина, а вслух сказала:

– Да, жарковато.

– Сад-то ваш – красота! Любо-дорого смотреть. Как же я рада, что теперь вы с Джерри здесь живёте, а не эта мерзкая парочка, – польстила Эми и затараторила: – Подлые были людишки! Вы не представляете, что они творили, я столько раз полицию вызывала, так они начали мне мстить и отравили мою кошку, я её еле откачала!

Зная все жалобы соседки наизусть, Нина машинально поддакивала, думая о своём.

– Ещё и рога наставляли друг другу! Немудрено, что они развелись! – с удовольствием заключила Эми и в панике замаха-ла рукой, отгоняя кружившую над ней осу.

– Извините, пойду ужин готовить, – перебила её Нина.

Войдя в дом, она с неодобрением посмотрела на мужа: на его обвислые на коленях штаны, на стоптанные сандалии, на изношенную майку.

– Что ты в этом рванье ходишь? У тебя полный шкаф одеж-ды, – попрекнула она.

– Я же дома, а не в гостях, – отмахнулся Джерри.

– Ну и что? Я тоже дома, однако чучелом не хожу, слежу за собой. Впрочем, тебе всё равно, ты никогда не замечаешь, что я ношу.

– Почему, замечаю, – он покосился на её обтягивающие короткие шорты. – Всё-таки лучше что-то поскромнее носить, а то мало ли что соседи подумают.

– Но это же смешно – стараться угодить соседям!

– Хорошо, хорошо, – не стал он спорить, нагнулся, просунул руку в щель между буфетом и стеной и осторожно вытащил оттуда трещавшую цикаду.

Лучи солнца, просочившись через жалюзи, исполосовали его майку и угрожающе сверкнули в стёклах его очков. «Знает, –

● Ольга Львовна Черенцова – автор книг «Изгой» и «Двойник». Публиковалась в журна-лах «Кольцо А», «Юность», «Волга–XXI век», «Русский динозавр», «День и ночь», «Молодой Петербург», «Литературная учёба», «Новый журнал», «Новый берег», «Чайка», «Бельские просторы», «Побережье», «Бийский вестник», «Слово/Word», «Letteral Latte», «Manhattan Arts» и др.

струхнула Нина. – Залез в форум и вычислил меня. По-русски же он немного понимает».

– От насекомых спасу нет. Надо сетки на окна поменять. Одни дыры, вот и налетели, – сказал Джерри, открыл дверь и выпустил цикаду на волю.

«Нет, вряд ли знает», – успокоила она себя.

– Ремонт тоже не мешало бы сделать, – произнёс он. Вытащил из холодильника банку пива, залпом выпил и с удовлетворением икнул.

– Ну что у тебя за манеры! – одёрнула она.

– Недоглядели мы, когда покупали этот дом, – пропустив её реплику, продолжил он. – Только и делаем, что всё здесь чиним. Эми права: бывшие жильцы паршиво за всем следили.

– Ей только бы посплетничать, она до сих пор поливает их грязью. Пустая у неё жизнь, – возразила Нина, чистя картошку, и вздохнула про себя: «У меня тоже пустая».

Глядя, как бурая кожа падает спиралью в раковину, Нина подумала с унынием, что вот так до самой старости будет ежедневно торчать на кухне. «Ничего его не интересует, только бы бейсбол по телевизору смотреть и есть с утра до вечера картошку со стейком, а ведь совсем другим был, когда познакомились». Она сердито бросила нож на стол.

– Что такое? Порезалась? – встревожился Джерри.

– Нет, всё в порядке, – сказала она.

Если бы порезалась, он бы помчался за пластырем. Его забота, в первые года брака её умилявшая, тяготила. «Мне не три года», – ворчала она, думая о том, что прожитое вместе десятилетие превратилось в монотонное существование. Однообразие дней скрашивали фантазии об Одиссее – так называл себя знакомый в форуме. Но, несмотря на скуку, замужество её устраивало и разводиться она не собиралась. Стабильность и надёжность она ценила. «Что важнее всего в браке?» – как-то затронули эту тему в форуме. «Взаимопонимание, дети, поддержка, хороший доход», – ответило большинство форумчан. «А секс забыли?» – спросил Одиссей.

– Какой, к чёрту, секс в этом-то сумасшедшем доме, – пробурчала она про себя, услышав крики ссорившихся сыновей.

В голове возникла мрачная картина: со временем постареет, подурнеет и остынет к ней загадочный Одиссей, если, конечно, суждено им встретиться. «Надо же, какое совпадение, я там тоже живу», – написал он, когда она рассказывала в форуме про свой городок. И, когда она шла в супермаркет, везла детей в школу (одного – в первый класс, другого – во второй), приятно шекотала мысль, что Одиссей где-то поблизости.

Прикрикнув на шумевших Колю с Петей, Нина вытащила из духовки курицу и внесла её на блюде в столовую. Джерри сидел за столом и протирали стёкла очков краем скатерти, хотя знал, какое это вызывает у неё раздражение.

– Мама звонила, приглашала в гости, – сообщил он. – Надо на днях её навестить.

– Мы же на прошлой неделе у неё были! Давай лучше куда-нибудь сходим. Мы нигде не бываем.

– Куда ходить? У нас здесь особых развлечений нет. Если хочешь, в соседний городок съездим.

– Тащиться из одной деревни в другую! Нет чтоб на Гавайи поехать! Ты же хорошо зарабатываешь. Почему бы не побаловать себя?

– Ладно, съездим, – вяло пообещал он. – Следующим летом.

После ужина Нина уложила сыновей спать, помыла посуду, собрала закатившиеся под диваны и кресла игрушки и вышла на террасу. На заднем дворе голубел круг бассейна. Глядя на него, она перенеслась мысленно на Гавайские острова и представила, как они с Одиссеем плавают там по ночам в бассейне в отеле, как он прижимает её к себе...

– Отдыхаешь? – оборвал её фантазии Джерри.

Он присел рядом, и его тень, попавшая в лежавший на террасе прямоугольник света от окна, преданно примостилась у её ног.

– Пошли в дом, а то закусают, – произнёс он и прихлопнул комара на руке.

– Ты иди, а я ещё посижу.

– Хочешь, на следующей неделе пойдём в кино? – неожиданно предложил он.

Ей стало стыдно.

– После кино можем пойти в ресторан, а Колю с Петей забросим к маме, – продолжил Джерри.

– Давай! – обрадовалась она.

– Вот и хорошо! – Он встал. – Пойду, а ты долго не сиди, а то комары кушают. Что-то многовато их в этом году.

В кустах мирта зашевелился ветер, сорвал с веток малиновый пух и разбросал его по воде в бассейне. «Красиво, конечно, здесь, но тоска», – вздохнула Нина. Ночью чувства и желания становились острее, толкали на крайности: хотелось свершить что-то рискованное, даже безрассудное, чтобы разнообразить жизнь. Она посмотрела на окно ванной, в котором белел затылок склонившегося над умывальником Джерри. Пока он старательно скрёт щёткой зубы, она думала о том, что утром приготовит для всех завтрак, отведёт детей в школу, потом повезёт свекровь к врачу, и та всю дорогу будет ругать родственников, соседей, всех подряд. На Нину наверняка тоже всем жалуются. Затем с опухшей головой Нина поедет в дом престарелых к древней бабушке Джерри и будет кормить её с ложечки обедом, а та будет что-то лопотать, как дитя, и выплёвывать изо рта ненавистную кашу. Потом Нина помчится в супермаркет за продуктами, и дома столько всего надо сделать. Беспросветная, нудная круговерть.

Лампочка в ванной потухла, сигнала, что Джерри отправился в постель. Нина встала, вошла в дом. Включила компьютер. В нетерпении пронеслась по всем темам форума, разыскивая Одиссея. Он не пропускал ни один из её постов и всегда отвечал.

«Давно вы живёте в нашем городке?» – спросила она.

«Всего несколько месяцев, так что пока ещё осваиваюсь».

«Могу подсказать, куда здесь сходить, – решила она идти напролом. – У нас есть хорошие рестораны. Выбор, правда, невелик».

«Подскажите, а то я всё по забегаловкам хожу».

«Могу посоветовать кафе «Солнечное», – оживилась она. – Я туда часто по субботам хожу в 12 на ланч».

«Схожу погляжу», – понял он намёк. Не только он понял.

«Не бойтесь, что муж с ружьишком в кафешку явится?» – с ехидством встрял кто-то из посетителей форума.

«С чего вы взяли, что я замужем?» – парировала Нина, а в душе струнула: «Ещё на самом деле выследит и явится».

В субботу Джерри укатил с детьми в увеселительный парк. Она не поехала, сославшись на то, что много дел по дому. В её распоряжении было целых

четыре часа, и она отправилась в кафе. Вошла, огляделась и сразу засекла мужчину средних лет – подтянутого, светловолосого, симпатичного. Поймав её взгляд, он равнодушно отвернулся. «Жаль, что не он», – подумала она.

Выбрала столик, заказала кофе. Посидела, озираясь по сторонам. Прощёл час, она выпила ещё чашку. Симпатичный незнакомец уже ушёл, большинство столиков опустело. Прикончив третью чашку кофе, она решила подождать ещё полчаса, а потом – домой. Одиссей, видимо, не понял её намёка.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь? – раздалось вдруг рядом.

Перед ней стоял сухощавый, невысокий, узкоплечий мужчина. Хотя он был помельче, поуже, чем тот образ, который она создала в голове, и не таким привлекательным, как светловолосый незнакомец, она встрепенулась. Единственное, что сбивало с толку – это то, что он обратился к ней по-английски.

– Конечно, садитесь. Я чувствовала, что вы придёте. Давайте лучше по-русски говорить, так проще, – восторженно протараторила она.

– Пардон? – не понял он.

– Вы не говорите по-русски? – растерявшись, перешла она на английский. – Вы не Одиссей?

– Нет, меня зовут Ли, – улыбнулся он.

– Ли, – удивилась она. – А вы кто?

– Вы имеете в виду, кем я работаю? Продавцом машин.

– Это вы в форуме пишете?

– В каком именно?

– Русскоязычном.

– Нет. Вы о чём?

– Странно... Почему же вы тогда ко мне подошли?

– Увидел красивую женщину и подошёл.

Вечером за ужином Коля с Петей с восторгом рассказывали про поездку в парк, показывали Нине футболки, которые купил им Джерри. Нарисованные на футболках клоуны хитро щурились, точно зная секрет Нины. Слушая детей, она смеялась, шутила.

– Ты в таком хорошем настроении, – с радостью отметил Джерри.

– Представляешь, такая произошла неожиданность! Я столкнулась в магазине с давней подругой. Кто бы мог подумать! – как можно невиннее произнесла она. – Она зовёт меня завтра в гости. Правда, живёт она далеко-далеко, тащиться к ней целый час.

И, скрывая румянец, нагнулась, будто бы подбирая что-то с пола.

– Час – это ерунда, поезжай.

– Ты не расстроишься? Завтра же воскресенье.

– Конечно, нет. Возьми детей и поезжай.

– Вообще-то я бы хотела одна поехать. Дети не дадут поговорить.

– Ты обычно всегда берёшь их с собой, – почувал он подвох.

– Да, но нужна же мне какая-то передышка.

– У тебя сегодня была передышка, полдня провела одна.

– Но мне хочется и с друзьями общаться. Завтра – это единственный день, когда я могу к ней поехать. Ты же не работаешь, можешь с детьми посидеть.

– Ну хорошо, поезжай одна, – произнёс он, пытливо глядя на неё.

«Что такого преступного в том, чтобы расслабиться, посидеть в ресторане. Не в постель же я прыгаю, а ищу друзей. Не так-то просто найти их в этой дыре», – убедила она свою взбунтовавшуюся совесть.

– Я быстро вернусь, – пообещала она мужу.

Не ответив, он сосредоточенно резал стейк. Ей стало стыдно: может, никуда не ехать и провести выходной вместе с семьёй? Джерри шумно вздохнул, о чём-то невесело размышляя, залил кетчупом стейк, положил в рот кусок. Глядя, как по его подбородку течёт кровавая струйка соуса, она с досадой подумала, что сейчас капля упадёт ему на майку, придётся отмывать, ведь сколько раз просила: аккуратнее надо быть. И она решила не отменять встречу с Ли.

Всё было в точности, как она мечтала: романтический ужин в ресторане, галантный Ли и подаренные ей розы. Мучил только вопрос, признаваться или нет, что она замужем. Обручальное кольцо она предусмотрительно сняла с пальца, как и в субботу в кафе.

– Какой замечательный ресторан! – произнесла она, хмелея от вина и от льнущих к ней взглядов Ли.

– Рад, что вам нравится, – заулыбался он, подливая ей вина в бокал.

– Я в ресторане сто лет не была. Насколько же это приятнее, чем самой готовить с утра до вечера. От этого так устаёшь.

– Для кого это вы так много готовите? – поинтересовался он.

– Для мамы, – смутившись, загладила она промах.

– Она с вами живёт?

– Нет, но часто навещает, – обманула она. (Мама жила не на соседней улице, а в Минске.) – А где живут ваши родители?

– Далеко. В Вирджинии.

– Вы часто с ними видитесь?

– Довольно часто. Они хотят сюда переехать, здесь тихо, мирно, все друг друга знают, – произнёс он и, отрезвив, вернул словами «все друг друга знают» с облаков на землю.

«Вдруг нас кто-то увидит», – переполошилась она и заметила, что её сверлит взглядом какая-то дама.

– Хотите десерт? – предложил Ли.

– Сладкого я не ем, давайте рассчитаемся и пойдём, – вполголоса произнесла она.

– Это видно, что не едите, у вас потрясающая фигура. Хотите попьём кофе? Моя квартира прямо за углом. Посидим, музыку послушаем.

– Да, да, конечно, – кивнула она, торопясь удрать из ресторана.

Ей казалось, что все посетители буравят её глазами и знают, кто она такая.

Вскочив со стула, она ринулась было к выходу и с ужасом обнаружила, что слишком много выпила: не слушались ноги, растекались перед глазами предметы, и их официант, раздвоившись, превратился в близнецов.

– Вам плохо? – спросил Ли и поддержал за локоть.

– Голова закружилась.

– У меня дома есть таблетки, вам станет легче, – заботливо сказал он.

И она сама не заметила, как очутилась в его квартире – тесной, неопрятной, пахнувшей чем-то кислым.

– Извиняюсь за беспорядок, – сказал Ли, сбрасывая с дивана халат и полотенце.

– Вы здесь один живёте?

– Один.

У неё опять закружилась голова. Предметы в комнате завертелись всё быстрее, быстрее. «Как же я машину-то поведу, – с тревогой подумала она – Где я её оставила?» Она пошатнулась и упала на диван.

– Вы не женаты? – уточнила она на всякий случай.
– Нет, не женат, – подтвердил он, – разведён.
– Что-то мне плохо. Не принесёте мне воды? – попросила она. И, глядя на падающее с дверцы шкафа зеркало, увидела своё потерянное отражение, размноженное в разлетевшихся по полу осколках.
– Зеркало вроде разбилось, – пробормотала она.
– Какое зеркало? – не понял он и протянул ей стакан с водой.
– Наверное, померещилось, – пролепетала она и, путаясь в словах, спросила, есть ли у него дети.
– Детей нет. Ну как, полегчало?
– Да, немного.
– Ну и отлично. – Он сел рядом, притянул к себе и ожёг поцелуем её плечо.

«А говорил, кофе будем пить», – подумала она, слабо пытаюсь его отстранить.

– Зеркало упало, – повторила она, превращаясь в его руках в ватную, безвольную куклу, и сама не заметила, как очутилась в его спальне.

– Давайте кофе попьём, вы же предлагали, – спотыкаясь на словах, пробормотала она.

Не ответив, он замкнул ей рот поцелуем.

«Это то, что тебе нужно?!» – вскрикнул кто-то в глубине её затуманенного сознания. И она увидела себя со стороны, летящую в пропасть, на дне которой грозно сверкали очки мужа.

С утра она всем была недовольна. Сделала выговор Джерри за то, что тот плохо покосил траву, поворчала на детей и позвонила свекрови, чтобы отменить поездку с ней по магазинам.

– Вы же всё равно ничего не покупаете, а только смотрите, – впервые отважилась она сказать то, что давно в ней зрело.

Обидевшись, та сухо сказала, что никогда более не обременит Нину своими просьбами.

– Что-то случилось? – встревоженно спросил Джерри, когда Нина, внезапно расплакавшись, швырнула сковородку с подгоревшей рыбой в раковину.

– Ничего! – крикнула она. – Просто всё надоело! Работаешь тут на всех, а в ответ никакой благодарности!

– Это ты из-за рыбы? Пустяки же, закажем пиццу. Пойди отдохни, я всё уберу, – миролюбиво предложил Джерри.

– Я сама уберу, ты халатно всё делаешь. Вон калитка до сих пор скрипит.

– Хорошо, завтра же починю.

– И кран в ванной течёт, – не унималась она. – Просишь здесь, просишь, и всё без толку!

– Я завтра всё сделаю, – пообещал он.

– Вот-вот – завтра! Ты вечно всё переносишь на завтра!

– Честно говоря, мне непонятно, чем ты вечно недовольна, – попрекнул он. – Разве у тебя такая невыносимая жизнь?

– Да, невыносимая! – чувствуя себя последней свиньёй, крикнула она.

Повернулась и ушла в спальню, хлопнув дверью.

Упала на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, пахнущую одеколоном мужа, разрыдалась. С тех пор, как Ли затащил её к себе, прошла неделя. Он пропал и не отвечал на её сообщения. Не заболел ли, не случилось ли какой

катастрофы, по-прежнему ли хочет связать с ней свою судьбу, как уверял в тот судьбоносный день.

«Определённо с ним что-то стряслось», – решила Нина.

После обеда она приделась и, сказав мужу, что забыла купить кое-что из продуктов, выскочила из дому. По дорожке шла Эми со своей кошкой на поводке. Увидев Нину, подошла и, хитро сузив глаза и без того узкие, спросила, куда это она несётся. «Сказануть бы ей: вам-то какое дело! Всюду суёт свой нос!» – рассердилась Нина, но пришлось мило улыбнуться.

– Иду в магазин.

– Ясно, – многозначительно изрекла Эми.

«Она что-то заподозрила», – струхнула Нина и, пока мчалась к Ли на квартиру, безуспешно пыталась уговорить себя повернуть назад. Однако мысль, что, отказавшись от Ли, опять превратится в домохозяйку, толкала вперёд. Также будоражило то, что у неё есть тайна, вносящая в её постное существование драму и страсть. Уломать себя даже не помог стыд, когда она вспоминала, как позвонила мужу из квартиры Ли и наврала, что слишком много выпила шампанского и останется на ночь у подруги. Впрочем, про шампанское сказала правду.

– Привет! – бодро поздоровалась она, когда Ли открыл дверь.

– Привет, входи, – пригласил он без особого радушия.

Она с разочарованием огляделась. Его квартира не особенно располагала для свиданий: та же свалка грязной посуды на столе, мокрое полотенце на спинке стула, потёртый диванчик, рассчитанный на полтора человека, разбросанные повсюду журналы и одежда. А в стоявшем на полу стакане с водой плавал окуроч сигареты.

– Прошу прощение за беспорядок, – извинился Ли, как и в первый раз. – Некогда было убрать, на работе – завал.

– Хочешь помочь? – предложила она.

– Не надо. Завтра придут, наведут порядок. – И не уточнил, кто именно придёт.

– Куда ты пропал? Обещал позвонить, – не удержалась она, хотя дала себе слово, что не будет упрекать.

– Много было дел.

– Ты решил со мной порвать? Догадался, что я замужем?

– Я знал, что ты замужем.

– Откуда? – изумилась она.

– Ты сама мне сказала, ещё в ресторане.

– Разве? Я не помню... И тебя это не остановило?

– Тебя же не остановило, значит, и меня тоже.

Она не поняла, шутит ли он.

– Что ещё я говорила?

– Говорила, что от мужа уйдёшь, но это уже потом, здесь говорила.

– Не может этого быть, я что-то другое имела в виду, – растерялась она.

– Не беспокойся, я этого всерьёз не принял. Мало ли что люди болтают под кайфом. Я тоже наверняка что-то болтал.

– Да, говорил, что всю жизнь меня искал, как счастлив, а сам потом пропал, – сказала она и всхлипнула от обиды.

– Кофе хочешь? – не обратил он внимания на её всхлип.

– Не нужно мне никакого кофе. Если не хочешь меня видеть, так и скажи. Никто тебя под венец не тащит. Всё, что я хотела, так это быть друзьями. В кино там ходить, в парк, – лепетала она, стараясь вызвать

у него чувство вины. – Одиноко мне в этой глуши, не с кем даже по душам поговорить.

– Не с кем, – согласился он, присел рядом и смахнул с её плеча бретельку платья.

– Подожди, – слабо запротестовала она, чувствуя, что, как и в прошлый раз, растворится в его поцелуях её воля и она летит в ту же пропасть, на дне которой сверкали очки Джерри. «Не надо!» – вскрикнул внутри будто не её, а чужой голос. Вскрикнул поздно, когда не было сил обновить ни себя, ни Ли.

– Ты не бросишь меня? – успела она шепнуть.

– Не брошу, – хрипло пообещал он.

По утрам она вставала, отправляла на работу мужа, детей – в школу и с замиранием сердца ждала очередной поездки к мифической Марине, с которой они стали неразлучными подружками. Ли, по уши загруженный работой, мог встречаться с ней не чаще двух раз в неделю, а то и реже, и только в обеденный перерыв – в то же самое время, когда забегал домой на ланч ничего не подозревавший Джерри. «Отправилась с Мариной в Торговый центр. Обед в холодильнике», – оставляла она мужу записку. Извернуться и втиснуть в график дней вылазки в квартиру, где она занималась тем, в чём стала отказывать Джерри под разными предлогами, поначалу было непросто. Потом научилась. Врать с каждым днём становилось легче, словно родилась актрисой.

Порой накатывал стыд, и она клялась себе, что завтра же оборвёт претупную связь, а сегодня ещё один, последний разочек съездит к Ли. Днём раньше, днём позже – это не имело особого значения, тем более что муж так искренне радовался её хорошему настроению, что даже не загружал визитами к его матери. Это придавало ей уверенности, что измена может способствовать улучшению отношений в семье.

Ли редко ей звонил, в основном звонила она первая, зато в остальном он был довольно галантен: иногда дарил цветы, пару раз сводил в ресторан, не скупился на комплименты, а главное – прекрасно справлялся с ролью любовника, ради которой она терпела его необязательность и многие минусы.

Хотя его квартира, неприбранная, пропитанная табаком и чем-то тухлым, действовала на неё угнетающе – казалась клеткой, в которую она себя заключила. Уходить от Джерри она не собиралась, но и порвать с любовником тоже не собиралась. Ли никогда не клялся ей в любви, не умолял уйти от мужа, и, хотя она сама ничего не хотела менять, его равнодушие её обижало – если она пропадёт, он явно не попытается её вернуть.

– Нам надо поговорить, – не выдержав, затронула она эту тему.

– О чём? – спросил он, перекатился на другую сторону кровати и закурил.

– Ты слишком много куришь. Это вредно для здоровья, – заметила она. – Так много дымишь, что даже моя одежда пропахла табаком.

– Боишься, что муж почувет?

– Вовсе нет, я ему говорила, что это моя подруга курит.

– Надо же, всё предусмотрела!

Его реплика задела – спит с ней, а при этом иронизирует. Она посмотрела на его профиль и вдруг впервые увидела, как отталкивающе некрасив нос, словно приплюснутый во время драки, как смята линия подбородка. У Джерри профиль намного мужественней, да и сам он, несмотря на некоторую грузность, производил солидное впечатление – как надёжная стена, за которой можно укрыться в случае опасности. Крепок, широкоплеч, высок.

– О чём ты хотела поговорить? – спросил Ли.

– О нас, – произнесла она и сделала паузу, чтобы посмотреть, не встревожится ли он, что она намеревается с ним порвать.

– А что у нас? У нас всё нормально.

– Пока нормально. А дальше?

– Что дальше?

– Надо решить, как нам строить наши отношения.

– Чего их строить? Ты же замужем.

– Тебе всё равно, что я замужем? – испытывая его, сказала она. Хотя понятия не имела, чего добивается. Заверения в любви связали бы её ненужными узами.

– Какая разница, всё равно мне или нет. От мужа ты не уйдёшь, да и зачем тебе уходить? Тебе с ним хорошо живётся, у вас двое маленьких детей.

– Выходит, тебе до лампочки, уйду я от него или нет? – опешила она.

– Посуди сама, зачем тебе ломать свою жизнь?

– Значит, ты меня не любишь?

– А ты что, меня любишь? – улыбнулся он. Вдавил окурочек в пепельницу и вытащил из пачки новую сигарету. – Чего копать, и так всё ясно.

– Тебя не волнует, если мой муж всё узнает?

– Когда узнает, тогда и будем думать. На кой ты вообще затеяла этот разговор? Ты же не думаешь разводиться.

– Дети подрастут и разведусь.

– Да брось ты! Хотела бы от него уйти, давно бы ушла.

– Ну ты и нахал! Спишь со мной и при этом уговариваешь остаться с Джерри.

– Хочешь, чтобы я предложил тебе ко мне переехать, в эту квартирку? После твоего огромного дома! Сама же первая откажешься.

– Откуда ты знаешь, откажусь я или нет? Тебя послушать, так можно подумать, что я прихожу сюда только в постели кувыркаться.

– Разве нет?

– Ты – циник, – оскорбилась она.

– Чего тогда рвёшься соединить свою жизнь с циником? – усмехнулся он. – Сама прекрасно знаешь, что твоё место там, в семье, рядом с мужем.

– Спасибо за совет, – буркнула она. – Ты прав: дома мне намного лучше, чем здесь.

Во вторник, когда её ждала закадычная подружка Марина, заболел Петя, следом за ним свалился Коля. Несколько дней Нина не отходила от их постели. «Ты бы прилегла, а я посижу», – уговаривал её Джерри, хотя сам не смыкал глаз все ночи напролёт. «Подлая! – заклеимила она себя. – Заботливый, любящий муж, а она неверная, изолгавшаяся жена.»

Вскоре дети поправились, и на душе у неё полегчало. А Ли так и не позвонил за всё это время, не потрудился даже узнать, почему она не пришла во вторник, не случилось ли чего, не попала ли она в автомобильную аварию, не лежит ли в больнице с переломанными ногами и руками. «Это только к лучшему, – подбодрила она себя. – Начну новую жизнь!» Не придётся больше лгать, казнить себя за неверность, встречаться с Мариной, тревожно поглядывать в боковое зеркальце машины и проверять, не следит ли за ней муж. «Надо этого циника поблагодарить за то, что он пропал», – подумала она. И ворвался в её размышления телефонный звонок.

– Куда ты подевалась? – спросил Ли. – Придёшь сегодня?

Она покосилась на детей, с увлечением смотревших мультфильмы, вышла в другую комнату и шёпотом его отчитала, что в это время ей лучше не звонить.

– Ты же сама говорила, что твой возвращается только после пяти. Ну так придёшь?

– Сегодня не получится. Я вообще не знаю, когда теперь смогу. Скорей всего никогда, – с удовольствием отомстила она ему за его исчезновение.

– Ты что, обиделась? Ну каюсь я, каюсь. Дел было много. Давай приходи, я заглажу свою вину.

– Сегодня не могу, – неуверенно отказалась она.

И шевельнулась искушением мысль: почему бы не встретиться ещё разок, устроить последнее свидание, – и сказала, что так уж и быть, заскочит завтра на минутку.

На ужин она приготовила любимые блюда мужа и, расставив всё на столе, поделилась печальной новостью, что её близкая подруга переезжает в другой штат и она поедет к ней попрощаться. И хотя имело смысл поприветствовать пока Марину в их городке, прежде чем выселять её в другое место, Нина хотела перекрыть этим себе дорогу в квартиру Ли. Только один-единственный раз оставалось туда забежать, чтобы объявить Ли о своём бесповоротном решении.

– Куда она переезжает? – спросил Джерри.

– В Аризону, – выпалила она первое, что пришло в голову.

– Новая работа? – склонившись над тарелкой, поинтересовался он.

– Да, она через пару дней уезжает.

– Поедешь к ней завтра?

– Если ты не против, – пролепетала она и мысленно повторила: «Подлая, подлая!»

«Нет, это определённо надо кончать. Ли прав, моё место здесь, с детьми, с Джерри», – пристыдила она себя, оглядывая мужа, его могучие плечи, широкую грудь, в которую, как в подушку, хотелось уткнуться лицом и покаяться.

– Поезжай, конечно, – ответил он.

Его покладистость настораживала – так же, как и то, что он перестал недоумевать по поводу того, почему она не знакомит его с лучшей подругой.

– Ты правда не против? – пробормотала она.

– Не против, поезжай, – сказал он. Вытер губы салфеткой и встал.

– Я тогда завтра сразу после завтрака поеду. О'кей? – робко спросила она и взмолилась про себя, чтобы он запретил ей выходить из дому. Его невозмутимость пугала намного больше, чем если бы он стукнул кулаком по столу и гаркнул: «Сиди дома!»

Не ответив, он направился к себе в кабинет.

– Я не поеду, если ты не хочешь.

– Как знаешь, – бросил он и закрыл за собой дверь.

Закрыв без протеста, как будто ничего не случилось, а не шарахнул со всей силой, как делала она, когда сердилась. Последнее время он подолгу запирался в своём кабинете, нарушая семейную традицию смотреть вместе новости по телевизору: она – с чашкой чая, он – с рюмкой коньяка.

Всю ночь ей не спалось. В уме разыгрывались сцены разоблачения – одна страшнее другой. Она не сомневалась, что муж почуял неладное. Не собирается ли он что-то предпринять? Пойдёт к Ли или выставит её из дому? Ехать к любовнику ей окончательно расхотелось, хотя было приятно, что тот настойчиво звал её к себе. Значит, не такое уж ничтожное место она занимает в его жизни. В голове крутилась шальная мысль повалиться мужу в ноги и сознаться в грехе. Страх быть пойманной пересиливал страх последствий после признания.

Джерри спозаранку уехал, известив сухой запиской, что вряд ли успеет к ужину. Это пугало. Жил он по расписанию и нарушал режим дня только в крайних случаях. На что он собирался потратить время после работы, оставалось загадкой. Трубку он не брал целый день, её сообщения игнорировал. Напрашивалось леденящее душу предположение, что он отправится к Ли.

– Ты где? – набрала она Ли, чтобы его предупредить.

– В машине, еду домой. Ты скоро придёшь?

– Ты домой пока не поезжай.

– Хочешь в ресторан вначале пойти? – не понял он.

– Сегодня я не приду.

– Почему?

– Джерри что-то подозревает.

– Не думаю. Если бы подозревал, давно бы с тобой развёлся. Приезжай.

– Не могу, давай сделаем паузу.

– Что-то я не пойму, ты сама уговаривала меня чаще встречаться, а теперь – пауза. Я вот подумал, что ты права, нам стоит почаще видиться, – ошарашил он.

– Это будет довольно сложно, – пробормотала она, недоумевая, отчего её не радует то, что так долго ждала от него услышать.

– То сложно, то несложно. Ты сама-то знаешь, чего хочешь?

– Я потом объясню... – И, услышав, как хлопнула входная дверь, она бросила трубку, не договорив.

В комнату вошёл Джерри. Свет лампы резанул по стёклам его очков, как в том наваждении, когда она стремительно падала в пропасть.

– Где дети? – спросил он.

– Смотрят мультики. Ты сегодня задержался. Что-то на работе?

Только она собралась добавить ласковое «милый», как вклинился телефон. Он настойчиво долго звенел, пока они оба, не шелохнувшись, ждали, когда он заткнётся.

– Это реклама, – пролепетала она. – Ужинать будешь?

– Я уже поел.

– Где?

– В ресторане.

– С кем ты туда ходил?

– Со знакомыми, – ответил он, впервые вызвав в ней чувство ревности, и отчеканил: – Нам надо поговорить.

Его жёсткий взгляд, металлический тон голоса как будто принадлежали другому человеку – не мягкому и доброму, а крутому и холодному, и она вспомнила, как предупреждала её свекровь: «Он никогда ничего не прощает. Никогда! Таким я его воспитала – никому ничего не прощать!». Грозное «никогда» отсекало всякую надежду на то, что Нина будет прощена, если совершит что-то недозволенное. «Я всегда говорила, что они не пара, – несомненно скажет свекровь с торжеством, радуясь их разводу. – Незачем было тащить сюда из Минска невесту, здесь своих навалом». И, хотя свекровь никогда ничего подобного не говорила, Нина почему-то не сомневалась, что она так думает.

Джерри повёл её к себе в кабинет, усадил, как приговорённую, в кожаное кресло, в котором проводил все вечера, и коротко, без всяких предисловий объявил, что им надо развестись.

– Я перееду в квартиру, а дом тебе останется. С деньгами проблем не будет. Я обо всём позабочусь, – заверил он.

Спокойно, будто рассуждая о чём-то несущественном, он добавил, что хочет обо всём договориться, минуя судебное разбирательство. Мир рухнул и кубарем скатился в знакомую ей пропасть. Слушая его чёткий, режущий голос, она увидела то, что отказывалась разглядеть раньше: наравне с поклядистым, терпимым Джерри существовал другой человек: твёрдый, непреклонный и далеко не такой доверчивый, как ей казалось. Он вроде стал ещё выше ростом, величественней, даже привлекательней.

– Как же так... – пролепетала она и запнулась. Хотелось крикнуть изо всех сил: «Не бросай меня!», но слова, превратившись в комок слёз, застряли в горле.

– Так будет лучше для нас обоих, – сказал он. – Ты меня больше не любишь. Зачем мучить и себя, и меня.

Она попыталась крикнуть, что он ошибается. Что именно его-то она и любит. Что они принадлежат друг другу и не имеют право разводиться. Но пропал голос, и она заплакала. Он постоял, глядя на неё. Подошёл и обнял, как делал раньше.

– Я тебя ни в чём не виню, – произнёс он. – Если ты любишь другого, удерживай тебя не стану. Но предупреждаю: если он будет плохо обращаться с моими детьми, я их у тебя заберу через суд. А пока они у тебя будут три дня в неделю, остальное время у меня.

Он что-то ещё говорил, а она, не вникая, вспоминала, как он навещал её каждый день в больнице, когда ей делали операцию. Как ухаживал за ней, пока она выздоравливала. Как весь светился, когда появились на свет Коля и Петя. Как кормил их по ночам из бутылочки, когда она, разваливаясь от усталости, не имела сил подняться. Как безропотно сносил все её придирки. То, что её раздражало в нём раньше – практичность, осторожность, умеренность во всём – теперь казалось ничтожным. Именно он, а не кто-то другой всегда вытирал её слёзы, когда они, как и сейчас, падали на его руки. Она поняла, что не переживёт, если он её бросит.

– Не надо так убиваться, – сказал Джерри дрогнувшим голосом. – Давай поговорим. Ты его любишь?

– Нет, – всхлинула она.

Уткнулась мокрым лицом в его широкую тёплую грудь и взмолилась:

– Не бросай меня, пожалуйста.

И опять перебил телефон. Джерри встал и сухо сказал, что пойдёт уложить детей спать.

– Подожди, не уходи, – остановила она. – Я скажу ему, что всё кончено.

И смело взяла трубку...

Утром Нина открыла глаза, потянулась, огляделась, улыбнулась. На тумбочке поприветствовала её записка, напоминая о вчерашнем сладостном примирении. «Повёз детей в школу. Не хотел тебя будить. Забегу на ланч». Она поцеловала записку, вскочила и пошла на кухню сварить кофе. Жизнь вмиг обрела смысл, как было десять лет назад, когда они поженились, и не верилось, что совсем недавно она стояла на краю обрыва. Всё разрешилось легко и просто, без агонии, без страданий. Она сама без посторонней помощи приняла правильное решение – выбрала того, кто ей дорог.

Вечером она приготовила любимый ужин мужу: печёную картошку с сыром, стейки, салат «Цезарь». Утихомирив ссорившихся, как обычно, сыновей, она накрыла стол. Джерри уже сидел на своём месте и протирал краем скатерти очки. Подавив вспыхнувшее по привычке раздражение, она пожелала всем приятного аппетита.

– Мама звонила, приглашает в это воскресенье в гости, – сказал Джерри.

– Давай поедем к ней в следующие выходные, а в эти сходим куда-нибудь, – предложила она, опять подавив раздражение: вечно эта свекровь!

– Куда здесь пойдёшь, только если в парк, – произнёс он и залил стейк кетчупом. Засунул кусок мяса в рот, и кровавая струйка соуса потекла по его подбородку. «Сейчас упадёт на его майку, отмывать придётся», – подумала Нина.

– Пойдём в парк, потом в ресторан, – сказала она.

– Зачем нам ресторан, если ты так хорошо готовишь, – улыбнулся он и поспешно добавил, что, да, пойдём в ресторан, раз она так хочет, а потом к его маме заскочим, а то не навещали её целых две недели, а ещё лучше пригласим её в ресторан, она будет довольна, старенькая же, из дому практически не выходит.

Позже, уложив детей спать, Нина вышла на террасу. Всё вокруг притихло от жары, только истошно орали цикады. Воздух горячий, плотный. Над головой светло-синее небо с мигающими точками. Она взглянула на голубой круг бассейна с плывущим по воде надувным шаром и вспомнила, как фантазировала о Гавайях, как воображала себя на океане в объятиях загадочного Одиссея, который оказался обманщиком – прикальвался, притворяясь, что живёт с ней в одном городке. Неизвестно, мужчина ли это. Может, какая-то тётка над ней издевалась.

«Надо же быть такой дурой – повелась на какого-то Одиссея! Да ещё Ли приняла за него! Что я вообще нашла в этом Ли? Щуплый, неказистый. Надо было сразу, как узнала, что он не Одиссей, послать его куда подальше! Интересно, что в этом форуме происходит, сто лет туда не заглядывала».

Она вернулась в спящий дом. Включила компьютер, пробежалась по всем страницам форума и с удовольствием обнаружила массу адресованных ей постов. «Где же вы?!» – спрашивал Одиссей наравне с другими посетителями, ставя в тупик: откликаться или нет. «Разве это такой уж большой грех – ответить? Не ответить – невежливо», – стала размышлять она. Разве форум может быть угрозой её браку? Виртуальное общение, невидимые «актёры», которые так и останутся актёрами. Спектакль, невинное развлечение. Поэтому нет ничего опасного в том, чтобы послать любезное: «Я здесь!»

Она напечатала ответ, метнула стрелку в окошко «отправить» и внезапно остановилась...

Наталья
БЕЛОЕДОВА

ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

***

Малый Мачай
средний Мачай
верхний
в малом –
скалы-трансформеры
существующие по сей день
начинают с того
что расступаются

и простёр Моисей руку свою на море
и гнал Господь море сильным восточным ветром
всю ночь
и сделал море сушею
и расступились воды

и простёр гид свою руку
и разошлись
скалы
образовав ворота
с узкой вертлявой дорогой
скрытого солнца не слышно
так далеко поднимаются
вверх бесконечно уходят

воды бегут параллельно
узкой шершавой дороге
воды ведут
параллельные диалоги
с тем кто когда-то давно
с тем кто сейчас

-
- Наталья Анатольевна Белоедова родилась и живёт в Ташкенте (Узбекистан). Окончила Ташкентский государственный университет по специальности «Русская филология». Участница международных форумов и семинаров молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Простокваша», «Жирафовый свет» и др. Публиковалась в журналах «Интерпоэзия», «Сибирские огни», «Юность», «Волга–XXI век», «Костёр», «Простокваша», «Жирафовый свет», «Первоцвет» (Россия), «Звезда Востока» (Узбекистан), на порталах «Техтига», «Дактиль», «Формаслов», «Белый Мамонт», в сборнике «Настоящее время» (М.: Воймега, 2019), вышедшем по итогам совещания молодых писателей при СП Москвы. Член союза писателей Москвы. Пишет стихи для детей и взрослых.

и только пройдя этот путь
от начала и до конца
не побоявшись взглянуть
один обернётся назад
нет никакой реки
нет никакой дороги
скалы монолит
и уставшие ноги
путников

***

Мне туда вовсе не хочется
знаю – что это не ты
вокруг аккуратно высаженные цветы
жёлтые розовые красные
ноготки бархатцы
или как они называются
сверху качается
большое дерево
весной оно становится
пухлым
как облако
можно сидеть
и тихо с тобой говорить
но мне почему-то сложнее всего там
прийти
поклониться цветам
и дереву
и памятнику-монолиту
я больше с тобой говорю
когда смотрю
в небо
или трогаю дождь
или птицы кричат на заре –
здесь ты отвечаешь мне

***

Уйти в комнату молчания
за окном
ветер переворачивает
горячие листья
ветки
подрагивание
шипение
пш-ш-ш-ш

воздух наполнен бликами
сонными пятнами
повторением слов
о том что никогда не было

так жарко
дожить бы до середины
жизни
а там уже легче

***

И вот они едут в поезде.
Вокруг суета и звук,
который передаётся
от двух сидящих друг напротив друга
подруг.
Или от мужчин в форме железнодорожников –
плечо к плечу.
Или от парня в узенькой шапочке на голове:
глаза закрыты, руки повторяют движения,
губы – предложения,
слово своё долгое
поют-поют.
И всё это сначала крутится, звенит, трещит,
словно у поезда какое-то колесо
то ли неважно держится,
то ли давно болит.
А потом затихает:
и гул, и ропот, и свист, и топот.
А свет становится ярче,
и пыль по полю летит.

***

Одни мои знакомые в лихие 90-е
пустили комнату под выращивание грибов.
Оторвали обои,
осталась глухая грунтовка –
цемент, глина. Мрак, одним словом.
Грибы расползлись по стенам,
нагромоздились друг на друга,
обвесили рамы гирляндами.
Думаю, жилось им неплохо.

Между помещением для людей
и помещением для грибов
была одна смежная комната –
прихожая-кухня – в одном.
Заходишь в прихожую:
направо – гостиная, свет, телевизор;
налево – запах древесного, палого, затхлого.
Грибы-оккупанты, грибы-террористы!
Пожалуйста, дверь закрывайте.
Пожалуйста, дети!

Казалось, не углядели б тогда, отвлеклись –
грибы захватили пространство:
и кухню, и свет, и ковры,
обои, диван, телевизор.
Но мы были очень внимательны.
Счищали со стен эпителий –
грибы загоняли обратно.
Лихие времена, есть нечего. Всё такое.

***

В доме сменили лифт.
Повсюду – старые двери, обшивка, сгоревшие кнопки.
Этажи похожи на свалку, о которой забыли.

Вот новый на месте. Бока серебристы.
Кнопки с подсветкой и музыкой при нажатии.

Но лифт – обезумевший тираннозавр.
Воеет, рычит, извивается,
хвостом разбивает полы
и лапами – лупит и лупит.

Днём, утром, и ночью, и вечером
он с рёвом несётся вниз
и так же взбирается вверх.
Мне кажется, дом наш не выдержит скоро.
Какие же хрупкие стены –
наши бетонные стены.
Какие же тонкие двери –
наши железные двери.

Вчера видела пару: мужчина и женщина.
На первом –
жали на вызов.
Предупредила их: лифт не работает.
Он на обкатке, кажется.
Да нет, – говорят, – да что вы.
Слышу: захлопнулись двери.

Интересно, а чем он питается?

***

Трамвай «Желание» давно не ходит
в этом городе.
Дворник-сказочник через раз появляется на работе –
сачкует.
Стеклянные коробки растут в высоту, ширину, глубину.

Из хорошего –
Осень.
Вечерами приятнее стало прогуливаться
вдоль домов и машин.
Кошки бегут наперегонки с пакетом.
Ветер – умеренный.

***

Оставляя незавешанными окна
незавершёнными дела
уходишь в рассвет
равен час
ни больше ни меньше
нулю
когда-нибудь никогда
пойму
почему уходят так рано
не касаясь своей тени

***

Чёрным по белому
и белым по чёрному
гладким по шершавому
шершавым по гладкому
живым по мёртвому
это когда
пишешь слова
режешь слова
ищешь слова
это когда полная голова
но нельзя
разбрасываться
единственное слово
в единственно правильном месте

Малый Мачай
мне туда вовсе не хочется
уйти в комнату молчания
и вот они едут в поезде
одни мои знакомые в лихие 90-е
в доме сменили лифт.
трамвай «Желание» давно не ходит
оставляя незавешанными окна
чёрным по белому

**Михаил
ГОЛЬДРЕЕР**

АХТУБА

Я – волжанин, то есть живу в городе Волжском, на левом берегу Волги, в том месте, где возле плотины Волгоградской ГЭС вытекает Ахтуба.

Ахтуба – самый большой рукав Волги. Если посмотреть на карту, то видно, что она тянется вдоль основного русла Волги до астраханской дельты, распадаясь в свою очередь ещё на несколько рукавов, часть которых вливается в Волгу перед самым Каспием. Пространство между Волгой и Ахтубой усеяно бесчисленными озёрами и изрезано узкими речными протоками, по-местному – ериками. Это и есть Волго-Ахтубинская пойма, по-моему – прекраснейшее место нашей планеты.

В Волжском живу с 12 лет, наша семья приехала сюда из Костромы. Уже там я полюбил рыбную ловлю и лесные прогулки по грибы-ягоды. Но только на Ахтубе у меня начался истинный пир для этих увлечений, ибо несравнима бедная природа среднерусского севера, где Волга начинается, с южным буйством жизни и красок в её прикаспийском окончании...

Уже в школе у нас образовалась крепкая компания заядлых любителей рыболовства. Мы старались выбраться на реку, ерик или озеро всякий свободный день, попробовать все виды снастей и способов, половить все породы рыб, открыть для себя побольше новых мест в пойме. Наше любопытство было щедро вознаграждено великолепными впечатлениями, и о некоторых из них я намерен здесь рассказать.

БЕСТЕР

Самая интересная и уловистая рыбалка на ахтубинских ямах, то есть в местах, где на реке особенно глубокое дно. У нас было несколько таких мест по берегу между Заплавным и Ленинском. Мы ездили туда компанией в три-четыре человека после тща-

-
- Михаил Маркович Гольд्रेер родился в 1950 году в г. Кострома. В 1962 году переехал в г. Волжский Волгоградской области. В 1976 году окончил факультет автоматике и вычислительной техники МИИТа по специальности «Инженер-электрик по автоматике и телемеханике в промышленности». Работал на Волжском трубном заводе. В 1990 году был избран депутатом Волжского городского совета народных депутатов. В настоящее время – заместитель директора Волгоградского Центра антропометрической (ортопедической) косметологии и коррекции.

тельных сборов. В нашем снаряжении всегда имелась либо резиновая лодка, либо надувной баллон от автоколеса с приклеенным днищем, либо просто надувной купальный матрац. Мы ловили на завозные донки. Эта снасть состоит из длинной бечевы с грузилом на конце. За грузилом привязывалось три-пять длинных поводков с крючками и кусочками пробки или пенопласта для плавучести. На крючки сажались рыбы мальки-живцы, которых мы ловили мелкой сеткой у берега.

Снаряжённая донка осторожно завозилась до середины реки, и грузило с поводками опускалось на дно. Раз в два часа завозные проверялись и перезаряжались новыми живцами. Таким способом больше всего ловились судаки и берши, в реке их было обильно, и мы часто радовали своих домашних этой вкусной свежатинкой. Иногда живцов хватали щучки граммов на 500–700, несколько раз садились сомята на 4–5 кг.

Однажды малёк шёл исключительно мелкий, почти личинка. С горя мы начали сажать на крючки их по две-три штуки, ни на что не рассчитывая... Но действительность оказалась такой, что глаза на лоб полезли! На эту наживку сначала попались два крупных окуня. Это ещё понятно, но затем стали садиться тяжёлые серебряные речные караси-душманы, что было большой редкостью. Но когда вдруг с бешеной скоростью и темпераментным клёвом начали выползать на берег чехони максимального размера(!), по 500 граммов каждая, целых 20 штук, – это уже стало выше нашего понимания... Главное, расскажешь, где – обсмеют, не поверят.

А ещё случай в августе был. Тоже тягали себе судачков, как вдруг на одной из завозных почувяли что-то сильное и очень юркое. Стали тянуть. Возле берега присмотрелись: вроде сомик... Но когда вытянули – ахнули! Это был почти метровый красавец-налим! Батюшки, да ведь он у нас только в октябре и январе ловится... Повезло! Позже выяснилось, что это – налимиха с икрой. Тогда я впервые в жизни отведал налимию печень, которая в старые времена ценилась выше любой икры. Это ещё Салтыков-Щедрин и другие классики описывали. Нынешние консервы «Печень трески» и брата её, минтая, делают ведь как отголосок преданий о печени налима – речной, самой благородной из тресковых рыб.

Но самый ошеломляющий случай произошёл в 1978 году. Также ловили судаков в середине июля. Вечерело, комары лютовали. Мы с неохотой двинулись от костра проверять донные. На первой же почувствовали живую тяжесть. Осторожно вытянули, сняли с крючка и остолбенели! В наших руках билась какая-то осетровая рыба длиной около полуметра.

Мы посадили её в садок, опустили в воду и, забыв обо всём, начали гадать, кто же нам попался? Это была явно не стерлядь: нос не тот, толстовата, крупновата, да и не хватает стерлядь малька практически никогда. С другой стороны, иные осетровые такого размера в реке быть не могут. Они либо совсем мальки, либо уже крупные. А наш размер, что попался, должен в Каспии плавать да кильку лопать, пока не вырастет...

Так мы и не разобрались тогда. Рыбину я домой привёз живую совсем – выносливая оказалась! Сделал несколько фотоснимков, они у меня и сейчас хранятся. Потом её зажарили и съели.

Только через полгода удалось показать мои фото специалисту-рыбоводу, и он тут же определил, что это продукция рыбразвода – бестер. Помесь белуги и стерляди. Жить может в озере и реке, как стерлядь, хищная и растёт быстро, как белуга. Исключительно жизнестойкая тварь, так что даже есть специальное постановление, чтобы бестера в реку на волю

не выпускать, а то своей конкуренцией он полностью изведёт природных осетров, белуг и стерлядей.

Выращивать бестера можно только на прудовых фермах, его мальков охотно раскупают англичане и японцы для своих хозяйств. Нам тогда попался экземпляр, который, видимо, вырвался как-то в реку после весеннего разлива. Оказывается, поймав его, мы сделали благое дело! А то ведь шевелилось в душе, не набраконьерили ли?

БЫЧКИ-КАННИБАЛЫ

В наших местах, на Волге и Ахтубе, распространён бычок. Это рыбка из семейства окунёвых, ближайший родственник благородного судака. Ещё его зовут подкаменщик за любовь к каменистым местам, на брюшке у него даже есть плавник-присоска, которой он прижимается к булыжникам. В районах речных бетонных сооружений бычков этих мириады, как городских воробьёв. Мелочь пузатая! Состоит из огромной головы, рот корытом да хвостик... Но жаден, прожорлив, нахален, ничего не боится.

Однажды я ловил себе судачков на малька. Вытаскиваю донную, что-то сидит на крючке, в воде бултыхается, приглядываюсь – и чуть не заматерился... Показалось, что попалась здоровенная лягушка, они ведь часто малька, особенно дохлого, хватают. Но когда вытянул – обалдел! На крючке висел бычок... Но какой! Я такого видел в первый и последний раз в жизни! Длина – сантиметров 25. Мясистый! Привёз я его домой живым. Клянусь, что не сфотографировал тогда. Пожарили – деликатес!

С тех пор по весне мы с сыном-школьником зачастили на волнорез, шлюзовой канал и водосброс ловить удочками бычков. Сыну радость, клюёт легко и часто, но – мелочь микроскопическая...

Только однажды подошёл к нам мужичок, видно, работал в этих местах. Попросил удочку, обещая показать фокус... Дали. Он выловил на червя очередного бычка-малышку, разрезал его на кусочки и насадил такой кусочек на крючок. Ключуло, подсёк, а на крючке вполне приличный бычок, такого и пожарить не зазорно. Таким образом наш новый знакомый выловил пять рыбёшек, подарил их нам и ушёл довольный.

С тех пор мы только этот способ применяли и ни разу не возвращались, чтоб не иметь бычков не меньше, чем на две сковородки!

ЯЗИ

Не люблю я язей! Никогда их специально не ловил. Хотя сам по себе язь – трофей почётный. Рыбина здоровая, красивая, сильная и очень осторожная. Есть целые кланы рыболовов-язятников, готовых месяцами охотиться на своих любимцев с помощью хитрых способов, снастей и наживок.

Ловится язь в основном на растительные приманки, типа гороха и других зёрен. Но иногда в язе просыпается хищник, и тогда он хватает то, на что обычно ловят щук, окуней и судаков. Это бывает редко, случайно. Но именно через такие случайности я и познакомился с язями.

В первый раз это было после 8-го класса. Нас отправили помочь плодосовхозу, который располагался рядом с ериком Каширой. Этот ерик просто кишел окунем, краснопёркой и мелкой щукой. В день отъезда из совхоза мы

по совету местных ребят пошли рано утром к одному заливику поблеснить мелкими зимними блёсенками с берега. Пришли, блесним, всё великолепно. Опустить блесну, подёргаешь два-три раза – и на крючке сидит приличный окунёк, вода вокруг ими просто кипела.

Потом у меня зацепилась щучка граммов на 200, а под конец ловли я вырвал из воды длинненького подъязка на 300 граммов, чем и удивил всех несказанно...

Второй случай был летом после девятого класса. Мы поплыли по Ахтубе на частном катерке с друзьями отца. Приплыли на безлюдный берег, где и расположились. Один из мужчин и я взяли спиннинги и пошли на отмель, возле неё играл какой-то хищник. Мужчина вскоре вытащил пару мелких судачков, а у меня – тишина. Наконец уже подтянул к себе блесну, как вдруг у самых ног удар и что-то сильное заходило на леске... Я так оторопел, что барабан спиннинга успел изрядно отмотать назад, прежде чем я его заблокировал. Когда попытался снова подтянуть леску, добыча начала биться столь резко, что это грозило обрывом.

Пришлось действовать мягко, подтянул не на себя, а вверх, дал глотнуть воздуха, и рыбина затихла. После этого стал отступать в глубь берега. Рыба волоклась туда же, но видела, что я к ней не приближаюсь, и сопротивлялась вяло. Так и вытащил на песок, а затем прыгнул на неё, отцепил и с гиканьем побежал показывать.

Это был матёрый язь-черноспинник на полтора кило! Он взял на крупную жёлтую блесну, как какой-то жерех. Приехав домой, я созвал всю нашу школьную рыболовную компанию и два часа хвастался перед ними своим трофеем. Потом язя зажарили, и на первом же куске в моём горле глубоко засела кость... Пришлось самому идти в травмпункт скорой помощи, где два врача, которых я оторвал от шахмат, минут десять хмуρο терзали меня почти до слёз и рвоты, пока наконец нашли и вытащили проклятую кость.

Так что не люблю я язей. Костлявые они очень.. И мстительные...

КАРПЫ

Когда моему сыну было 13 лет, мы выбрались с ним в начале июля на турбазу трубного завода на выходные. Эта турбаза располагалась в живописном месте на берегу Ахтубы, а совсем рядом имелись пойменные ерики и озёра. Днём, направляясь с удочкой в сторону ерика, мы случайно набрали на заросшее травой озерцо. Весенний разлив Волги в тот год был сильный, пойму залило основательно, озёра получили хорошую подпитку.

Вот и то озерцо представляло собой в сущности огромную лужу, не более чем по пояс глубины, с густым травяным дном. Из любопытства мы забросили удочку, и тут началось... Озерцо было просто забито карпами! Все как на подбор, жирные, величиной чуть больше ладони взрослого человека. Наши черви им пришлись очень по вкусу. На удочке было два крючка, вот они сразу по двое и цеплялись...

У нас не было с собой ни садка, ни ведра, поэтому пришлось выломать ивовый прут и сажать рыбин на него. Так они и плавали в озерце на пруте.

В один из моментов, сняв очередного карпа, я шёл к пруту и увидел что-то неладное. Прут вместе с рыбой ритмично и сильно мотался то взад-вперёд, то вверх-вниз. Подойдя ближе, я разглядел, что его раскачивает здоровенный уж, пытаясь оторвать одного из укрепённых карпов. На мой зов подбежал сын, и мы, давась от хохота, минут пять наблюдали незадачли-

вого ужа, который просто осатанел в своих усилиях... Наконец мы подошли, взяли его за хвост и попытались отбросить, так ведь не удалось! Змей так увлёкся, что не сразу понял происходящее, но потом разжал челюсти и аж бултыхнулся головой в воду от ужаса...

Мы не стали его мучить, отпустили хвост, и он изо всех сил помчался по воде к другому берегу, где и скрылся благополучно в траве. А нам с сыном вечером нажарили кучу свежепойманных карпов.

В сметане с луком это – просто пища богов!

ГОСТИ ЗАЛЁТНЫЕ

Этот случай произошёл летом, когда я закончил седьмой класс. Мы с отцом поехали в субботу отдохнуть с удочками на берегу реки в районе посёлка Средняя Ахтуба.

Приехали. Перешли через мост на пойменный берег и расположились на пляже, где уже загорали и пытались удить там-сям довольно много людей.

Я взял удочку, червей и пошёл на берег, на место, где уже стояла пара удильщиков. Подойдя туда, увидел чудесный перекал, возле которого плавали стаи мальков, которых периодически гоняли окуни, судачки, а то и жерех навевывался... Рыболовы, увидев меня, попросили дать им немного червей, сами они пытались ловить на кузнечиков и безуспешно: им удалось вытащить пару неплохих чехоней. Впрочем, взяв червей, они тут же ушли в другое место.

Я несколько раз забросил свою удочку. Течение было сильное, пришлось отрегулировать глубину спуска, дабы крючок за дно не цеплялся, и приспособиться, чтобы леска огибала перекал, пльвя по течению, как можно дальше от меня. Когда во всём разобрался, то так и встал на месте, забрасывал перед перекалом, за перекалом вытаскивал и снова забрасывал... Так прошло минут десять, пока однажды поплавок вдруг не нырнул резко и глубоко в середине перекала. Я подсёк. Удилище согнулось, потом выпрямилось, и из воды прямо на меня вылетела ярко-серебряная, с большими пурпурными плавниками рыбина величиной с добрую океанскую сельдь. На берегу она сорвалась и, теряя чешую, бешено запрыгала к воде. Я поймал её руками возле самой кромки.

Для рыбы я приспособил крепкий кукуан и когда начал надевать на него свой трофей, то увидел необыкновенное... Рот у рыбы был практически на животе, как у акулы! Но меня уже бил азарт, скорей закинуть удочку! Азарт не подвёл, в следующие минуты я вытащил ещё две такие же рыбины, они точно так же срывались на берегу, и их приходилось долавливать руками, причём каждая следующая была крупнее предыдущей.

Как-то незаметно собрались люди поглазеть на мою удачу. Никто таких рыб раньше не видел, все гадали, что же такое я поймал? Наконец подошёл какой-то пожилой, внимательно посмотрел и изрёк: «Ну, паря, повезло тебе! Это рыба не местная. Гости залётные... Из Дона. Подусты это. Видать, по Волго-Донскому каналу сюда приплыли. Они течение и перекалы любят, ходят стайками. Ты, видать, всю стайку и вытащил».

Подусты были не очень широки, но весьма округлы, жирны, тяжёлые такие брусочки. Уха из них получилась наваристая.

Больше они мне никогда не попадались.

САЗАНЫ НА АХТУБЕ

Если царские рыбы на Ахтубе однозначно белорыбицы и осетровые, то князь-рыба, безусловно, – сазан... Вживую настоящих ахтубинских сазанов я впервые разглядел лет в двадцать, когда выезжал на Ахтубу и её протоки рыболовничать с друзьями.

Однажды нас позвал на помощь местный дедок. Он чуть ли не с ночи засел с удочкой на самодельной надувной лодчонке из автоколёсного баллона. Дедок нас звал, чтобы помогли ему. Подплыли, когда он в очередной раз подтянул к поверхности нечто буйное и чудовищное. Мы подкрались и удачно ввалили в подсачек это нечто. На берегу разглядели сазан-рыбину на 4,5 кг.

Добыча была прекрасна! Яркие плавники, горбатая спина, широченные бока, огромные светло-золотистые чешуйки, напоминающие своей величиной дублоны, дукаты, пиастры... Дедок в разговоре называл эту рыбину то коропом, то горбылём, рассказывал, что они здесь ловятся постоянно, надо только на нужные места приваду класть. Этот сазан попался на подсолнечный жмых. Позже дед принёс нам за помощь вяленой густеры.

Годом позже на этом же месте, в июле, я увидел рыболовов-автотуристов. Они ловили на донные и с удовольствием показали свой улов. В воде стоял кол, у которого на кукунах из крепчайшей бечевы плавали два более чем метровых сазана. Но они имели совсем другой вид! Чешуя была серой, на спине почти чёрной, с тонкими золотистыми ободками по краям. Тела округлые, как торпеды, спины не горбатые, но от бока до бока пошире, чем у того золотого коропа-горбыля, что вытянул тогда местный дедок.

Автотуристы приехали из Курска, всю жизнь охотились только за карпами и сазанами, другой рыбы просто не признавали. У вечернего костра они и развеяли все мои недоумения. Оказывается, в Ахтубе полощутся два вида сазанов. Один вид тот, что дед давешний извлёк, действительно по-старинному зовётся короп или горбыль. Это тип оседлый, сродни озёрному карпу, живёт только в реке, неподалёку от родных нерестилищ. А вот те, что они поймали, сазаны морские, из Каспия, вернулись род продолжить, да и снова в море. Так они заходят в реку каждую весну, к маю отнерестятся и не спеша назад уходят, увлекая за собой и свою выдупившуюся молодь. Ко второй неделе августа их в Ахтубе уже не остаётся.

«Моряка» выудить в Ахтубе нелегко, привады бродягу не держат. Да и вкусы имеет не как у «речников». Речные больше на жмыхи зарятся, нежные тростники сосут, иногда цапают мясо ракушек-перловиц и земляных червей. А «морячки» на кильке каспийской, мелких рачках да всяких насекомых возрастают. В июне-июле морские сазаны в реке после нереста отъедаются, жуков со стрекозами хватают и линючих раков подбирают, рыбью молодь тоже гоняют. Наживку им надо соответствующую...

Куряне на одну донку килек(!) сажали, накупили в магазине свежемороженой, каспийской, а на другую – раковые шейки. Поймают рака, мясо очистят и кипятком ошпарят, так оно твердеет, на крючке не разваливается. Остатки же раков в марлевые мешочки с увесистым булыжником – да и на дно, недалеко от крючков с наживкой, для запаха.

Сазаны сели на обе донки почти один за другим, с разрывом минуты в три. А вытаскивать их пришлось часа полтора, рыбыны-то сильные, выносливые, изворотливые... В конце концов сделали так: один рыбину подтягивал к берегу сколько было возможно, а другой подкрадывался к ней на лодке

и накрывал это место сетью два на полтора метра с грузильцами. Сазан запутывался, и сеть вытягивали с берега за верёвки.

Куряне были на седьмом небе! Морского сазана они выудили впервые в жизни. Мясо у него темнее, твёрже и не такое жирное, как у речного, но на вкус, по-моему, гораздо изысканнее, лососину чуть-чуть напоминает.

P.S. В 2000 году на городском базаре увидел, что продаются крупные сазаны, видом напоминающие морских. Расспросил продавцов, оказалось, что рыбины привезли с Дона...

РАКИ

1998 год. Как-то солнечным октябрьским днём, проходя возле городского рынка, где группируются околобазарные торговцы, увидел молодого мужика из окрестных. Он продавал речную добычу: в одном ящике лежали судачки, караси, плотва, в другом, сверкая мокрой свежестью, копошились раки... Картина обычная, но была в ней поразившая меня деталь, о которой и расскажу, но – постепенно...

С молодых ногтей обожаю рыбалку и ловлю раков, особенно нырять за ними в маске. Люблю также собирать и изучать любые сведения про эти удовольствия. За свою жизнь повидал и перепробовал множество разных ракообразных, а также имел массу интересных случаев, с ними связанных. В детстве, помню, в нашей пойме наладили одно время добычу и поставку живых раков в рестораны Франции, отправляли их самолётами, отбирая строго определённые размеры, поэтому в августе на многих углах стояли продавщицы в бело-грязных халатах, а возле них штабеля ящиков с живыми раками, и очень дёшево. Это распродавали то, что не брали французы. На Чёрном море впервые увидел и половил мелких крабов. Повзрослев, побывал во Вьетнаме и Индии. Во Вьетнаме видел больших пресноводных креветок, а также метровых морских лангустов, это те же креветки, но гигантские, удалось даже поучаствовать в их ловле. В Индии для нас устроили охоту на крупных пальмовых крабов, которые вылезают на берег ночью, чтобы поедать упавшие с деревьев фрукты. С древности во всех странах ракообразные ценятся как деликатес не только за свой вкус, но и за редкую чистоту мяса. Да-да, этих поедателей падали, водных ассенизаторов природа наградила исключительно чистым, экологически сбалансированным организмом. Раки чистят не только воду, но и организмы своих пожирателей.

В Испании, в центре Мадрида, я подолгу стоял у лавочек, где в витринах, в ванночках с водой, ползали индонезийские шримсы – разновидность лангустов, очень пёстрые. Во всех супермаркетах Англии, Канады и США стоят аквариумы, где плавают на продажу лобстеры, морские раки, до 35 см длиной, с заклеенными клейкой лентой клешнями. Лобстеры – выращенная в садках молодь океанского рака-омара, достигающего на воле до метра в длину и 40 см в ширину, своими клешнями он способен перерубать доски до 3 см толщиной. А вот французы считают, что самые вкусные раки – речные, и уже давно наладили их промышленное воспроизводство, так что в тамшних магазинах аквариумы в основном для речных обитателей. В Швеции раз в году празднуют День поедания речных раков, их тогда требуется так много, что приходится завозить, причём основной поставщик – Китай.

Варить речных раков – род искусства. Часто сердце кровью обливается, когда вижу, каких варёных раков продают на улицах, да и в магазинах.

Панцирь тускло-красного цвета с грязными разводами, возьмёшь такого, а от него пахнет неприятно, и никакой укроп этого не отбивает. В России до революции городские штрафовали и отнимали товар у торговцев такими раками. А в трактирах хозяева лично наблюдали, правильно ли варят раков для клиентов. Прежде всего, их надо варить живыми, в уснувших раках быстро накапливаются вещества, способные отравить едока чуть ли не до смерти. Кроме того, примерно ночь перед варкой раки должны поползти без воды по мокрой траве или мокрой тряпке. Затем их надо сложить в ведро и залить водой, которая тут же потемнеет, эту воду слить, залить свежую и так менять до тех пор, пока она не начнёт оставаться прозрачной. После этого, если раков сварить, то их панцири будут ярко-красными, будто лаком покрыты, и никаких дурных запахов и привкусов. А если ничего не делать, то при варке рак опустошает кишечник прямо в бульон, оттого – грязь и запах. Если же хочется поесть раков только что пойманных, то сделайте на костре кипяток, поставьте рядом ведро холодной воды, затем каждому раку ошпарьте в кипятке кончик клешни или хвоста и кидайте их в ведро с холодной водой, где они тут же станут опорожняться. Далее то же самое, что сказано выше...

Бывая в Москве, люблю заглядывать на один из тамошних базаров. Несколько лет назад я обнаружил на нём прилавок одного частного предприятия. Была на этом прилавке разнообразная речная и морская рыба. Висели отличные вяленые кутумы и воблы, рыбцы и чехони, лежали отборные судаки, окуни, сазаны, огромные азово-черноморские камбалы-калканы, крупные бычки, массивные кефали. Всё очень свежее, как сейчас пойманное, и очень дорогое. Чуть дальше стояли два больших аквариума со шлангами, из которых в воду подавался воздух. В первом аквариуме плавали крупные раки. На ценнике: «Раки саратовские – 350 руб. за кг». А возле второго аквариума меня словно громом ударило! Там тоже были крупные раки, на ценнике стояло – 1000 руб. за кг. Раки были голубые! Да что там голубые! Скорее они были густо, целиком как бы, выкрашены светло-синей краской! Нет, теоретически я знал, что такие бывают... Вроде когда-то, ещё при Пушкине, они водились в одесском лимане, да и в первых главах книги моего детства «Два капитана» маленький Саня Григорьев крадёт у матери кусок мяса, чтобы, когда он протухнет, наловить на него голубых раков в местной речке, ибо в трактирах их покупают дороже обыкновенных.

«Интересуешься, дорогой?..» – сзади тронул меня за плечо рослый, здоровенный армянин. «Да. Откуда они?» – показываю на необычных раков. «С озера Севан, самолётом сюда вожу, это мой прилавок...» – отвечает хозяин. Я удивился: «Но Севан – горное озеро, вроде раков быть не может?..» Армянин в свою очередь тоже удивился: «Разбираешься, дорогой. Всё верно... Но вода – подходящая, отгородили участок, сделали нужное дно и завезли голубых раков из Карелии. Видишь, прижились, здесь теперь торгуем, китайцы, японцы берут прямо в Армении, всё для лучших ресторанов... Покупать будешь?»

Возвращаюсь в начало своего рассказа. Раки, которые давешний торговец привёз из нашей поймы, где-то из-под Ленинска, были не только чёрные с прозеленью, как обычно, но вдоль лапок на брюшках и по краям клешней у них ярко проступали голубые полосы. А буквально через несколько дней в магазинчике «Свежая рыба» среди живых раков оттуда же, из-под Ленинска, увидел и небольшого, полностью голубого рака. Через две недели на Центральном рынке Волгограда, рассматривая огромный аквариум уже

с донскими раками, насчитал среди них не менее десятка голубых, показал и рассказал о них продавщицам, а они весело предложили мне давать бесплатно по одному голубому раку за каждый килограмм купленных мною обыкновенных... По всему выходит, что и у нас можно развести лазоревых рачьих аристократов? Только кто это сделает? «Варяги» из Армении?

ЛИРИЧЕСКОЕ

Об Ахтубе я могу рассказывать и вспоминать бесконечно. Да и как иначе? Такие впечатления становятся частью души любого нормального человека.

Разве можно проигнорировать эти яркие рассветы на берегу реки, озера или ерика? Тишина стоит, как после сотворения мира, но уже потихоньку шевелится всякая живность.

Вот хищник плещется, гоняясь за мелкой рыбёшкой. Речная черепаха осторожно высунула змеиную голову из воды, выглядывая, где бы погреться на солнышке. Какие-то пичуги слетелись на берег к поспевшей ежевике. А вдалеке, на ветке высокого дерева неподвижно застыла диковинная птица с длинным хвостом – это пойменный фазан, наглотавшись любимого закусона – колорадского жука – на чьей-то картошке или баклажанах, сидит теперь, занимается пищеварением, давая собой полюбоваться...

А то направился я один раз к собственному рюкзаку, чтобы перекусить, а из него как выскочит нахальный зверёк, в зубах кусочек сыра зажал – и на дерево, а с него на другое... Удрал ворюга, но разглядеть удалось. Сам пушистый, чёрно-коричневый, хвост трубой, а на груди белый треугольник. Это – каменная куница. Её так зовут, потому что жить любит в норах на земле, особенно среди каменных расщелин, бегаёт тоже в основном по земле, за мышами, на дерево прыгает либо в случае опасности, либо птичьи гнёзда грабить. Это её сестра, лесная куница, в основном по деревьям скачет и гнёзда делает в дуплах. А треугольничек на груди у неё – жёлтый.

За Ленинском стоят вдоль Ахтубы дубравы, где осенью грибы-дубники можно косой косить. В пойменных зонах покоя журавли и цапли разгуливают, утки стаями, кабаны почти не прячутся.

Эх, сохранить бы это всё... Приумножить...

**Анатолий
АРЕСТОВ**

СПАСИТЕЛЬ КНИГ

ОСЕННЕЕ УТРО

В этой осени не было ничего удивительного: с деревьев и кустарников, как всегда, облетали листья, с неба лил холодный дождь, дороги превращались в чёрное зеркало. Утренний поток недостаточно выспавшихся людей вливался в мрачность осеннего пейзажа. Размокший тетрадный лист накрепко прилип к шершавой поверхности тротуара – то ли его потерял нерадивый студент, то ли он был специально выброшен как негодный элемент, очерняющий весь процесс современного обучения. Недалеко от остановки виднелось серое здание бывшей сельскохозяйственной академии, нынче университета, по периметру обрамлённое ярко-зелёными, никогда не увядающими туями и припаркованными, остывающими под дождём автомобилями. Студенты вбегали на небольшое крыльцо главного корпуса и пропадали в освещённом фойе. Студенческая жизнь немногим слаще взрослой – ответственной и беспощадной! Преподаватели, несмотря на дождь, шли размеренным шагом, показывая всем своим видом обыденность происходящего в сезонной смене погоды и этим поддерживая свой статус начальника знаний. Студент, немного переборщивший со вчерашними посиделками с друзьями и подругами, а также неотъемлемым атрибутом – алкоголем, задержался под густыми ветками берёзы, дабы не привлекать к себе чрезмерного внимания. Осенний дождь был беспощаден. Косые струи пробивали крепкую джинсовую ткань, отбивали дробь на капотах машин и умирали в скопившихся лужах. Кое-где под ровно подстриженным, плотным кустарником вяза ещё сохранялись уменьшающиеся с каждой секундой сухие пятна серой почвы. Осеннее утро заканчивалось...

-
- Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в Алтайском крае, в г. Рубцовске. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА. Публиковался в журналах: «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Сура», «Сибирский Парнас», «Дарьял», «Сибирь», «Северо-Муйские огни», «Белая скала», газете «Литературный Крым» и других изданиях. Автор книги «В потоке поэзии».

МЕТЕЛЬ

Это невыдуманная история, происходившая с моей мамой и бабушкой в канун Рождества в небольшой деревне Козловка Пензенской области.

В маленьком доме жили мать с дочерью. Покрашенные полы, две кровати, несколько стульев и стол – самые примечательные вещи, заполнявшие комнату. Возле стены стояла ель, наряженная подвешенными за нитки конфетами. Главное, что ель не была закреплена тонким стволом на перекладинах, она стояла в большой дыре в полу, то есть в деревянной доске.

Праздник есть праздник, собрались идти в гости. Мама одела дочь в тёплую шубку, они вышли на крыльцо и направились к соседке.

Идти довольно далеко, путь пролегал через речку, покрытую крепким льдом. Соседка жила за рекой на левом берегу. Неожиданно с неба посыпал мелкий снег, словно изморозь, становилось теплее. Воротники идущих покрывались белым налётом всё больше и больше. Начиналась пурга. Ветер погнал белую змею обезумевшего снега по просёлочной дороге, и спустя несколько минут закружилась метель...

Метель переступила невидимую границу зла и добра. Всё неистовство и мощь она обрушила на безымянный клочок степной поверхности. Тяжёлые белые плети хлестали отчаянно сопротивлявшиеся заросли клёна. Кустарник и небольшие деревья хрустели под напором ветра. Растительная ткань не выдерживала нагрузок и рвалась, оголяя влажную сердцевину веток. Ветер, радуясь своей кровожадности, тут же залечивал рану снежной ватой, оберегая дерево от дальнейших страданий. Взъерошенный бурьян, стоявший серым частоколом по бокам просёлочной дороги, прижался к земле, врос в сугробы остроконечными верхушками. Стебли горькой полыни лежали полосками, словно шпалы железной дороги, по которым метель продвигалась дальше, как огромный состав, всё больше и больше набиравший скорость. Снежный шквал вытягивал тонны снега сверху, обирая небесный скит, и щедро угощал распластавшуюся между сопот степь. Под покровом ночи творилось безумство: концентрат ярости и беспринципности, холодный расчёт и выверенная атака по всем фронтам: метель не играла и не запугивала – она хотела убить всё живое, вставшее на пути!

Мать крепко ухватила дочь за руку, ветер заставлял идущих приклониться перед ним, отчего идти становилось труднее. Прищуренные глаза не видели ничего, кроме белой пелены, ресницы вмиг обрастали инеем и склеивались.

– Скоро дойдём до реки, – выкрикнула мать дочери, – смотри под ноги!

Дочь незаметно кивнула, дёрнула маму за руку и показала ногу без валенка.

– Как ты умудрилась его потерять? – крикнула мать.

Становилось не по себе, какой-то первобытный страх перед неумолимой стихией завладел ими. Мать начала читать как можно громче молитву «Отче наш!» И лишь после того, как мать произнесла молитву раз двадцать, метель стала успокаиваться. В конце концов с безветренного неба полетели огромные хлопья. Оглянувшись, они увидели валенок, застрявший у самого края польньи. Чудо молитвы спасло от верной гибели!

Добравшись до соседки, мать рассказала о произошедшем. Сели пить чай, отогреваясь и отходя от произошедшего события. Метель пошла на второй круг своего бесчинства, но находившиеся в безопасности люди не обращали на неё внимания, лишь подбрасывали поленья в светлую пасть раскалённой печи. Дрова затрещали, завитки дыма выпорхнули сквозь щель в топочной

дверке, пролетели под потолком небольшой кухни, спустились немного вниз, поколдовав над душистыми пряниками, и скрылись за цветной занавеской. А разъярённая метель не унималась! Она хотела пробраться через печную трубу, но получила серьёзный отпор от горячего чёрного дыма – полной её противоположности, обожглась и закружилась в ведьмовском вихре, ругаясь и проклиная непреступную крепость.

ЗВЕЗДА НА ПОДОКОННИКЕ

– «Сочные гроздья звёзд свисали с ночного неба. Чёрное полотно прочно удерживало их, но иногда, сдуваемые порывом космического ветра, они падали в далёкое пространство Земли. Ничего страшного не происходило, обычное дело. Спокойное море блестело под растущим месяцем, мерно находящиеся на берег волны сыпали искрами, словно осколками потопленных в водной пучине тех самых звёзд», – тихо произнёс Андрей и отложил книгу.

– Папа, сколько всего звёздочек на небе? – спросил сонным голосом Володька, глядя в окно. – Их же очень много, и каждая на чём-то держится. А если небо упадёт на Землю под их тяжестью?

– Нет, не упадёт, – ответил отец, – на этот случай припасён суперклей, который держит вечно и прочно. Куда они денутся!

– Я же видел, что несколько уже упало.

– Значит, в том месте плохо приклеено.

– Ну за ними же кто-то спустится на Землю и вернёт на своё место?

– Нет, Володька. Они останутся здесь, их кто-нибудь найдёт и положит дома на подоконник, как светильники! – с еле заметной улыбкой сказал Андрей.

– Нам бы найти такую звезду. Может, поищем днём, пап? – с восхищением предложил Володька.

– Давай-ка в выходные. На работе своих звёзд хватает. Обязательно пойдём искать. Ты заметил, куда она упала?

– Да. В районе парка, где мы сегодня были.

Наступила суббота. Пушистый и лёгкий снег припорошил старый поседевший слой снега. Радостный Володька бегал по парку в поисках упавшей звезды, но никак не мог её найти. Устав и немного расстроившись, он посмотрел на отца и спросил:

– Её подобрали другие дети? Теперь у кого-то на подоконнике будет звёздочка...

Отец потихоньку достал из кармана купленный заранее в магазине камешек бирюзы и уронил его в снег.

– Смотри, Володька, что это? Не твоя ли звёздочка?

Володька подбежал, расчистил маленькими ручонками в вязаных варежках снег и с восхищением в глазах поднял небольшой камешек.

– Папа, это она. Я её видел, как она падала!

...Володька долго не мог уснуть. Небольшой светильник-прищепка бросал лучи света на маленький камень, лежащий на подоконнике. И вот перед глазами пронеслись армады межгалактических кораблей, летящих в неведомое пространство с большими тюбиками суперклея, чтобы накрепко приклеить звёзды к чёрному полотну ночного неба. Но это всё не так важно, ведь осколок звезды есть только у него, там, на подоконнике...

ВЫЗОВ ПРИНЯТ

Степан открыл скрипящую дверь в железных воротах больничного гаража, и тёплый, застоявшийся воздух с приятным ароматом бензина вырвался в безграничное пространство. Белая ласточка – ВАЗ четырнадцатой модели – стояла на своём месте. Тонированные задние стёкла отражали мерцающий свет ещё не набравшего силу прожектора, высохшие потёки грязи на крыльях напоминали о необходимости мойки. «Вечером...» – подумал Степан и потянулся к чайнику. Лёгкое нажатие кнопки, ожидание в течение трёх минут – и бумажный пакетик уже медленно тонул в объётой паром кружке. Первая утренняя сигарета марки «Bond» не принесла ожидаемого удовольствия. Сизый дым истлевшего табака смешивался с паром горячего чая и возносился к потемневшему от выхлопных газов потолку. Осеннее утро наглым образом не хотело начинаться так, как нужно. Холодный ветер с мелкой моросью порывами нёс скомканную листву, расстилая её по бетонному полу гаража. Закрыв дверь плотнее, Степан остановил взгляд на покрытом пылью телевизоре. «Может, включить?» – пронеслась мысль, но быстро исчезла. Серые тучи, как газ из выхлопной трубы, продолжали своё таинственное шествие. По закрытым воротам кто-то шоркал. «Дворник, – вспомнил Степан, – тоже мне работёнка. Не позавидуешь!» Дворник пытался согнать нападавшую за ночь листву в кучу, но ветер мешал осуществить задуманное. Плюнув и выговорившись трёхэтажным матом, человек с потрёпанной от работы метлой направился в здание напротив гаража, обтёр ноги о железную решётку, предназначенную именно для этих целей, и скрылся, хлопнув на прощание дверью.

Машина с мерно работающим двигателем стояла возле эстакады и ожидала своего хозяина. Степан присмотрелся к небольшому сколу возле зеркала заднего вида, поморщился и быстро уселся в водительское кресло, чтобы не портить себе и так никудашное настроение. Подъехав к запасному выходу больницы (куда с утра шмыгнул дворник), он принял пассажира – девушку в белом комбинезоне, закрывающем всё, кроме глаз, державшую в руке «сундучок» с набором для взятия проб. Приветствие и лёгкая шутка по поводу неудачного утра начинали приносить положительные результаты. Чем-то озадаченный дворник вышел на улицу, посмотрел по сторонам, снова плюнул и скрылся за той же дверью, что и с утра – данная ситуация ещё больше развеселила сидящих в машине. Девушка достала белый тетрадный лист, на котором виднелись написанные от руки адреса больных коронавирусом. ВАЗ четырнадцатой модели скрылся за углом больницы, оставив на лужах неутраченные волны осенней воды. Вызов принят...

ЁМКОЕ (ЁЛКА. МАНДАРИНЫ. КУРАНТЫ)

Долгожданный новогодний праздник как острые ножницы отрезал ещё один кусок под названием «год» с ленты бытия. Год уходил, забирая с собой лучшие и худшие моменты жизни. Зелёная ель в ведре с мокрым песком оцетинилась на неясные очертания приближающегося будущего, ветки прогнулись под тяжестью игрушек с родины Конфуция. Культовые запахи праздника не могли найти компромисса: запах хвои привносил горькую нотку, запах мандаринов – сладкую. Смешиваться они не хотели, но каждый запах отбирал у комнатного воздуха свои невидимые области влияния. Коробки с шоколадными конфетами подслащивали атмосферу, подманивая к себе

искренне верующих в чудо ребяташек. Громкий бой курантов из динамиков японского телевизора подтверждал неизбежность и могущество России, звук проходил до небюджетного стола, тонул в бокалах с шампанским «Советское», поминая бывший СССР, отголосками пробирался в углы зала (тихо-нечко скорбя о Российской Империи) и в конце концов неслышимым фоном вздыхал о когда-то бывшей Руси. Многолетняя смена лет, смена политического строя и официального названия государства – это всё триумфальное шествие неподвластного человеку времени...

Разноцветные огни фейерверков за вредным для окружающей среды, но полезным от сквозняков пластиковым окном освещали пространство города и очищенные от денег карманы радостных «пускателей». Всполохи света от пиротехнических изделий проникали в глубины ночи, стремясь поделить себя избытком радости и счастья. Переполненные ожиданиями, люди напевали песни, давно вышедшие из трендов и не попавшие в музыкальные чарты современного вокального исполнения. На песню Виктора Цоя басом налетал «Чёрный ворон», но через минуту, напугавшись «Демобилизации», засыпал в тарелке с оливье – новый год вступил в силу...

ЗОВ СТРАЖДУЩИХ

Июльский полдень беспощаден! Невыносимый зной обжигал природу, как огонь обжигает кирпичи. Жаром пропитались потоки ветра. Вытянутые и поникшие листья кукурузы изнывали от нехватки воды, они словно умоляли огромное солнце успокоиться. Нет. Гиганту, низвергающему поток лучей, нет дела до зелёных хлорофилловых рабов! Гигант вершил своё – космическое и грандиозное! Вдалеке, у самого горизонта, появилась тёмная тонкая полоса на фоне синего неба. Ветер становился свежее, словно насытился чудотворной влагой!

С течением времени полоса превратилась в чёрное пятно, занимающее добрую половину небесного пространства. Ветер усилился. Палящее солнце скрылось. Наступила беспросветная тьма! Воздух пропитался запахом озона. Повисла пронзительная, облагораживающая всё смертное тишина. Случилось! На листья кукурузы упала первая капля, потом вторая, третья...

Через несколько секунд небеса изливались потоком. Плоские листья постепенно сворачивались и принимали форму желобка, проводящего струи дождя к корням. Лиловая туча действовала наперекор космическому гиганту – Солнцу! Она услышала зов страждущих...

СПАСИТЕЛЬ КНИГ

Книги на старой полке цвета вишни стояли ровными рядами. Их было сто тридцать семь. Луч уходящего вечернего солнца коснулся оконного стекла, бросил отблески на коричневые с позолотой корешки книг и ещё раз отразился на свежих флизелиновых обоях. Пыль, витавшая в воздухе небольшой комнаты, наконец-то осела, притаилась в самых укромных уголках и успокоилась. Из зала доносились звуки музыки, какой-то приятной, ненавязчивой, но вместе с тем весьма энергичной. Дома никого не было. Лёгкое покачива-

ние люстры на потолке становилось более размашистым и неравномерным, кирпичные стены издавали треск, полка с книгами пропала в зияющей дыре пола. Двухэтажный дом сложился как картонный домик. Это не землетрясение, просто ветхое жильё, не дождавшись такой разрекламированной программы по его сносу, не выдержало и «обветшало» ещё сильнее, совершив самоубийство...

Пострадавших, как ни странно, не было. Через две недели завал разобрали, ценные вещи отдали хозяевам, а мусор вывезли на городскую свалку. Сто тридцать семь книг, перемешанных с битым кирпичом, щепками от деревянных досок, осколками стекла и клочками флизелиновых обоев, выгружены из грузовика. Морозящий дождь немного сбил пыль с кучи мусора. Туча прошла. Луч уходящего вечернего солнца коснулся прозрачной лужи, бросил отблески на «взъерошенный» от досок и кирпича мусорный бугор, где лежали коричневые с позолотой книги, и ещё раз отразился в бескрайнее пространство синего неба...

За оградой рынка разместились торговцы всевозможной утварью: ношенными валенками, советскими бритвами, вязаными варежками и... книгами. Дед небольшого роста, с расчёсанной по всем канонам седой бородой, продавал сто тридцать семь коричневых с позолотой книг по цене пятьдесят рублей за штуку. Вот уже полгода он ходил на местный рынок, но никто не интересовался таким товаром. Дождавшись закрытия рынка и отбросив всякую надежду хоть что-то продать, он аккуратно сложил их в четыре большие коробки, которые по одной перенёс в люльку зелёного мотоцикла, и не спеша поехал домой.

Книги, тщательно протёртые мягкой тряпочкой и расставленные в определённом порядке на прогнувшейся от тяжести полке, вызвали у деда улыбку, он махнул головой, взял одну из них и, усевшись в кресло, принялся читать. Через полчаса напряжённого чтения он уснул...

Безымянный луч уходящего вечернего солнца потихоньку коснулся оконного стекла, чтобы не разбудить спящего спасителя, бросил отблески на коричневые с позолотой корешки книг и ещё раз отразился на потрепавшихся от времени бумажных обоях, унося последние переживания долгого дня.

**Александра
ЖАДАН**

СТАРЫЕ ЧАСИКИ

ЕСЛИ В ЭТИ МИНУТЫ БЕЗЖАЛОСТНО ХОЛОДНО...

Мы взрослеем эмоцией, нервами, рамками.
Загоняем себя в угол мнимых клише.
И хотим отличаться, но всё-таки равные
Перед Богом, людьми или смертью уже...

Мы взрослеем с моментами краха иллюзии.
Где таилась мечта – путь наш не удался.
И питаем, сжираем себя послевкусием,
Ждём, когда приговор свыше нам огласят.

Но среди непогоды и ветреной осени
Ворот куртки повыше и вязаный шарф
Ты наденешь. Вокруг только лес с белой
просинью
Подойдёт, согревая тебя и обняв...

Если в эти минуты безжалостно холодно
И рассудок нагонит твою слепоту,
Знай, что чувства всегда независимо молоды,
И я здесь. На Земле. И тебя очень жду.

-
- Александра Сергеевна Жадан окончила СГАП (Саратовскую государственную академию права). Публиковалась в коллективных сборниках, альманахе «Нетерпеливые строки», в журнале «Волга–XXI век», 2017 г., альманахе «Литературный Саратов» и других изданиях. Обладатель Гран-при областного поэтического конкурса «Турнир поэтов», лауреат I, II, III степеней (2017–2018 гг.) в областном конкурсе «Россия, Русь, храни себя, храни!». Лауреат Гран-при профессионального городского смотря-конкурса «Лучший библиотекарь 2018 года». Победитель районных молодёжных Дельфийских игр (р.п. Мокроус, 2000), конкурса исполнителей народной песни им. Л. А. Руслановой (2000, 2003), конкурса «Мы дети одного Отечества» им. З.К. Пряхиной (2004), конкурса, посвященного 60-летию Победы (2005). Дипломант районного и областного конкурсов «Звёздный дождь» (Саратовская область, 1998, 2001, 2005). Автор четырёх сборников стихов. Руководитель литературного клуба «Новая строка» с 2015 года.

ЛЕТЕЛА

Летела столько лет навстречу ветру,
Порой ломала крылья и надежды.
Со временем сильнее стала, верно,
И не вернуться в облик кротко-нежный.

Раскрыта жизни новая страница –
С цветочным полем в голубой лазури.
Вдруг бабочка преобразилась в птицу
И полетела, не пугаясь бури.

Но ветер стих, а солнце стало ярче,
И тучи разошлись, попрятав тени.
Стук сердца чаще, грудь пылает жарче –
Все опасения второстепенны.

Ах... ноты выше, слов поток незримый...
Минутное молчанье уловимо.
Ты был как солнце мне незаменимый,
Неумолимо неосуществимый.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МИШКЕ ИВАШКЕ

(сестре Олесе в память о нашем детстве)

На облаке мишка, обмотанный шарфом,
На сон свой грядущий взбивает подушку.
И перья, летящие к старому парку,
Всё падали, таяли в тени растущей.

Снежинки сгущались и брались за ручки,
Бесшумно садились на плечи, перчатки
прохожих. И, сбившись в комочки и кучки,
Казалось, играли в безмолвные прятки.

По-детски беспечен и неосторожен,
Упал косолапый – неловкий он слишком.
А снег тихо падал на быстрых прохожих,
И дела им нет до какого-то мишки...

Как бережно штопают рваные души
Иголками тонкими звёзды и месяц,
Так мишку нашли и зашили получше
Кривыми стежками ручонки Олеси.

Растаяла зимняя детская небыль,
Года пролетают – увы – безвозвратно!
Вчера я взглянула в вечернее небо:
Там мишка сидел и разбрасывал вату.

ЛИРИКА И ГРАММАТИКА

Невыносимо стихи по весне читать –
Каждое слово тревожит что-то в груди.
Помню: летала... Вновь хочется полетать
На строчках текста, пересекая пути.

И на страницы из тысяч желанных книг
Мне б приземлиться. Охапкою букв – букет...
И побежать, разливаясь, как детский крик,
Чтоб в многоточиях века встречать рассвет.

В этой грамматике – вечное счастье жить!
Лирика светлая пишется тьмой чернил.
Лёгкий наклон или нервный пера нажим...
О, мой язык, дай мне лучших стихов и сил!

КРИК

С высокой горы в весеннее небо
Я имя кричу твоё.
А крик мой несётся попутным ветром,
Мне с ним бы в один полёт...

Встревожились птицы,
взмахнули крылами
И стайей метнулись ввысь,
За голосом имени над церквами
В чарующий звук вплелись.

И верные птицы проносят
на крыльях
Мой крик через брод и лес.
Я верю: ты слышишь,
Тебе ведь по силам
Любовь моя до небес!

СЕКРЕТ

Меня когда-то спасали мои стихи.
В них можно было спрятаться с головой,
Не говоря о тоске (к ней всегда глухи),
Я находила в них место и свой покой.

В них я упрятала тайну далёких снов,
Детство, взросление, песни старой мотив,
Страсти, надежды, пламя ночных костров
И все мечты. В самом деле, куда без них?!

Бог знает всё, знает точно и мой секрет,
Строчка за строчкой сплетаются жизнь и стих.
Видит и небо, искусный ты мой поэт,
Как ты меня прячешь тонко в стихах своих.

СТРАННИКИ

Пахнет осень имбирным пряником,
Если льют непрерывно дожди.
Мы с тобою – заблудшие странники
Меж дорог и путей среди.

Словно жертвы мы смутного времени –
Разбросало нас по Земле.
Плещут воды от берега к берегу,
Но сквозь бурю плывёшь ко мне.

Пахнет осень имбирным пряником..
Окна настежь, глубокий вдох –
Я тебя ожидаю, странник мой,
Как свершение. Как итог.

СТАРЫЕ ЧАСИКИ

Тихо тикают часики старые,
Песню тянет под полом сверчок.
Не бегут больше ноженьки малые,
На ходу скомкав половичок.
Не зовёт кукла Даша залиvisto,
Не жужжит под ногами юла.
И свисток очень звонкий, задиристый
Где-то брошен – ищи по углам!
А в саду недоспелые яблоки
Кто-то рвал, но прошла та пора,
Словно продано детство на ярмарке,
Что не выменять и не забрать.
Где ты, девочка голубоглазая?
Всё ищу тебя здесь, в зеркалах.
Но ты спряталась, милая, разная,
Где-то в памяти, мыслях и снах.

Аркадий Инин

«ЖЕМЧУЖИНЫ СЛОВ»

БЕСЕДА СВЕТЛАНЫ ПАНКРАТОВОЙ С АРКАДИЕМ ИНИНЫМ*

Жизнь сложна, порой непредсказуема. Случайны ли наши встречи, можем ли мы влиять на те или иные события, являемся ли мы соавторами наших судеб? Или всё для нас предопределено и означено? Об этом – сегодняшний разговор с известным кинодраматургом Аркадием Яковлевичем Ининым.

* * *

С.П. Аркадий Яковлевич, все мы – родом из детства. Вы принадлежите поколению детей войны. Выросли благодаря любви и заботе вашей мамы. Вы были совсем маленьким, когда отец ушёл на фронт. Сохранилось ли в вашей памяти что-то об отце? И что о нём рассказывала мама, каким он был человеком?

А.И. Отец ушёл на фронт из Харькова, где мы жили. И уже в октябре 1941 года погиб под Черниговом. Мне было три года, я отца не помню. К сожалению. И мама ничего мне о нём не рассказывала, а я ничего не спрашивал. К моему огромному стыду!

С.П. Военное и послевоенное детство, трудная жизнь семьи и страны, но в ваших работах и в жизни всегда присутствует добрый юмор. Как сформировалось в вас такое отношение к людям? Повлияли ли на это какие-то фильмы, книги? Уклад родного Харькова?

А.И. Отношение к людям сформировала сама жизнь. Встречи и расставания, книги и фильмы – всё вместе. Конкретизировать невозможно – надо перечислять целый год.

С.П. Вы были конферансье в студенческой бригаде. Взяться за написание сатирических текстов вас заставил

председатель одного из колхозов. А до этого у вас была проба пера? К примеру, в школе? Каким вы были подростком? Физиком или лириком?

А.И. Писать по заказу председателя сатирические куплеты про нерадивых колхозников меня заставила упорная лень. В противном случае я был бы должен вместе со студентами-однокурсниками убирать кукурузу.

А первая и единственная проба пера была в школе. 1954 год – 300 лет воссоединения Украины с Россией на Переяславской раде Богдана Хмельницкого. Что меня, школьника, подвигло написать по этому поводу стихи – уму непостижимо! Больше стихов не писал.

А каким я был подростком – физиком, лириком, – понятия не имею.

С.П. *Не только те, кто жил в Советском Союзе, но и многие из родившихся в 90-е осознают, что тот период нашей жизни был уникальным. А что из того, что было дорого вам в СССР, вы хотели бы вернуть?*

А.И. Я горжусь званием «совок». И я бы хотел вернуть из СССР всё, кроме, конечно, репрессивной системы.

Хочу вернуть понятие «человек человеку – друг» (а не «волк», как сейчас), вернуть безопасность на улицах, возможность детям самостоятельно болтаться во дворах и ходить в школу, не опасаясь за их безопасность. Хочу вернуть жизнь без отвратительной власти денег над душами людей, без нынешнего чудовищного классового неравенства. Хочу вернуть время, когда ворюги тоже были, но прятали наворованное в огороде и жрали икру под одеялом, а теперь нагло выставляют криминальные богатства напоказ, презирая бедняков-лузеров. Ну и так далее, и тому подобное...

С.П. *Среди моих знакомых есть удивительной доброты и отзывчивости люди, которые после смены курса нашей страны не порвали свои партбилеты. Мне кажется, что и вы сохранили документальное подтверждение своей верности идеалам справедливости. Это так?*

А.И. Не из каких-то высоких идей справедливости, а просто не люблю «переобуваться на лету». Я успел побывать в партии всего года два. Но не порвал партбилет.

С.П. *Вы были одним из создателей сердечной передачи «От всей души». Друзья и близкие, по тем или иным причинам потерявшие друг друга, благодаря этой передаче встречались. А в вашей жизни был кто-то, с кем вы расстались, хотели бы снова встретиться, но так и не смогли?*

А.И. Нет, к счастью, я никого не терял и не находил.

С.П. *Вы – руководитель сценарной мастерской. В шоу-бизнесе да и в театральном мире для юных сейчас почти нет авторитетов. Мэтры, чтобы привлечь молодую аудиторию, приглашают в свои клипы и спектакли популярных тиктокеров, сомнительных звёзд. А ваши студенты понимают ли и принимают ли наше великое кино недавнего прошлого?*

А.И. Студенты разные. Кино смотрят активно, много, профессионально. Но далеко не все смотрят великое советское. Хотя есть и такие. И если смотрят, то, конечно, понимают и принимают.

С.П. *О чём пишут сегодняшние студенты? Есть ли среди них романтики, живущие сердцем?*

А.И. Студенты пишут про «уродов и людей». То есть про вампиров, трансгендеров, психопатов, педофилов, каннибалов, гомосексуалов, лесбиянок... Пишут вовсе не потому, что знают эту среду или, не дай бог, сами к ней принадлежат. Нет, просто нынешние студенты – прагматики. И видят, что именно эта тематика сегодня востребована. А значит, чтобы прорваться на экран, нужно принимать предложенные условия.

С.П. *Во всех ваших фильмах всегда в той или иной мере затрагиваются отношения между мужчиной и женщиной. Им, чтобы привести свои судьбы к «одному знаменателю», нужно произвести тысячи «математических действий». Ваше техническое образование помогает вам «включать логику» в общении с женщинами?*

А.И. Технический вопрос не понял. Промолчу.

С.П. *Вы написали огромную книгу о «второй ошибке Бога». Какая из глав вами писалась с наибольшей затратой сил и времени? И что в нас, женщинах, вами так и осталось неразгаданным?*

А.И. Всё писалось с одинаковой затратой сил и времени. Хотя замечу, что не считаю литературный труд затратой сил. Силы тратят шахтёры, лесорубы, землекопы... А литераторы кайфуют в мягких креслах.

А в женщинах для меня осталось неразгаданным всё. Я написал про них пять книг, могу написать ещё десять, но всё равно не пойму этих инопланетянок.

С.П. *Один из ваших персонажей жалуется, что женился и стал видеть жену только в халате. «Хоть бы косыночкой бигуди прикрывала». Вы 60 лет прожили в браке с вашей супругой Инной Александровной. Были ли вы так же строги и требовательны к ней? Или там, где есть любовь, там нет места предвзятости?*

А.И. Вы сами ответили на свой вопрос: «Там, где есть любовь...» – и так далее.

С.П. *Инна Александровна сказала как-то, что все вас хвалят за доброту и талант, а ведь это – её заслуга. Но сказала это легко, без гордости. Скорее, с юмором. За долгие годы супружества у вас обоих чувство юмора возросло или вы стали осторожнее в шутках?*

А.И. Не скажу ничего нового, напомнив известную истину, что всякого мужчину делает тем или иным – простым или великим – его женщина, жена. В нашем с Инной случае эта истина тоже справедлива. А что касается юмора, почитайте в упомянутой вами книге эссе «Женщина и юмор». Там всё сказано – две вещи несовместные.

С.П. *В одном итальянском фильме пастор говорит, что его жена не видит его старения. Для неё он – тот же парень, каким был в день свадьбы. В молодости ваша супруга называла вас «мой мальчик». Вы стали солидным, известным всей стране человеком, остались ли вы для Инны Александровны по-прежнему – «её мальчиком»?*

А.И. Об этом надо было спросить у Инны. Увы, невозможно...

С.П. *Какой мамой и бабушкой была Инна Александровна?*

А.И. Прекрасной, потрясающей, безоглядно любящей сыновей и внука. Причём, в отличие от рационального меня, любила, не задумываясь и не объясняя, почему и за что любит.

С.П. *Вы с супругой вместе много путешествовали. Дальняя дорога – проверка на прочность. Легко ли было в пути с Инной Александровной? И что её больше всего привлекало в дальних странах?*

А.И. Да, мы объехали полмира, но это был не туризм с палатками и байдарками, а комфортное путешествие на круизных теплоходах. Так что нам было в пути легко. А интересно было Инне всё – достопримечательности, культура, история... Шопинг, конечно, тоже. Но не фанатично, а больше в поисках многочисленных сувениров для родных и друзей.

Ещё замечу, что, в отличие от многих туристов, непременно желающих отведать в каждой стране её специфическую кухню, Инна почему-то была к этой теме равнодушна.

С.П. *Вы – заботливый отец и дед. Не правоучениями, а личным примером мы воспитываем своих детей. Ваши сыновья создали такие же крепкие семьи?*

А.И. Старший, Дима, создал такую семью. И подарил нам внука Пашку. А тот недавно подарил правнучку Маргариту. А младший, Костя (44 года), до сих пор не женат.

С.П. *Вы убеждены, что чудес не бывает, но рождение вашего второго сына удивительно. Вы писали сценарий фильма «Однажды 20 лет спустя», мысленно и вслух проговаривая слова: «многодетная мама». И в 40 лет ваша супруга во второй раз стала мамой. Было ли в вашей жизни ещё какое-то чудо, о котором вы ещё не говорили журналистам?*

А.И. Второй аналогичный случай: я написал сценарий фильма «Отцы и деды» – и старший сын в свои 19 лет сделал меня дедом. А больше чудес не случилось.

С.П. *Хеппи-энд заставляет нас поверить в то, что всем одиноким в конце концов будет предоставлено доброе человеческое общежитие. Но одиночества и разобщённости всё больше в мире. Как вы думаете, почему так происходит?*

А.И. Потому что справедлива древняя мысль о том, что каждый умирает в одиночку. И рано или поздно все это печально осознают. Но, как

известно, уныние – смертный грех. И чтобы не впасть в этот грех, придуман обнадеживающий хеппи-энд. Даже если он надуманный, но всё равно «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

С.П. У вас много друзей. А была ли в вашей жизни встреча с человеком, которого вы хотели бы назвать своим другом, но дальнейшее расстояние, разный круг общения не способствовали близким, искренним отношениям?

А.И. Не было такого человека.

С.П. Недавно ушёл из жизни Виктор Иванович Мережко, замечательный киносценарист, режиссёр. Фильм «Полёт в сне и наяву», снятый по его сценарию, и фильм Феллини «Дорога» схожи концовками. Ещё крепкие, молодые мужчины в отчаянии падают на землю, сворачиваясь в позу эмбриона. Вы говорили, что Виктор Иванович не хотел, чтобы его считали стариком. Но старость – заключительный акт человеческой жизни. Мы по-иному видим прошлое, свои поступки, понимаем неотвратимость вечных законов бытия. Вы много ездили по миру, как вы думаете, мир стареет или у него нет возраста? И люди какой страны вас удивили более всего?

А.И. Вопрос для меня слишком сложный. Никогда не задумывался над вечными законами бытия. Потому что считаю бессмысленными раздумья над тем, на что я никак не могу повлиять.

С.П. Вы собираете трогательные вещицы, их можно назвать народным творчеством – искренним, безыскусным. Есть ли среди них та, что особенно умиляет вас?

А.И. Это называется не народное творчество, а «китч» – кухонное искусство. Относятся к этому иронично-презрительно, а я полагаю, что это хоть и примитивное, но самое искреннее искусство. Все эти кошечки-копилочки, коврики с русалками и лебедями, целующиеся голубки... Прелесть!

С.П. «Люби меня, как я тебя...», целующиеся голубки – всё это есть и в современных поделках. И самые крутые мечтают о нежности в отношениях, где нет места изменам. Но ящик Пандоры открыт. Осведомлённость во всём, скорость знакомств и расставаний делают этот мир жёстче. Смогут ли через 100 лет наши потомки понять, о чём вообще слагали стихи, пели, снимали фильмы чудаки XX века?

А.И. В деталях и подробностях быта, конечно, ничего не поймут. Но вечные темы – любовь и верность, предательство и ревность – будут понятны всегда.

С.П. В вашем фильме «Единожды солгав» есть слова: «Единственное оправдание человеческой жизни – помочь другому человеку». Неоднократно я обращалась к вам за помощью, вы ни разу не отказали мне. Думаю, и другим вы всегда готовы помочь тем, что в ваших силах. Откуда в вас неравнодушие к людям? От воспитания? Оттого, что родились в СССР? И была ли так же отзывчива Инна Александровна?

А.И. Не стоит преувеличивать мою помощь в разных ситуациях. Просто делаю то, что могу и должен делать. А вот Инна моя была святая. И она помогала очень многим, порой даже незнакомым людям. Потому что Инна была глубоко верующей христианкой. Имела духовника, творила молитвы дома, соблюдала праздники и посты. Всего один пример. В наше последнее посещение Иерусалима Инна уже плохо ходила, её возили на коляске. Но когда мы пришли ко Гробу Господню, Инна поползла на коленях по каменным ступеням на Голгофу и обратно.

С.П. *У каждого человека – свои испытания, свои потери. Нет ли у вас желания сейчас, когда пройдено так много за долгую жизнь, написать сценарий фильма, быть может, совсем не похожего на ваши прежние работы?*

А.И. Нет. Не считаю мою жизнь достойной какого-то особого сценария.

С.П. *В начале было Слово... На передаче «Судьба человека» вы сказали, что у вас два сына, внук, но вам очень хотелось бы, чтобы в семье появилась маленькая девочка. И вскоре судьба послала вам Маргариту (Жемчужинку). Фильмы, снятые по вашим сценариям, наполнены добротой, сердечностью. Слова, произнесённые вами, дарят людям веру, надежду, любовь. Редакция нашего журнала благодарит вас за интервью, предоставленные фотографии и желает вам доброго здоровья на долгие годы и творческих успехов!*

От редакции: Светлана Геннадиевна Панкратова родилась и живёт в Саратове. Окончила Школу молодого журналиста при Областном Союзе журналистов, сценарный факультет ВГИКа (мастерская А. Я. Инина). Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. И. Белова, литературного конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в жураналах «Наш современник», «Волга–XXI век» и др.

Аркадий Яковлевич Инин (первоначальная фамилия Гуревич) – советский и российский писатель, драматург, сценарист, актёр, публицист, педагог, профессор ВГИКа, заслуженный деятель искусств РСФСР (1989).

Родился в 1938 году в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт. Увлёкшись эстрадой, участвовал в капустниках, в играх КВН и, отработав инженером восемь лет, поступил во ВГИК на факультет кинодраматургии.

Псевдоним (а потом – и официальную фамилию) *Инин* взял в честь жены Инны.

Автор сценария сорока кинокомедий, тридцати книг, более двухсот теле- и радиопередач. Создатель популярных телепрограмм «Вокруг смеха» и «От всей души!». Заслуженный деятель искусств РСФСР. Профессор ВГИКа. Член КПСС с 1979 года.

Член жюри фестивалей сатиры и юмора в Габрово (Болгария), «Золотой Дюк» (Одесса), КВН, «Кинотавр» (Сочи), Ялтинского российско-украинского кинотелефестиваля, «Веселая Коза» (Нижегород), «Окно в Европу» (Выборг), кинофестиваля в Черногории.

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

ПЕРВЫЙ ИЗ ТИТАНОВ ФАРСИЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Прежде всего сделаем необходимые оговорки относительно имени поэта. Фирдоуси (Райский) – псевдоним, а настоящее полное имя: Хаким Абулькасим (Абу-ль-Касим) Хасан Фирдоуси Туси. Встречаются разные датировки его жизни: 940–1025 гг., между 932-м и 941-м–между 1020-м и 1026-м, 934-й или 941-й–1020-й. Наконец, при формальной принадлежности Ирану Фирдоуси на равных правах считается персидским и таджикским поэтом (стоит напомнить, что вплоть до XVI века в состав Ирана входили земли, на которых жили предки современных таджиков и персов).

Поэту приписывают лирические стихи и поэму на библейско-коранический сюжет «Юсуф и Зулейха», но их принадлежность Фирдоуси маловероятна. Поэтому рамки рассмотрения его творческого наследия правомерно ограничиваются единственным произведением – это всемирно известная поэма «Шахнамэ» (распространено и написание «Шах-наме», а также встречается «Шах-намэ»).

Обозначение «поэма» в данном случае более чем условно, поскольку она колоссальна по объёму (более 100 тысяч строк, что в современном русском издании составляет содержание девяти томов), который намного превышает «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Поэтому «Шахнамэ» – поистине монументальная эпопея, основные разделы которой естественно именовать книгами.

Создавалась она с 976-го по 1010-й год: её первая редакция была закончена в 994-м, вторая – в 1010-м или 1011-м, превышая

-
- Александр Иванович Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, главный научный сотрудник и руководитель организованного им Центра комплексных художественных исследований, действительный член (академик) Российской и Европейской академий естествознания, заслуженный деятель искусств России, обладатель Золотой медали В. И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и почётного звания «Основатель научной школы», главный редактор журнала «Манускрипт» и член редакционной коллегии ряда российских и зарубежных журналов, лауреат премии имени Д. Д. Шостаковича и Международной премии имени Николая Рёриха, почётный гражданин города Саратова.

первую почти вдвое (позднее, вплоть до кончины, поэт вносил в неё некоторые изменения).

«Шахнаме» («Книга о царях», то есть о шахах) – общее название прозаических и стихотворных сводов мифов и исторических хроник иранских народов. По некоторым сведениям, подобные своды начали составлять ещё в III–VI веках, и ранее IX столетия появилась книга «Хватай-намак» (пехлевийское – «Книга о царях»), дошедшая в изложении на арабском и других языках. Она легла в основу различных «Шахнаме».

Импульсом к созданию таких сводов на фарси (основной язык персов, официальный язык Ирана) послужило то, что в период господства Саманидов (887–999 гг., не путать с династией Сасанидов, иранские шахи в 224–651 гг.) возродился интерес к иранской старине, в том числе собирались легенды и предания о богатырях и царях, живших до арабского нашествия.

Есть свидетельства о четырёх не дошедших до нас произведениях:

- «Шахнаме» Абу-ль-Муайяда Балхи (963-й);
- «Шахнаме» Абу Али Мухаммада (~960-е годы);
- «Шахнаме» Масуди Марвази (составлена ранее 966-го);
- «Мансурова Шахнаме», посвящённая шаху Мансору (закончена в 957-м).

Одним из авторов последнего из названных сводов был Дакики (Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики, умер около 977-го). К концу жизни он приступил к созданию стихотворной «Шахнаме», но неожиданная гибель прервала его работу, и написанные им 998 бейтов (двустихий) Фирдоуси включил в свою эпопею.

Его «Шахнаме» представляет собой поэтическую обработку иранских эпических сказаний (дастанов), и в своём своде он постоянно с благодарностью упоминает, что услышал их от кого-либо из дихкан (дихкан – представитель знати средневекового Ирана, не путать с названием «дехканин», что означает крестьянин). Будучи величайшим знатоком и страстным поклонником родного фольклора, Фирдоуси творчески переработал его богатства, что вылилось в грандиозную по охвату и законченную в своей логической последовательности систему единого литературного повествования.

Оно явилось для истории жанра «Шахнаме» не только итогом, но и вознесло данный тип литературного творчества на недосягаемую высоту во всех отношениях, в том числе по мастерству воплощения двух магистральных идей: картина мироздания и воинский эпос.

***

Как и какой складывается у Фирдоуси картина мироздания? На её восприятие нацелена уже сама по себе структура его «Шахнаме» со свойственной ей необъятной ретроспективой тысячелетий, уходящей вглубь до начала времён. Эпопею составляют три части: мифологическая (о легендарных царях), богатырская (преимущественно о подвигах Рустама) и историческая (о реальных царях первых веков н.э.).

Формально композиция поэмы соответствует периодам царствования пятидесяти легендарных и исторических шахов Ирана. Причём, как правило, речь идёт о тех, титул которых не просто шах (перс. повелитель, государь), а шаханшах (царь царей, в обычном написании – шахиншах).

Содержание первой части составили древние мифы и космогонические представления, отчасти известные по «Авесте» (собрание священных книг зороастризма), а также предания о династии Кеянидов.

Повествование открывается рассказом о сотворении мира и сотворении человека. А далее на арене истории появляется Каюмарс, который первым заявил: «Я властитель» – и «первый на своё чело / Надел венец». При нём были узаконены исходные государственные установления, людей «он шкурами звериными одел», их «научил готовить пищу».

Всё было замечательно, но объявился Ахриман – враг человеческий, собравший вокруг себя волчью стаю злых дивов. В битве «с исчадьем адских сил» погиб сын Каюмарса, но победил злодея его сын Хушанг, внук Каюмарса. Началось царствование Хушанга, затем его сына Тахмураса и впоследствии его внука Джамшида.

Каждый из этих царей что-то делал для вразумления людей:

- Хушанг впервые добыл огонь, обучил людей кузнечному делу, научил их орошать поля и возделывать земли;
- Тахмурасу удалось обуздать многие из бесовских полчищ, освоить письмо на тридцати языках, включая персидский, арабский, греческий и китайский;
- Джамшид научил людей изготавливать оружие, прясть и шить одежду, делать кирпич и возводить дома, врачевать больных.

*Так триста лет прошло за веком век.
Не знал в то время смерти человек,
Не знал нужды, не ссорились друг с другом.*

То есть рисуется «золотой век», который мог бы длиться и длиться, но возгордился Джамшид, полагая, что именно он устроил мир таким, и Бог лишил людей своей благодати.

С этого начинается последующая, «бренная» история многих поколений. Огромная по объёму и легендарная по своей сути богатырская часть «Шахнаме» завершается гибелью её главного героя – Рустама.

Затем следует историческая часть эпоса, в которой после книги «Искандар» (посвящена Александру Македонскому) описываются в основном времена династии Сасанидов.

Завершающая книга поэмы – «Нашествие арабов», где данное событие обрисовано не просто с непереносимой горечью, но как некий национальный апокалипсис, когда всё в жизни страны было подвергнуто разрушению и воцарилось кромешное зло. В преддверии этого крушения одному из славных сынов Ирана предстаёт пророческое видение.

*В презренье будут верность, справедливость,
Возвысятся ущербность, зло и лживость.*

*Рвать будут друг у друга, расхищать...
На всё падёт проклятия печать.*

*Всеобщей злобой души развратятся,
И, как гранит, сердца ожесточатся.*

*Замыслит злое сын отцу, а тот
Сам против сына козни возведёт.*

*Не слышно будет праздников нигде,
Лишь козни будут строиться везде.*

Таким образом, складывается гигантская панорама национального бытия: от незапамятной мифической древности до конкретно-исторических реалий VII века н.э. И собрание неисчислимого множества полуфантастических преданий и правдоподобных легенд, стихотворных летописей и лирических поэм, назидательных сказов и философских раздумий образует единственный в своём роде эпический синтез – единственный по всеохватывающей универсальности и внутренней цельности.

***

Одна из определяющих идей, пронизывающих эпопею Фирдоуси, состоит в художественном исследовании царящей в мире нескончаемой битвы добра и зла. В этом поэт опирался на издавна укоренившийся в сознании персов дуализм противостоящих начал, олицетворяемых Ахурамаздой, верховным божеством Добра, и его извечным врагом Ахриманом, верховным божеством Зла.

Праведные люди выступают в иранской мифологии как представители Ахурамазды, а всё неправедное (в том числе нечистая сила) является порождением Ахримана. Человека поддерживает то, что верх в конечном счёте должен одержать Ахурамазда.

Фирдоуси претворяет этот базисный закон мироздания с достаточной диалектичностью. Да, у него есть персонажи, которых можно считать эталонами добра или зла. Однако много чаще его герои едва ли не в равной мере способны быть вершителями блага и в то же время склоняться к неправедным помышлениям.

Подобную диалектику поэт самым тщательным образом рассматривает на примерах правления различных властителей. Многократно показывая неприглядное обличье тех, кто правил несправедливо и во вред интересам страны, он всеми силами стремится раскрыть представления о лучших из лучших.

В качестве высшего образца приводится герой книги «Ардаши́р Бабака́н», о котором говорится: *«Таким да будет каждый государь, / Каким был Ардашир великий встарь!»* Передавая сыну власть, Ардашир завещает ему этические предписания безупречного властелина.

*Три червоточины в престоле есть:
Злой царь, его насилие и месть.*

*Умей в делах правленья беспокойных
От недостойных отличать достойных.*

*Для добрых дел сокровищ не жалея;
Они стране – как влага для полей.*

*Всегда старайся гнев свой потушить.
Прости вину, где можешь ты простить.*

*Будь мудр и сдержан, шах, ко всем и всюду,
Доброжелателен к простому люду.*

*Будь милостивым, щедрым, справедливым –
И назовут тебя царём счастливым.*

В книге, повествующей о благородном и чистосердечном царевиче Сиявúше, рассказывается об одном из его славных дел. Построенный им город – воплощение мечты поэта об идеальном жизнеустройстве, которому непременно сопутствует чувство красоты.

*Весь мир пройдёшь, на землю поглядишь –
Все царства и края затмил Гангдúж!*

*Тот город Сиявуша был твореньем,
Над каждым потрудился он строеньем.*

*Обширный город за стеной возник.
Куда ни глянь – дворец, чертог, цветник,*

*Горячие купальни, водопады,
Везде веселье, яркие наряды;*

*Не зноен зной, не холоден там холод,
То – счастья город, изобилья город.*

*Там ни больных не встретишь, ни калек,
Там райский сад, там счастлив человек!*

Приводя описания различных царствований, поэт-гуманист подталкивает читателя к выводу, что высшим законом для страны и высшим Добром должно являться благо народа.

Так, рассказ о земле брахмáнов ведётся под углом зрения обрисованной здесь социальной утопии: всё сводится к тому, заботится ли царь о благополучии своих подданных, дорожит ли их счастьем и довольством или он алчен и себялюбив. Вновь и вновь настоятельно проводится мысль: если властелин справедлив, в стране царит благополучие, в противном случае, её постигают бедствия.

В только что упомянутой книге шах Ардашир подытоживает свои раздумья, обращённые к сыну-наследнику, восклицанием: «*Не угнетай народ! Хвалимый всеми, / Ты победишь забвение и время*». Иначе следствием несправедливого правления могут стать не только людские несчастья и всеобщее недовольство властью, но и открытые выступления против неё.

И автор очень сочувственно описывает подобные выступления, утверждая обоснованность тираноборчества. Своеобразной аркой в эпопее становятся повествования о двух народных восстаниях: одно, из легендарных времён, в начальных книгах; второе, исторически документированное, – в завершающих книгах.

Первое из них («Сказ о Кавá-кузнеце») в передаче Фирдоуси чрезвычайно примечательно в двух отношениях.

Во-первых, здесь с особой силой воссозданы образы простых людей, способных на высокие чувства и на подвиг во имя справедливости и человеческого достоинства.

И, во-вторых, проводится мысль о возможности успешного исхода подобного выступления народных масс. К тому же отмечается и тот факт, что в мире зла порой достаточно найти храбрецу, который отважится бросить клич свободы, и люди пойдут за ним против ненавистного владыки.

Кава, бесстрашно высказав царю, который был *«подобьем змея»*, всё, о чём тайком думали другие (*«Гоге – наш удел»*), выходит на городскую площадь, призывая простолюдинов *«сбросить змея тяжкий гнёт»* и возвести на царство благочестивого Фаридуна. Вздёрнутый на копьё кожаный фартук кузнеца становится знаменем восставших и с тех пор, украшенный драгоценностями, является атрибутом иранских правителей (оно в «Шахнаме» впоследствии упоминается не раз).

Второе из названных восстаний действительно произошло в начале VI века н.э., и оно потрясло основы Сасанидского государства. Соответствующая книга («Маздак») названа по имени предводителя этого народного движения, который выдвинул идею отрицания богатства и крупной собственности как главного зла в мире и ратовал за всеобщее социальное равенство. Надо ли говорить о смелости Фирдоуси, в одном из оплотов восточной деспотии воспевшего пусть утопические, но столь радикальные помыслы.

***

Наблюдая перипетии человеческого бытия, Фирдоуси склоняется к выводу о том, что многое, если едва ли не всё, в подлунном мире предопределено. Поэт допускает, что этим можно пользоваться и как оправданием чего угодно из того, что делает человек.

Уже упоминался находящийся в соседней Индии утопический край брахманов, которые сознательно живут в бедности, питаются плодами земли, не убивают живности и не ведут войн. Всемогущий Александр Македонский (книга «Искандар») приходит к ним не для завоевания, а чтобы познать мудрость жизни.

Они говорят ему о тщете всего сущего и порицают его за притязания посредством войн стать властелином мира. Искандар соглашается с тем, что всё бrenно на земле, но уверяет собеседников: за его действиями стоит воля высших сил, и ему было предопределено поступать так, как он поступал.

*Не мной, а грозной волей провиденья
Убиты были павшие в сраженье.
Они не жертвы моего удара –
Постигла их божественная кара.*

Словно бы следуя народному присловию «что написано на роду», Фирдоуси прослеживает целую череду человеческих судеб. Среди них и трагедия лучшего из лучших, с которым злосчастие в лице клеветников справляет своё чёрное дело (книга «Сиявуш»).

Он – сын шаха, «дивное дитя». Его измлада отдали на воспитание Рустаму, богатырей из богатырей – *«И стало так, что Сиявушу равных / На свете не было средь самых славных»*. Но ещё когда шаху впервые принесли младенца и он, восхищённый, увидел в нём *«вершину бытия»*, тогда же *«звёзд круговращенье»* напороочило: *«...сына ждёт беда, / Увы, омрачена его звезда»*.

Первая беда грянула оттого, что мачеха повзрослевшего Сиявуша влюбилась и возжелала его. Но благонравный царевич не позволил себе опорочить отца, и она оклеветала его перед шахом (к слову, мотив отвергнутого чувства женщины и подлое мщение за это, как мы знаем, распространённый сюжет мировой литературы, начиная с ветхозаветного Иосифа Прекрасного).

Дальше следует цепь злоключений с аналогичным алгоритмом: после очередного тяжёлого испытания на следующем витке жизни у Сиявуша поначалу всё складывается наилучшим образом, что так соответствует его достоинствам – богатырской мощи, добродетельной душе, благородству и красоте. Но затем обязательно находится завистник, которому удаётся оклеветать невинного. И дело заканчивается тем, что Сиявуш погибает от козней злодеев.

Слабый свет надежды на торжество справедливости состоит только в том, что за его смерть долгое время спустя смог отомстить сын, вступивший на престол Ирана. Тем не менее, книга о Сиявуше буквально вопиет: до чего же подчас ненасытна судьба в своей жестокости к человеку! И поэт многократно напоминает о непостижимом своенравии Фортуны, бросая ей горькие упреки.

*О, свод небесный, в чём твой жалкий дар?
Показываешь фокусы, фогиляр!*

*То мечешь стрелы, то грозишь кинжалом,
То – вихрями, то – градом небывалым,*

*То – подлостью, а то в тяжёлый час
Ты от опасности спасаешь нас.*

*Даришь престол и царскую столицу,
А то – позор, и горе, и темницу.*

*Мы на земле страдаем без вины –
Такую жизнь оплакать мы должны.*

*Что сердце, разум, чести голос гневный?
Постель из праха – вот итог плачевный!..*

***

Печальную тираду «Постель из праха – вот итог плачевный!..» Фирдоуси подтверждает соображением о суровой неизбежности конца любой жизни.

*Когда палящий вихрь пески взметает
И плод незрелый на землю собьёт –
Он прав или не прав в своём деянье?
Зло иль добро – его именованье?
Ты правый суд зовёшь, но где же он?
Что – беззаконье, если смерть – закон?*

«Смерть – закон», и эта непререкаемая истина ввергает автора в безудержную скорбь весьма пессимистического наклонения.

*Никто не вечен. Хоть живи сто лет,
Всяк осуждён покинуть этот свет.
И будь то воин или шах Ирана,
Мы – дичь неисследимого аркана.
Наступит время, всех нас уведут*

*На некий Страшный и безвестный суд.
Длинна иль коротка дорога наша –
Для всех равно – дана нам смерти чаша.
Как поразмыслить, то сейчас навзрыд
Оплакать всех живущих надлежит!*

Вновь и вновь поэт возвращается к мысли о тщете земной жизни и неизбежном уделе всех людей, призывая в качестве средства облегчения проникнуться равнодушием к соблазнам жизни, чтобы не оказаться в путах привычных привязанностей (это в чём-то сродни «рецептам» буддизма).

*Беги, живущий, суеты мирской,
Не прилепляйся к миру всей душой!*

*Кто б ни был ты – подёнщик или царь –
Уйдёшь, а мир останется как встарь.*

*Пусть твой венец к Плеядам вознесётся,
Собрать пожитки всё ж тебе придётся.*

<...>

*Будь ты престолюдин иль шаханшах,
Пристаннице твоё в грядущем – прах.*

И всё-таки, в очередной раз перечислив самых сильных мира сего, обратившихся в прах, поэт-гуманист утверждает: отнюдь не всё на земле превращается в ничто – остаётся память о тех, кто творил добрые дела (здесь встретится понятие «фарр», означающее божественную благодать, осеняющую в виде нимба носителей верховной власти; пахлаван – главнокомандующий).

*Куда ушли мужи в коронах звёздных?
Где фарр и счастье властелинов грозных?*

*Где полководцы, пахлаваны-львы?
Где кости их? Где гордые главы?*

*Их изголовье – прах, зола и камень.
Но славу добрых не пожрёт и пламень.*

«Славу добрых» Фирдоуси персонализирует весьма конкретно:

*Всё в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.
И солнце и бури – всё выдержат смело
Высокое слово и доброе дело.*

«Лишь дело героя да речь мудреца...» «Дело героя» поэт воспел в многочисленных книгах, составляющих вторую часть «Шахнаме», и об этом богатырском эпосе речь впереди. «Речь мудреца» подразумевает, конечно же,

не просто данную человеку от природы способность размышлять, а философскую глубину понимания мира.

К тем, кому ведом подобный полёт мысли, обращено открывающее эпopeю «Слово в похвалу разума», где о разуме говорится, что он *«из высших даров»*, данных Богом, и ничего *«нет выше, чем разум»*. В том числе именно такой разум – *«венец властелина державного / Краса повелителя славного»* – и залог подлинной нравственности (*«И тот, в ком светоч разума горит, / Дурных деяний в мире не свершит»*).

В этом гимне разума звучит и «последняя истина», которую отчётливо осознал Фирдоуси и которая так задолго предвосхищала интеллектуально-художественный поиск Гёте: процесс познания бесконечен, а у мысли человеческой всегда есть свои пределы.

***

Центральная часть «Шахнаме» – это богатырский эпос. Здесь воссоздаётся целая галерея тех, кто обладал необыкновенной силой, отличался чертами яркой личности, был наделён врождённой способностью к подвигу, считал защиту рубежей Ирана своим священным долгом и ввиду всего этого стал легендой родной истории.

Они проявляют чудеса богатырства всевозможным образом (особенно часто в эпизодах охоты), но самое главное в их жизни – битвы и поединки, где они являют свою ратную доблесть, и потому соответствующие разделы эпopeи – это, прежде всего, воинский эпос.

Среди обрисованных пером Фирдоуси богатырей разных времён в качестве конкретного примера остановимся вначале на том, которому посвящена книга «Семь подвигов Исфандиара». Сакральное число его деяний восходит к традиции древних сказаний (параллелью этому в «Шахнаме» становится «Семь подвигов Рустама»).

Те, кого призван одолеть *«миродержавный шах»* – разного рода фантастические существа. Как раз этой фантастичностью и отличается данное повествование. Так, касательно первых чудищ героя предупреждают, что ему предстоит встретить *«двух волков, в гневе неумных, / Как два слона, могучих и огромных. / У них рога растут на лбах крутых, / Слоновым бивням и клыкам подобны»*.

Каждый из следующих подвигов всё невообразимее по степени трудности. И всякий раз Исфандиар побеждает либо воинской силой, либо хитростью, раскрывая могучий потенциал своего тела и ума.

Ему присущи благородство, забота о своём войске. Отправляясь на очередной из семи подвигов, он всегда идёт один, поскольку *«Что ждёт нас – я не знаю... / Я не хочу людей ввергать в беду; / Вы стойте здесь, а я вперёд иду»*.

А ведь в воинстве этом были и богатыри, но герой превосходил всех многократно. Хотя между строк можно почувствовать и некий подтекст: даже подвергая себя смертельной опасности, Исфандиар не желал делить свои победы с кем-либо.

В центре богатырской части «Шахнаме», а по существу и всей эпopeи – величественный образ Рустама (в другой транскрипции – Ростем), само имя которого восходит к старинному слову «богатырь». Ему посвящена здесь целая серия книг, и его значимость подчёркнута даже драматургической аркой: первая книга центральной части («Заль и Рудабá») рассказывает о рождении Рустама, а её последняя книга («Рустам и Исфандиар») – о его гибели.

Рустам является любимым героем иранских преданий, и его образ ещё до Фирдоуси нашёл отражение в нескольких анонимных поэмах. В восприятии персов этот сказочный богатырь как неприступная крепость стоял на страже родной земли на протяжении полутысячелетия (приближаясь к финальной черте своей жизни, он говорит: «Шесть сотен лет я прожил на земле»).

У него были славные предки: отец и дед – известные в сказаниях богатыри. Под стать отцу была и его будущая мать, в описании красоты которой автор использует все ресурсы красноречия.

*Есть дева за завесой у царя,
Лицо её сияет как заря;*

*Слоновой кости уподоблю тело,
С платаном стан её сравню я смело;*

*Чернее мускуса – арканы кос,
Запястий кольца – завитки волос;*

*Цветы граната – две её ланиты,
К плодам граната груди приравни ты!*

*Сравню глаза с нарциссами в цвету,
Ресницам ворон отдал черноту;*

<...>

*Напоминают брови лук таразский,
Слегка покрытый мускусною краской;*

*То – мира ненаглядная весна,
Певучая, нарядная весна!*

Среди перлов мудрости, которые попутно с щедростью разбрасывает поэт, есть и касающаяся жизненно важного момента, определённого Божественным промыслом.

*Чету Он создал – жизни торжество:
Потомству не бывать от одного!*

*Четами он все твари сотворил,
Тем самым тайну мира нам открыл.*

*Что со вселенной стало бы и с нами,
Когда бы твари не жили четами!*

*На свете краше витязя не встретим,
Чем тот, кто светится любовью к детям.*

*Когда его последний час придёт,
Он жизнь в потомстве снова обретёт.*

***

Итак, сложилась редкостная, великолепная чета двух любящих сердец, и ясновидцы прощают, что от неё произойдёт невиданное существо.

*От этих двух родится слонотелый,
Могущественный, доблестный и смелый.*

*Он завоюет мир, он вознесёт
Престол царя царей на небосвод,*

*С лица земли сметёт он всех злодеев,
С землёй сровняет, недругов развеяв,*

*Надеждою Ирана станет он –
Будь этой доброй вестью озарён!*

Пророчество сбылось, что подтверждается столь характерной для средневекового эпоса гиперболичностью описаний:

- родившись, герой растёт не по дням, а по часам;
- в детстве одним ударом булавы убивает бешеного слона;
- повзрослев, обращает в бегство целое войско;
- и ему постоянно приходится истреблять чудовищных драконов и дэвов (злых духов).

*Поганую голову снёс он мечом.
Кровь злого дракона забила ключом,
Вокруг разливаясь: луг, поле и ров –
Всё разом окутал багровый покров.
И рухнул дракон и долину укрыв
Громадою чёрных, раскинутых крыл.*

Тахамтáн (Мощнотелый) – таково почётное прозвание богатыря, и его сверхчеловеческая сила, его исключительная воинская доблесть неизменно служат благу страны. В том числе, забыв нанесённые себе обиды и оскорбления, он всегда приходит на помощь незадачливому шаху, поскольку видит в надёжности трона гарантию единства и целостности Ирана.

С наибольшей рельефностью многогранный, драматически сложный образ героя-патриота предстаёт в книге «Рустам и Сухраб». И если «Шахнаме» является вершиной героического эпоса в фарсиязычной поэзии, то вершиной этой вершины можно считать данную книгу. Вот что побуждает остановиться на ней подробнее – тем более что по своей художественной значимости она весьма выделяется в кругу остальных книг.

Совершенно неожиданный поворот её сюжета связан с образом прекрасной Тахмины, дочери шаха соседнего государства. Случай занёс Рустама туда, где все поголовно наслышаны о его подвигах. После пира, данного в честь столь именитого гостя, его отводят в покои, и среди ночи к нему является Тахмина. Поэт не жалеет слов, чтобы нарисовать портрет этой красавицы из красавиц.

*Как солнце дня, светла была она.
Два лука – брови, косы – два аркана,
В подлунной не было стройнее стана...
Как роза с сахаром – её уста:
Жемчужин полон ларчик нежный рта...
Безгрешна телом, мудрая душой –
Она казалась пери неземной.*

И за много столетий до пушкинской Татьяны царевна первой объясняется в любви богатырю-иноземцу, объясняя свой поступок тем, что «с младенчества она о нём узнала» и всегда с волнением сердца слушала рассказы о его деяниях. Вот почему, когда Рустам волей судьбы оказался в их краях, она отважилась прийти к нему сама, чтобы сказать:

*Во-первых: вся я так полна тобой,
Что страсть моя затмила разум мой.
И во-вторых: прошу я – дай мне сына,
Такого же, как сам ты, исполина.
Пусть будет храбр он и силён, как ты,
И счастьем так же вознесён, как ты.*

Тут же играют свадьбу, и желание Тахмины исполняется. Фирдоуси с чрезвычайной деликатностью и поэтичностью поведал о брачной ночи.

Рустам возвращается к себе на родину, а Тахмина воспитывает желанного сына Сухраба (существует и транскрипция Сохраб). И так уж получается, что, зная о нём и радуясь ему, отец не увидел сына до роковой схватки.

***

В книге «Рустам и Сухраб» тема богатырства претворена как нечто донельзя чрезвычайное. Причём особый эффект состоит в том, что это чрезвычайное предстаёт как убеждающе реальное, и гиперболизм в обрисовке двух исполинов совершенно лишён какого-либо фантастического антуража.

Рядом с ними называется немало других богатырей, но при всех своих достоинствах они безусловно меркнут в сравнении с главными героями. Равные по силе Рустам и Сухраб – именно исполины, в облике которых планка богатырства поднята на неимоверную высоту.

О Рустаме читающий «Шахнаме» уже многое знает по предыдущим книгам, однако автор находит всё новые краски и эпитеты, чтобы живописать его несравненное могущество. Здесь обрисовка героя начинается с охоты на онагров (онагр – дикий осёл, кулан; в средневековом Иране среди знати было принято охотиться на этих животных). Закончив охоту, Рустам готовит себе ужин.

*Ствол дерева сломил Слоновотелый,
Огромный вертел вытесал умело.
И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.
И разорвал, и съел всего онагра.*

Тахмина, рассказывая сыну о Рустаме, утверждает: «От первых дней не создавал Творец / Такого витязя, как твой отец. / Он сердцем – лев, слону подобен силой». Его сподвижники восклицают: «О лев, бесстрашно смелый! / Что без тебя мы все, Железотелый?» Шаханшах в ситуации грозящей опасности со всей восточной велеречивостью подтверждает величие Рустама:

*Ты – столп страны, источник вечных сил,
Ты – мощь, и сердце, и хребет Ирана!
Ты – в подвигах великих неустанный...*

Что касается самого Сухраба, то он с малолетства не уступал своему отцу.

*Был через месяц сын как годовалый:
Грудь широка, как у Рустама, стала.
Он в десять лет таким могучим был,
Что с ним на бой никто не выходил.
На всём скаку степных коней хватал он,
За гриву их рукой своей держал он.*

Достигнув зрелости, «огромен был Сухраб, как мощный слон... подобны конским бёдрам руки были... схож с могучим львом». Вельможа, увидевший его в бою, докладывал шаханшаху:

*...Ростом он невиданно огромен
И силой исполинской наделён.
Его, как дуб индийский, крепок стан...
Подобных в мире нет богатырей...
Быть может, равен лишь Рустам ему.*

Ещё будучи отроком, но сознавая свои возможности, Сухраб вознамерился завоевать Иран, где вместо жалкого и лживого венценосца сделать шахом отца, а мать – царицей, себе же отвоевать соседнюю страну, где правил коварный властитель, от которого исходило много бедствий. Он жаждет сделать это, «*чтобы путь открыт добру*», горделиво заявляя:

*«Лишь я и мой прославленный отец / Достойны на земле носить венец.
Когда два солнца в мире заблестало, / Носить короны звёздам не пристало!»*

***

Кульминацией рассматриваемой книги и воинского эпоса вообще, каким он представлен в «Шахнаме», становится ристалище, главными участниками которого оказываются Сухраб и Рустам. Но прежде – первый из них устраивает полчищам иранского шаха настоящее побоище.

Гибнущему войску на помощь спешит Рустам. И, согласно законам эпической поэзии, в три дня подряд следуют его три боя с Сухрабом, в продолжение которых оба не знают, что они отец и сын.

Они равны в своей мощи и силе, но Рустам уже в годах, и Сухраб, будучи юным и пылким, начинает одерживать верх. Подвело его именно то, что «*чист был душою Сухраб, добросердечен*» и был он человеком высокого благородства. Великий воин своей статью внушил Сухрабу невольную приязнь к себе, и тот мучается не дающим ему покоя вопросом, решая который, опять-таки проявляет благородство духа.

*«Поистине – он как Рустам на вид. / Уж не отец ли мой мне предстоит?
Томлюсь я тяжкой мукой и не знаю – / Не на отца ли руку поднимаю?
Как буду жить я? Как перед Творцом / Предстану с чёрным от греха лицом?
Нет, и под страхом смертного конца / Не подыму я руку на отца!»*

Из тех же благородных побуждений он предлагает Рустаму перед вторым боем мир и дружбу, что старый воитель, верный своему долгу, категориче-

ски отвергает. На закате этого дня Сухраб повергает Рустама наземь и заносит над ним кинжал. И тот идёт на обман, рассказывая небылицу о якобы существующем воинском уговоре, что врага нужно одолеть дважды и только тогда умертвить.

*Вот так, чтоб в этот раз освободиться,
Решил Рустам премудрый ухитриться.
Хотел он из драконьих лап уйти
И голову от гибели спасти.
Сухраб могучий, с богатырским телом,
Был ещё отрок с разумом незрелым.
Поверил он неверным тем словам –
Он думал, что не может лгать Рустам.*

Вот когда обнаруживается отличие в характерах отца и сына: безусловное благородство первого и изъян в этом отношении у второго. Изъян этот подтвердится в будущем ещё раз: победы над Исфандиаром он добьётся благодаря чародейству.

В ночь перед третьим боем Рустам молит небеса вернуть ему то, от чего он отказался в молодости, когда его слишком тяготила подаренная ему Творцом невероятная мощь, что «если он на камень наступал, / То ногу в камень тяжело погружал». К Рустаму возвращается прежняя сила, и в последний день поединка ему удалось повергнуть Сухраба, после чего он вонзил в него смертоносный кинжал.

Умирающий юноша сожалеет только о том, что так и не повидал отца. И он показывает тот талисман, который Рустам прислал из своего далёка на рождение сына, после чего следует горестный эпилог повествования.

***

Автор с самого начала предупреждал о трагическом завершении этой истории, адресуя ноту открытого сострадания её главным героям: «Рассказ о них, омывтый влагой глаз, / Печалью сердце наполняет в нас». Этим словам соответствует исключительная сила драматических переживаний финала книги. Безмерно горе Рустама, который во всём происшедшем винит только себя.

*Я страшное злодеяние совершил!
Беду такую снести не хватит сил...
Я поразил единственного сына,
Убил я молодого исполина,
Дитя своё убил на склоне лет,
Мне утешенья в этом мире нет!*

И всё-таки ему сил «беду такую снести» хватило. После гибели сына, так омрачившей существование великого богатыря, он продолжил свершать свои подвиги на благо Ирана. Иное дело – прекрасная Тахмина, для которой смерть сына означала конец всему.

*Она рвала одежды в исступленье.
Бушующая, как небесная гроза,
Не слёзы – лили кровь её глаза.
Она вопила в муке, и стонала,*

*И волосы с корнями вырывала...
Едва лишь год и прожила она,
И умерла, тоски снести не в силах...*

Книга «Рустам и Сухраб» – чрезвычайно развёрнутая по объёму поэма. Она содержит множество разного рода ответвлений, побочных перипетий и мотивов общей фабулы.

К примеру, одним из таких отстранений становится рассказ о вспыхнувшей в груди юного Сухраба любви к своенравной девушке-богатырше Гурдафарид (дословно: рождённая богатырями).

*Как витязя, влекла её война.
Отцов-богатырей была в ней сила,
Она в боях мужей копьём разила...
Ловка была она, не знала страха.*

И Сухрабу в единоборстве нелегко удалось одолеть её, а затем так же нелегко отринуть своё чувство ради служения поставленной цели.

Или ещё один крупный сюжетный узел – ссора Рустама с шаханшахом, в ходе которой исполин напоминает властителю Ирана, насколько, по сути, он значимее для страны, насколько несопоставимы их личности и насколько тот обязан ему своим пребыванием на троне.

Так что целое складывается в подлинный роман большого дыхания, масштабнейшего размаха событий и многогранности обрисованных характеров. Его внутренним смыслом становится идея предопределённости.

То здесь, то там в повествовании мелькают краткие философские сентенции типа «*Всё совершится, как предрешено, / Что от рожденья нам судьбой дано*». Или столь же отчётливо при всей внешней вопросительности преподнесения эта мысль подаётся следующим образом.

*Что́ в мире смертного произволенье,
Где всё предначертало провиденье,
Где тайным всё венчается концом,
Заранее решённое Творцом?*

Многомудрые, узнав о безвременной гибели Сухраба, вопрошают: «*То не перст ли провиденья?*» Сам умирающий юноша, видя невероятные страдания отца, убившего по неведению, призывает его к мужеству, убеждая в неизбежности того, что произошло.

*«Увы!» – Рустам, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слёзы, лил.
Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слёзы лить напрасно?
Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?
Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»*

На что же нацелена здесь эта предопределённость и в чём конечный смысл столь драматической истории? Похоже, что один из законов приро-

ды состоит в следующем: уникальное должно быть безусловно уникальным и потому не может иметь повторений.

Сверхбогатырь Рустам призван был остаться для мифологического бытия единственным в своём роде. В лице Сухраба род людской попытался воспроизвести нечто подобное, но высшие силы воспротивились этому. На сей счёт при всей своей корысти державного властителя шаханшах справедливо отмечает, что был бы *«нам тесен мир с двумя богатырями»*.

Карающей рукой Рустама в данном случае вела его гордыня. Из тщеславия он не мог допустить победы над собой некоего юнца – пошёл на хитрость и неправым путём добился своего, но обрёл себя на вечные муки.

И, кстати, небо менее всего озабочено тем, что Сухраб являет собой абсолютное благородство, а Рустам унижает своё достоинство обманом. Из своих «высших соображений» оно помогает именно второму.

В некотором роде гордыня обуяла и Тахмину – ведь она вознамерилась родить богатыря, подобного Рустаму, за что наказана утратой сына и горем, которое вскоре свело её в могилу.

***

«Шахнаме» Фирдоуси среди творений мировой словесности Средневековья высятся недостижимой громадой. Этот плод неустанным 35-летним трудом великого поэта превосходит всё созданное в те времена необычайной широтой замысла, глубиной философско-этической концепции и совершенством художественного исполнения. Канонические формулы эпического стиля органично сочетаются здесь с индивидуально-авторскими характеристиками.

Автор отнюдь не стремится к самоценной «поэтичности» изложения, поскольку во главу угла ставит тщательность воссоздания огромной исторической хроники. Тем не менее время от времени как бы невзначай он позволяет себе перлы метафорики.

Так, в приближении к развязке драматических событий книги «Рустам и Сухраб» пробуждение дня накануне последней схватки двух исполинов обозначено изысканным иносказанием: *«Лишь зрifu ночи разорвавши горло, / Над миром солнце крылья распротёрло...»*

Более щедр Фирдоуси на красочные описания, причём обращает на себя внимание многообразие этой красочности.

*«Чей там шатёр стоит, нарчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?
Сто боевых слонов пред ним.
Смотри – синее бирюзовый трон внутри.
Над ним сверкает жёлтое, как пламя,
Серпом луны украшенное знамя.
Чья это ставка, что простёрлась виширь
Так царственно?
Кто этот богатырь?»*

В заключительных строках своей эпопеи величайший поэт Ирана, зная, что её всюду читают и уже чтят её автора, уверенно изрекает: *«Я не умру вовек! Жить буду снова / Во восходах мной посеянного слова»*. И действительно, его грандиозный труд, вобрав в себя все основные пласты национального эпоса персов и таджиков, обрёл бессмертие, оказал огромное влияние на литературу Востока, в том числе вызвав многочисленные подражания.

**Юрий
КОЗЛОВ**

*Дмитрий Васильевич
Григорьевич. Литография 1854 г.*

«Я БЫЛ НА ВОЛГЕ...»

**К 200-летию со дня рождения
писателя и искусствоведа
Дмитрия Васильевича Григорьевича**

Строительство в середине XX века на Волге каскада гидроэлектростанций и образование водохранилищ отразилось на положении многих литературных мест. Одни совсем исчезли, другие изменились, сохранив свои названия. К последним относится Никольское-на-Черемшане Мелекесского района Ульяновской области, связанное с именами Сергея Тимофеевича Аксакова, Владимира Александровича Соллогуба и Дмитрия Васильевича Григорьевича.

Селение возникло в середине XVII века на левой, луговой стороне Волги как укрепленный пункт Закамской засечной линии и названо по бывшей здесь Никольской церкви. Аксаков побывает там в семилетнем возрасте летом 1798 года. В автобиографической книге «Детские годы Багрова-внука» опишет барскую усадьбу с двухэтажным каменным дворцом, выходящим главным фасадом на реку Черемшан, с фонтаном, теплицами, оранжереями и домиком для вывезенной из Англии пары необыкновенных свиней, каждая величиной с корову. Крепостные затеи у помещика Н. А. Дурасова соединялись с культурными, он содержал театральную труппу, оркестр и хор из крепостных крестьян, которых обучали московские мастера.

После смерти Дурасова в 1818 году обширное имение в 26000 десятин было куплено графиней С. И. Соллогуб, матерью будущего автора «Тарантаса» и других сочинений. Семья новой владелицы приезжала в Никольское летом, а всеми делами огромного имения заправлял В. И. Григорьевич, из дворян. Управляю-

-
- Юрий Васильевич Козлов родился в 1954 году в с. Вороновка Инзенского района Ульяновской области, окончил Ульяновский политехнический институт. Более 20 лет возглавлял Средневолжский филиал института «Спецпроектреставрация», заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор сотен статей и восьми научно-популярных книг. Награжден памятной медалью «200 лет со дня рождения И. А. Гончарова» Министерства культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

*Владимир Александрович
Соллогуб*

щий был родом из Малороссии, около тридцати лет служил в гусарах и вышел в отставку в чине майора и с небольшой пенсией, 340 рублей в год.

«Василий Ильич был человек <...> своеобразный, – будет вспоминать В. А. Соллогуб. – Едва займётся заря, уж он на коне скачет на работы, приказывает, распоряжается, журит. Крестьяне его побаивались, но обращались к нему за советами по своему собственному хозяйству, что для крестьянского упрямого самолюбия образует высшую степень уважения <...> Женат был Василий Ильич на Сидонии Петровне Ledentu <...> Ростом Сидония Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сторбленно, но лицо имела очень приятное и умное;

мы её, как и мужа её, очень любили»¹.

Граф Соллогуб не совсем точен, поскольку жена Григоровича была урождённой Вардо, «природной южной француженкой». В Россию её привезла мать Мари-Сесиль в 1803 году, в возрасте четырёх лет, после развода с первым мужем. Со вторым мужем, Ледантю, мадам заключила брак уже в Петербурге; у них родились три дочери и два сына. Летом 1812 года, опасаясь появления Наполеона в российской столице, они переехали в Симбирск. Мать, которую на русский манер называли Мария Петровна, стала гувернанткой у симбирских дворян. В 1817 году её пригласили в дом отставного генерала П. Н. Ивашева, имевшего сына и четырёх дочерей.

Бывая по хозяйственным делам на правом берегу Волги в имении Ивашевых Ундоры, где действовали суконная фабрика, сахарный и винокурный заводы, Григорович свёл знакомство со старшей из девушек-француженок. В посылаемых с нарочным записках отставной гусар писал: «Поздравляю моего милого друга с добрым утром и спешу узнать, как мой ангел почивал и что делает, ибо я собираюсь на несколько часов ехать в поле, но чтоб быть попокойнее, то <...> успокойте его сердце»².

В марте 1820 года Василий Ильич получил согласие девушки стать его женой и обратился за благословением к её матери. Вскоре состоялась свадьба, невеста перешла в православие. 19 марта 1822 года у Григоровичей родился сын, при крещении наречённый Дмитрием.

Сидонию Петровну в Никольском частенько навещали сёстры, которые воспитывались вместе с дочерьми Ивашевых. Сын Ивашевых, гвардейский офицер, подолгу гостил у родителей и влюбился в младшую из девушек, Камиллу. Однако сословные правила не допускали такого брака; семейству Ледантю пришлось покинуть Симбирск и переселиться в Москву.

Жизнь Григоровичей в Никольском Ставропольского уезда Симбирской губернии не имела ничего общего с бытом соседей-помещиков. Малолетний Дмитрий крепко запомнит, что «те, которые составляли в уезде аристократию и были богаты, отличались кичливостью и виделись только между

¹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. – Ленинград, 1988. – С. 402–403.

² РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

собою; у других дом был открыт для званых и незваных, пировали круглый год, благо крестьяне помимо других повинностей обязаны были поставлять к барскому столу яйца, кур, баранов, грибы, ягоды и проч(ее); содержали охоту, многочисленную дворню, шутов, приживальщиков обоего пола, сочиняли праздники, пикники, играли в карты...»³.

Ко вторым относился Д. С. Кротков, имение которого, Городище, отстояло от Никольского всего в двух верстах. Сидония Петровна не любила выезжать, но раз сочла необходимым отправиться с визитом и взяла сына с собой. В этот день у Кроткова обедало множество всякого люда, играл оркестр из крепостных. Внимание мальчика привлёк низенький столик, за которым сидели шут и шутиха в жёлтых халатах и колпаках. Матушка предупреждала его, что шутиху Аглашку считают опасной, и приказала не подходить к ней. Несколько раз поджигала она господский дом, была зверским образом наказана, но помещика она забавляла, и он не хотел с ней расстаться.

Дмитрий слышал из разговоров родителей, что Кроткова боялись все домашние, начиная с жены. Она решалась иногда просить мужа отпустить её в Москву для свидания с родственниками. Если тот соглашался, то посылал за дворовым Грызловым, домашним палачом, поскольку для поездки нужны были деньги. Грызлову поручалось объехать деревню, забрать по усмотрению лишних детей и девок, продать их, а деньги доставить помещику.

После восстания на Сенатской площади Петербурга в 1825 году оказалось, что Василий Ивашев состоял в обществе декабристов, его приговорили к каторжным работам. Камилла Ледантю служила гувернанткой в одном из богатых домов под Москвой, но, узнав о несчастье, решила отправиться следом за Василием в Сибирь. Мария Петровна известила Ивашевых о намерении дочери разделить горькую участь их сына, что было воспринято с благодарностью.

Сидония Петровна грустила от разлуки с родственниками, пока супруг не решил перебраться из Поволжья поближе к Москве. Осенью 1826 года Василий Ильич приобрёл имение Дулебино в Каширском уезде Тульской губернии, на речке Смедве, притоке Оки; от Каширы до Первопрестольной насчитывалось всего-ничего – 115 вёрст по тракту.

В феврале 1830 года, когда шла подготовка к отъезду Камиллы Ледантю в Сибирь к жениху, Сидония Петровна отправилась с сыном из Дулебина на неделю-другую в Москву для свидания с родственниками. «Отпустил я вас, а сам скучаю в уединении, но тем себя утешаю, что ты, мой добрый дружочек, повидеашься со своею любезною маменькою, сестрицами и братьями, которых я всею душою почитаю, – писал жене Григорович. – Посмотри, что необходимо нужно купить, а что не так нужно, то обойдёмся; помоги им, мы не обедняем...»⁴.

Полноправным помещиком Григорович пробыл недолго, в июне 1830 года скоропостижно скончался. Его тётца выказала бескорыстие, когда младшая из дочерей, Камилла, была объявлена невестой Василия Ивашева. Богатые родители жениха предложили Марии Петровне и её дочерям поселиться в Симбирске и составить с Ивашевыми одну семью. Но она отклонила предложение, чтобы разделить одиночество овдовевшей Сидонии. Занимавшие места гувернанток дочери также не пожелали оставить своих занятий.

³ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. – Москва, 1987. – С. 26

⁴ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 11. Л. 11, 12.

Шестидесятилетняя Мария Петровна не любила сидеть сложа руки: в хорошую погоду пересаживала цветы в палисаднике, в дурную – устраивалась в кресле с вязаньем. Сидония Петровна неустанно суежилась по хозяйству и занималась лечением больных, прославив искусной лекаркой. Бабушка считала, что дочь чересчур заботится о здоровье Дмитрия и слишком балует; воспитанием внука она занялась сама и посадила его за французскую азбуку. Читать он выучился быстро, с чистописанием и таблицей умножения, тоже на французском, было несколько хуже.

«До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше – от старого отцовского камердинера Николая, – отметит Григорович-младший, – он любил меня, как будто я десять раз был его родным сыном, как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать <...> По целым часам водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки»⁵. Крестьяне Григоровичей были отпущены на оброк ещё при жизни Василия Ильича, полагавшего, что женщине, да ещё иностранке, не управиться с барщинным положением.

Когда мальчику исполнилось десять лет, бабушка повезла его в Москву и отдала в гимназию. Плохо читая и ещё хуже умея писать по-русски, он служил предметом насмешек одноклассников. Через два месяца учёнья заболел корью; после выздоровления его отдали в пансион госпожи Монигетти, где обучение велось на французском языке. Раз в неделю приходили учителя немецкого и русского языков, занятия дополнялись уроками танцев и посещением Школы рисования, основанной графом С. Г. Строгановым.

Летом 1831 года Камилла Ледантю получила специальное разрешение и отправилась в далёкую Сибирь, где обвенчалась с Василием Ивашевым;

жили поначалу в тесном каземате мужа, затем в небольшом домике на Дамской улице Петровского завода. В письмах мать и сёстры старались поддержать добровольную затворницу советами и добрым словом. В январе 1834 года Сидония Петровна, делясь с ней новостями, пишет: «Дмитрий держит себя хорошо, танцует сносно, начинает говорить по-немецки и проявляет много охоты к рисованию»⁶.

Содержание сына в пансионе обходилось Сидонии Петровне около 1500 рублей в год, что было довольно обременительно. После двух с лишним лет, проведённых у Монигетти, он был не в состоянии сочинить и написать по-русски самого простого детского письма; письма к матери писал не иначе как по-французски.

Сидония Петровна поехала в Петербург, чтобы разузнать о возможном поступлении сына в Главное инженерное училище, счи-

*Камилла Петровна Ивашева.
Акварель Н.А. Бестужева*

⁵ Григорович. Д. В. Литературные воспоминания. С. 29–30.

⁶ Юнкер Г. Детские годы Д. В. Григоровича по архиву Ивашевых. // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 94.

тавшееся лучшим военно-учебным заведением в России и имевшее небольшой численный состав – 120 воспитанников, или кондукторов, каждый не моложе четырнадцати лет.

Для подготовки к приёмным экзаменам в училище Дмитрий весь 1836 год занимался в пансионе капитана К. Ф. Костомарова. Учитель русского языка с особым усердием заставлял его писать под диктовку, разъяснял ошибки. К концу года он стал лучше понимать уроки; не давалась лишь одна математика. Экзамены Григорович выдержал в основном благодаря хорошему знанию французского языка и способности к рисованию, был принят на казённый счёт, облачился в чёрный мундир с красными погонами и получил кивер с красным помпоном. Всех поставили по ранжиру, и пошли занятия: в классах и в поле, маршировка тихим и скорым шагом, уставы и лагеря, смотры и парады.

Инженерное училище давало не только прекрасную военно-инженерную подготовку, но и широкий, в том числе гуманитарный, круг познаний. За время учёбы кондуктор должен был пройти помимо курсов геометрии, физики, химии, топографии, фортификации, тактики, артиллерии, военно-строительного искусства ещё и курсы российской словесности, французского языка, рисования, гражданской архитектуры, Закона Божьего и государственного, отечественной и мировой истории. Однако ни военная служба, ни технические науки не отвечали интересам и склонностям Григоровича; он с радостью оставил училище после того, как был наказан за то, что на улице не отдал честь великому князю и, испугавшись своей оплошности, убежал от него.

Сидония Петровна не стала попрекать обманувшего её надежды сына; по его просьбе устроила вольнослушателем в Императорскую Академию художеств. Преподаватель М. А. Тамаринский доставал иногда даровые билеты в театр и приглашал Григоровича идти вместе. Так юноша обзавёлся знакомствами среди артистов, казавшихся во сто раз интереснее академических приятелей. Познакомился с одной из воспитанниц театрального училища и впервые влюбился. Задумал поступить в учебный театр при училище, чтобы чаще видеться с девушкой. На пробах бойко декламировал монолог из «Моцарта и Сальери» Пушкина, был приглашён на репетиции, однако показал полное отсутствие актёрских данных.

К тому времени В. П. Ивашев был переведён на поселение в сибирский город Туринск. За ним неотступно следовала жена-француженка с тремя детьми. В феврале 1839 года к ним прибыла Мария Петровна, чтобы помочь младшей дочери в заботе о внуках. Спустя десять месяцев Камила после родов дочери скончалась от «нервической горячки» вместе с новорождённой. Вскоре умер от кровоизлияния в мозг и Василий Петрович, не перенёсший утраты верной подруги. В июле 1841 года бабушка выехала из Туринска с осиротевшими внуками в Ундоры; дети были взяты на воспитание одной из сестёр Ивашева, княгиней Е. П. Хованской.

Григорович, бросаясь в своих увлечениях из стороны в сторону, оказался не у дел. На исходе 1841 года навестил товарища по московскому пансиону С. И. Попова, выпускника Института восточных языков, где встретил его родственника Бахметьева, молодого помещика. Бахметьев заходил к Попову, чтобы проститься перед отъездом в деревню, в Саратовскую губернию. Когда услышал от Григоровича о его трудном положении, то предложил ехать с ним, и Дмитрий недолго думая согласился.

«Бахметьев по целым дням пропадал, гоняясь за дрофами и стрепетами, – вспоминал скучающий Григорович, – я ему не сочувствовал, имея

врождённое отвращение к охоте, не постигая возможности находить удовольствие в истреблении бедных птиц и зайцев»⁷.

Время своё он проводил в беседах с крестьянами, сообщавшими любопытные сведения из старого помещичьего быта. Деревенское житьё успокоило его нервы и позволило почитать интересные книги, случайно обнаруженные в доме. Через два месяца Бахметьев заскучал не меньше Григоровича, решил оставить деревню и доставить его обратно до Петербурга.

На полдороге, в Москве, они остановились в гостинице и отправились обедать в ресторан. Григорович говорил без умолку и привлёк внимание пожилого господина за соседним столом, который принялся расспрашивать, где он так хорошо научился говорить по-французски. Это был директор императорских театров А. М. Гедеонов, прибывший в Первопрестольную принять под своё управление казённые московские театры. В конце расспросов он заявил, что молодому человеку нельзя жить без дела, и пригласил по приезду в Петербург явиться к нему.

***

Служба в Дирекции императорских театров оказалась несложной, вместе с сослуживцами Григорович частенько посещал Александринский и другие театры. Массовый репертуар той поры был переполнен переводными мелодрамами и лёгкими водевилями. Сходные мотивы не раз мелькнут в его первых литературных трудах – переводах французских пьес, которые шли на сцене в сезон 1843–1844 годов. Для серии книжек «Переводчик, или Сто одна повесть и сорок сороков анекдотов древних, новых и современных» переведёт повесть «Плавучий маяк», опубликованную в четвёртом томе.

Сближение со столичными литераторами, в особенности с Н. А. Некрасовым, который был всего на год старше и жил исключительно своим трудом, побудило Григоровича к самостоятельному творчеству. В ноябре 1844 года он публикует в «Литературной газете» уже оригинальный рассказ «Театральная карета», написанный в гоголевской манере. По предложению Некрасова для первого выпуска альманаха «Физиология Петербурга» напишет очерк «Петербургские шарманщики», ставший манифестом нового направления под названием «Натуральная школа». Правдивое изображение полунищенского быта бродячих артистов и неподдельное сочувствие к ним принесло автору некоторую известность. Для второго выпуска альманаха, увидевшего свет в 1845 году, сочинил рассказ «Лотерейный билет» и получил первый гонорар – 100 рублей ассигнациями. Некрасов познакомил его с В. Г. Белинским, И. С. Тургеневым, И. И. Панаевым.

Григорович поселился на одной квартире с Ф. М. Достоевским, которого знал ещё по учёбе в Инженерном училище, и дивился его начитанности. Жили они каждый на свой счёт: матушка посылала Григоровичу ежемесячно пятьдесят рублей, Достоевский получал от родных из Москвы почти столько же. Он стал первым читателем его «Бедных людей», почти насильно взял рукопись и отнёс Некрасову, который опубликовал роман в «Петербургском сборнике».

Начинающие литераторы прожили в одной квартире недолго, после одного горячего спора стали жить порознь. Однако дружеские отношения сохранились, что подтверждают письма Достоевского. «Меня взяла такая тоска,

⁷ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 59.

Фёдор Михайлович
Достоевский. 1861

любезный Григорович, что я решаюсь послать к вам подателя этой записки, с тем, чтобы узнать, возвратились ли вы из Москвы. Мне очень хотелось бы видеться с вами, и если вы не в Дулебине, то в среду я бы приехал к вам. Я не взял с собою *ни одной* книги. Пока надеюсь на ваши. Можете себе представить, как я скучал всё это время. Пожалуйста, любезный Григорович, пришлите мне теперь что-нибудь почитать...»⁸.

Вскоре Григорович задумал жениться, невесту величали Анастасия Николаевна, урожденная Степанова. Жених ласково называл её варакушкой, то есть птицей из разряда певчих.

Дмитрий Васильевич посещал салон графа М. Ю. Виельгорского на Михайловской площади, где по вечерам собирались учёные, литераторы, музыканты, артисты. Заводилой там был его зять, граф В. А. Соллогуб, который окончил Дерптский университет и поступил на службу в Министерство внутренних дел. После женитьбы в 1840 году на Софье

Михайловне Виельгорской Соллогуб жил в доме её родителей, в отдельной, для молодых отделанной квартире, и пробовал себя на литературном поприще.

В печати появились первые главы его повести «Тарангас», написанной в форме путевых заметок. По сюжету из Москвы в Казань следуют в карете степной помещик, практичный хозяин Василий Иванович и молодой дворянин, недавний парижанин Иван Васильевич, одержимый горячим желанием изучить великую и святую Русь, где «земли столько, что глаза устают смотреть». Мастерски написанные графом картины безрадостного местного быта сделали его имя известным, а салон – более популярным. Будучи превосходным чтецом, своим гостям он читал комедию А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» («Банкрот») до появления её в печати. «У меня в то время собирались тузы русской литературы, – заметит Соллогуб. – Я уже называл Тютчева, Вяземского и Гоголя. Изредка <...> появлялась высокая фигура молодого Тургенева; сухопарый и юркий Григорович был у нас в доме как свой...»⁹.

В 1848–1850 годах граф месяцами жил в Никольском и работал над «Степными письмами» и исторической пьесой «Местники». В петербургских газетах публиковались его впечатления о симбирском театре, где играли приехавшие из Саратова актёры. «За первой пьесой последовал водевиль, переделанный, кажется, с французского, под заглавием «Зятюшка» <...> Его сыграли так, как разве играют в Александринском театре <...> В пьесе участвовали четыре лица, и все играли не только удовлетворительно, но замечательно хорошо. В особенности актриса, исполнявшая роль тётки, поразила меня естественностью и свободой своих движений, благородством голоса...»¹⁰.

⁸ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. С. 497.

¹⁰ Санкт-Петербургские губернские ведомости. 1850. 5 января.

Григорович тоже оставил праздную столичную жизнь и уехал в Дулебино, чтобы вплотную заняться литературной работой. После четырёхмесячного усидчивого сидения была подготовлена и переписана набело повесть «Деревня»; сюжет ему подсказал случай, когда к Сидонии Петровне привезли больную молодую бабу. «Её против воли выдали замуж за грубого молодого парня, которого также приневолили взять её в жёны; он возненавидел её, чему немало способствовали его сёстры, начал её бить в трезвом и пьяном виде и заколотил почти до смерти; баба была в злейшей чахотке и вряд ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чем жить; её сокрушала только судьба дочки, двухлетней девочки: «Он и её заколотит насмерть», – говорила она»¹¹.

В ходе работы над повестью Дмитрий Васильевич много времени проводил на водяной мельнице, беседовал с помольцами, записывал характерные и живописные выражения. Каждую главу он переделывал по нескольку раз, вымарывая всё, что казалось нескладным. По приезде в Петербург передал рукопись в журнал «Отечественные записки», где она была напечатана целиком.

В сентябре 1846 года Некрасов и Панаев выкупили права на издание «Современника». Для журнала зимой 1847 года, будучи в столице, Григорович подготовил рассказ «Бобыль». «Трудность, с какою достался мне этот небольшой рассказ, убедила меня, насколько уже деревенская тишина и спокойствие домашней жизни успели избаловать меня, – заметит Григорович, – баловство это сделалось со временем такою необходимостью, что, несмотря на все мои старания и опыт, я никогда уже не мог потом страницы написать в Петербурге»¹².

Вторая повесть, «Антон-горемыка», написанная им в деревне, выдвинула его в ряд лучших русских писателей той поры. Сочинение первоначально заканчивалось сценой крестьянского бунта, но цензура заставила изменить финал. Многострадальный главный герой вынужден ради уплаты оброка продавать на ярмарке последнюю лошадейку, да и ту у него уводят конокрады. Белинский в письме публицисту В. П. Боткину признаётся, что «ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, душающего впечатления»¹³. Ранее писатели натуральной школы изображали жизнь на материале городских низов, Григорович первым в земледельческой России сделал героем крестьянина.

Более десяти лет Дмитрий Васильевич являлся постоянным сотрудником «Современника». Вслед за «Антоном-горемыкой» и «Бобылём» опубликовал там повести «Капельмейстер Сусликов», «Четыре времени года», «Кошка и мышка». Некрасов, публикуя последнее из упомянутых произведений «без перемен», напишет автору: «Повесть Ваша – прелесть»¹⁴.

В 1853 году Григорович подготовил для «Современника» роман из простонародного быта «Рыбаки», который спустя несколько лет выйдет отдельной книгой в Гамбурге с предисловием А. И. Герцена. В заключительной главе Дмитрий Васильевич отметит: «Я был на Волге в первые годы моего детства. В памяти моей успели изгладиться живописные холмы, леса и сёла, которые на протяжении многих и многих вёрст смотрятся в светлые, благодатные волжские воды. Судьба забросила меня в другую сторону, пере-

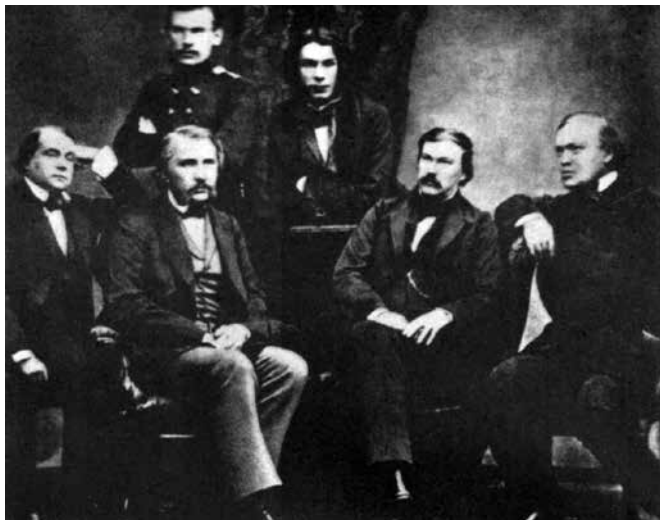
¹¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 89.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Русские писатели 1700–1917. Биографический словарь. – Москва, 1989. – Т. II. С. 30.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 51–52. – Москва, 1949. – С. 22.

несла на другую реку; с тех пор я не различался с Окою. Не знаю, обделила меня судьба или наградила, знаю только, что, прожив двадцать пять лет сряду на Оке, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился с нею и теперь люблю её как вторую отчизну. Не вините же меня в пристрастии <...> если берега Оки, её окрестности и маленькие речки, в неё впадающие, кажутся мне краше и живописнее других берегов, местностей и речек России»¹⁵.

Группа писателей – сотрудников журнала «Современник». Стоят Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович; сидят И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский. 1856

В пятидесятые годы Григорович постоянно жил в Дулебино, а в Москве и Петербурге бывал наездом. Следом за «Рыбаками» из-под его пера вышли повесть «Пахарь» и роман «Переселенцы». К «Современнику» Дмитрия Васильевича, главным образом, привлекала группа постоянных авторов журнала: И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, И. А. Гончаров, В. П. Боткин, И. И. Панаев, Л. Н. Толстой.

5 мая 1856 года, собравшись у Некрасова в редакции, они направят Григоровичу коллективное письмо, куда каждый впишет один-два абзаца. Начнёт послание граф Толстой: «Давно, давно собирался Вам написать, во-первых, о впечатлении чрезвычайно выгодном, которое произвёл Ваш «Пахарь» и что я знаю об этом впечатлении, а во-вторых, о впечатлении прекрасном, которое произвела на меня Ваша апрельская часть «Переселенцев». Теперь ничего не напишу, исключая того, что ужасно Вас люблю и желаю Вас поскорее увидеть. Я и Дружинин собираемся ехать в Москву 8-го числа и пробыть у Боткина с недельку. Приезжайте, душенька, пожалуйста. Мы проведём время отлично, и, может, можно будет Вас увезти к нам на недельку, т. е. ко мне, к сестре и к Тургеневу».

Следом уже Дружинин сообщит, что с осени становится редактором журнала «Библиотека для чтения», поэтому «надо будет много поговорить при свидании». Панаев напомнит «милейшему Григоровичу», что с нетерпением ожидает его в Петербурге. Некрасов же, пожелав «хорошего состояния духа и истинного расположения к труду», заметит, что «Пахарь» ужасно понравился».

Завершат письмо строки Гончарова, переходившего на службу в Петербургский цензурный комитет: «Вам написавшие передо мной приятели, которые теперь сидят сзади меня в комнате, так отделяют Вас, так перебирают все Ваши косточки, что я едва успеваю замолвить слово в Вашу пользу: вот

¹⁵ Григорович Д. В. Избранное. – Москва, 1976. – С. 516.

они, друзья-то, каковы! Я только, может быть, одним не понравлюсь Вам, а именно тем, что сочинения и книги от Давыдова (вероятно, доктор словесности И. И. Давыдов. – Ю. К.) не шутя перейдут в мои руки, вместе со всей мебелью, которую я покупаю у Некрасова при отъезде за границу. Зато Дружинин надеется приобрести какой-то знаменитый шкаф от нарвской помещицы, но для себя. Жму Вашу руку, искренно желаю трудолюбия, от которого немало всем нам предстоит удовольствие, а Вам польза».

Пониже Толстой сделает приписку: «Не верь тому, что пишет Гончаров за нас, он по душе завистлив и суров»¹⁶.

К концу 1850-х годов гонорары Тургенева составляли 400, Гончарова – 200, а Григоровича – 75 рублей за авторский лист. В 1860-е годы ситуация несколько поменялась; Тургенев получал 300, Гончаров – 250, Григорович – 100 рублей.

Богатая эрудиция и мастерство рассказчика привлекали к Григоровичу людей; ему довелось быть постоянным гидом Александра Дюма-отца, который июнь 1858 года провёл в Петербурге. Французский писатель был известен российским читателям как автор романов «Три мушкетёра» и «Граф Монте-Кристо». Первый же его роман, «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге», посвящённый произошедшим в России событиям 1824–1826 годов и опубликованный во Франции в 1840 году, на русском языке не выходил. Прототипом главной героини, модистки Луизы Дюмон, являлась француженка Полина Гебль, которая ещё до ареста декабриста Ивана Александровича Анненкова имела от него дочь и последовала за ним в Сибирь, на каторгу.

Хорошо известная Григоровичу история любви Камиллы Ледантю и декабриста В. П. Ивашева могла бы послужить увлекательным сюжетом для его новой книги, привлечь внимание как современников, так и потомков. Однако Дмитрий Васильевич к этой теме даже не притронулся, вероятно, сознавая невозможность издания подобного сочинения в России.

Тем летом Григорович получил предложение из канцелярии Морского министерства: по примеру Гончарова – участника кругосветной экспедиции на фрегате «Паллада» – отправиться в дальнее плавание и описать путешествие в «Морском сборнике». Возможность увидеть знакомые страны, набраться новых впечатлений – всё это было слишком соблазнительно.

Путешествие на корабле «Ретвизан» началось 8 августа и продолжалось более года, за время стоянок удалось посетить много замечательных мест. Так, в Париже, с которым был знаком прежде по бесчисленным описаниям и литографиям, Дмитрий Васильевич начал свои похождения с Лувра, наполненного картинами, статуями и древностями всякого рода. Приятно удивился, что там имеется особое отделение, куда поступают лишние дубликаты эстампов, гравюр и снимков картин, статуй и рисунков, находящихся в Лувре и гравированных большей частью французскими художниками. Каждый мог приобрести их за самую сходную цену, означенную в каталоге, чем он не преминул воспользоваться.

Путевые записки Григоровича публиковались в «Морском сборнике» и «Современнике», позднее вышли отдельной книгой. Критики, находя много общего между опубликованным ранее «Фрегатом «Паллада» Гончарова и «Кораблём «Ретвизан», отмечали: «Григорович ориентировался на то луч-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–3.

шее, что ставило «Фрегат «Палладу» в ряд шедевров жанра путешествия»¹⁷. Но Дмитрий Васильевич, разрабатывая сходную тему, не повторял своего земляка, уроженца Симбирска. В описании зарубежного искусства Дмитрий Васильевич ссылался на специальные труды, высказывал собственное мнение, при этом речь его становилась яркой и выразительной.

За время плавания Григорович выполнил ряд карандашных зарисовок и этюдов акварелью. По возвращении на родину сделал автопортрет в карандаше, подготовил акварельные эскизы декораций для домашнего спектакля, выполнил пером на кальке не менее сотни копий с рисунков итальянского живописца и архитектора Рафаэля, проникнутых безупречным чувством меры и пропорций. Всё это сказалось на его зрении, пришлось воспользоваться очками.

Дмитрий Васильевич отправился в деревню, чтобы в большом романе изобразить два поколения: отживающих помещиков старого закала и молодых, мечтающих о сближении с народом. Однако успел написать лишь первую часть, названную «Два генерала».

***

Поражение России в Крымской войне заставило правительство приступить к коренным реформам. После отмены крепостного права мать передала Григоровичу управление имением, не имея возможности по старости лет приводить в действие уставную грамоту, разверстать наделы.

Дмитрий Васильевич сдал в аренду сад дворовому человеку, который обязался платить ему 50 рублей серебром каждую осень. Нашёлся и второй арендатор, согласившийся взять землю на той стороне речки Смедвы. Но вместо того, чтобы распахивать поле и строить помещения для скота, как было условлено, арендатор открыл кабак. А когда подошёл срок первой уплаты, то объявил, что денег у него нет. Григорович поехал в уездный город Каширу, чтобы расторгнуть договор, но сделать этого не удалось. Сданная в аренду земля находилась в Зарайском уезде Рязанской губернии, арендатор же был мещанином города Коломны Московской губернии. Началась бесконечная переписка между Коломной, Зарайском и Каширой; в конце концов арендатор спился и оставил землю. Доходы с имения сократились наполовину, плата за литературный труд была непостоянной.

Дмитрий Васильевич отправился в Петербург подыскивать место, которое бы позволило содержать семью и не мешало литературным занятиям. Тем временем любимая дочка Маша собралась замуж, о чём он узнал от жены. «Дорогой дружок Варакушка, письмо твоё, как ты сама судить можешь, произвело на меня не совсем обыкновенное действие. По существу я очень рад; Черемисинов кажется мне очень хорошим человеком, и всё его семейство спокойное и смирное. Может, по уму своему и образованию будет всегда иметь в доме большой вес...»¹⁸.

С 1821 года в столице существовало Общество поощрения художеств, которое содержало рисовальную школу, организовывало выставки и конкурсы, помогало художникам избежать необходимости зарабатывать на жизнь иным трудом. В 1863 году Григоровичу было предложено место секретаря Общества, председательницей там была сестра императора, великая княгиня

¹⁷ Мещеряков В. П. Д. В. Григорович – писатель и искусствовед. – Ленинград, 1985. – С. 78.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

Мария Николаевна. Дмитрий Васильевич охотно согласился и энергично принял за порученное дело, отложив на время задуманные повести и романы. Начал с составления нового устава Общества, в котором помимо расширения рисовальных классов значились мастерские, музей и библиотека. Всё это, как уверяют знавшие Григоровича люди, не прошло мимо его рук.

«Кабинет его в Обществе поощрения художеств был всегда переполнен посетителями с утра до вечера; и наряду с высокопоставленными лицами вы тут могли встретить ежедневно и заводчиков, и фабрикантов, и простых мастеров, и художников, и литераторов, и москвичей, и приезжих из-за границы, и провинциальных деятелей; одним словом, в этом кабинете шли вся и все, как в какое-то министерство искусств <...> Не было человека, которого бы он не принял, не было письма, на которое бы он не ответил, не было дела, которое бы он не исполнил аккуратно, вовремя. Он собирал для музея разные предметы древности по рынкам, по частным домам, ездил по далёким захолустьям, составлял всевозможные коллекции по искусству, объезжая то Германию, то Францию, то другие государства Европы <...> Без его помощи не обходилась также ни одна выставка, ни один художественный конкурс; он был и советником, и устройтелем, и экспертом...»¹⁹.

Таким же образом Григорович вёл дела не только общественные, но и частные. Зная проблемы начинающих живописцев, сочувствовал им и с удовольствием помогал. С особой сердечностью и заботой относился к молодому и одарённому пейзажисту Фёдору Васильеву, прожившему до боли мало.

Материальное положение семьи Васильева было таково, что будущий живописец вынужден был самостоятельно зарабатывать с двенадцати лет. В 1865 году поступил в вечернюю рисовальную школу при Обществе поощрения художников, которую окончил через два года. Советы и опека опытного И. Н. Крамского, совместная работа на острове Валаам с великим И. И. Шишкиным уже в 1868 году делают Васильева известным, как автора полотен «Деревенская улица», «Возвращение стада», «После грозы», «Вид в Парголове». Последняя из упомянутых картин ныне находится в Саратовском государственном художественном музее им. А. Н. Радищева.

Фёдор Александрович Васильев

Вот несколько строк из письма Григоровича к двадцатилетнему Васильеву по поводу его картины «Оттепель», заказанной для императорской семьи: «Дорогой друг, Фёдор Александрович, согласно желанию вашему я заказал раму для картины, предназначенной Великому Князю. Рама готова, стоит 50 р., но я решительно не знаю, что с нею делать, так как не имею понятия о судьбе картины. Если вы пришлёте её на моё имя, я немедленно вставлю в раму и отправлю во Дворец к Великому Князю <...> Надеюсь, вы сделаете, как говорили; т.е. пришлёте мне письмо, в котором пору-

¹⁹ Там же. Д. 18. Л. 2.

чите получить деньги за картину из конторы В.К. для передачи вам. Я настаиваю на этом, потому что, задержав некоторую часть денег, хоть 500 руб., я буду иметь случай сказать, что долги гг. художников постепенно уплачиваются; теперь это просто необходимо; долгов набралось теперь 5.745 руб., сумма, превышающая средства общества, так что принуждены *отказывать желающим получить ссуды*. Это отчасти происходит потому, что вообще весь нынешний год продажа шла слабо и гг. художникам трудно было выплачивать долги»²⁰.

Летом 1870 года Васильев вместе со студентами Академии художеств И. Е. Репиным и Е. К. Макаровым совершил творческую поездку на Волгу. Достопамятное путешествие оказалось возможным благодаря Григоровичу, выделившему от Общества каждому из них по 200 рублей. Кроме того, «всемогущий» конференц-секретарь Академии П. Ф. Исеев устроил им даровой проезд, снабдив открытым листом пароходного общества «Самолёт» от Твери до Саратова, как просили.

Плоскодонный пароходик «полз» вниз по реке, художники играли в шахматы, зарисовывали в альбомчики пассажиров и выбирали лучшие места, чтобы остановиться поработать на всё лето. Расспрашивали бывалых, которые дальше Саратова плыть не советовали, мол, там «скучные и однообразные места пойдут, пространства широкие, берега расползаются по песчаным отмелям». Все в один голос говорили, что лучше всего Жигули. В Саратове путешественники не стали покидать кают, лишь осмотрели благоустроенный не хуже столиц город с многочисленными садами, вымощенными улицами и водопроводом из деревянных труб. Пароход простоял трое суток и отправился обратно вверх до Нижнего Новгорода; высадились они на пристани Ставрополя, против самой лучшей точки Жигулей.

Художники подыскивали в уездном городе жильё и занялись тем, ради чего приехали. «Мы сторговали лодку на неделю и каждый день с утра переезжали на ту сторону к жигулевским высотам и исчезали там в непроходимом, вековечном лесу, – будет вспоминать Репин. – Что всего поразительнее на Волге – это пространства. Никакие наши альбомы не вмещали непривычного кругозора...»²¹.

В середине июня Васильев с компанией спустился вёрст на шестьдесят по течению и снял дом в селе Ширияево, против Царёва кургана. Они дивились проживающему здесь рослому и смелому народу, всем говорившему «ты», без всякой замашки угодить господам. Поражались идущим бечевою бурлакам, грязным и оборванным, измученным каторжной работой. Для Васильева плодом четырёхмесячного путешествия стали картины «Вид на Волге. Баржи», «Волжские лагуны» и множество зарисовок. Репин же, собрав натурный материал, написал ставших знаменитыми «Бурлаков на Волге».

В 1871 году Васильев заболел чахоткой и вынужден был переселиться в Ялту, где выполнил по старым эскизам замечательное полотно «Мокрый луг», изобразив обновлённую после дождя среднерусскую природу. Между Григоровичем и больным художником велась активная переписка, строились планы по его участию во всемирных выставках в Лондоне и Вене. Пейзажи Васильева там будут пользоваться успехом, но видеть их создателя европейцам не доведётся. Последняя его картина, «В крымских горах», будет

²⁰ Там же.

²¹ Репин И. Е. Далёкое близкое. – Ленинград, 1986. – С. 230–231.

написана летом 1873 год, незадолго до смерти, и получит премию Общества поощрения художеств.

В 1864 году Академия художеств «за любовь, пользу и познания в художествах» признает Григоровича своим почётным вольным общником, позднее изберёт почётным членом Академии. В печати он выступает преимущественно как критик-искусствовед, ратуя за расширение образования художников, поддерживая прикладные виды искусств. Издаст свою работу «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной Парижской выставке 1867 г.», выйдет в свет его обзор с «Выставки учеников Императорской Академии художеств», будут опубликованы «Очерки художественно-промышленного производства».

К этому времени Дмитрий Васильевич потеряет бабушку и мать. Девяностодвухлетняя Мария Петровна оставит бранный мир в мае 1865 года. За три года до кончины в одном из писем заметит: «Одно из моих наставлений всем внукам – хорошо использовать юные годы, иметь работу, бодрость, при умеренности в пожеланиях»²². Сидония Петровна, привязавшись к живописному имению, скончается весной 1869 года в Дулебино. В последние годы с радостью будет встречать в деревне свою «любезную» невестку, внучку Машу, малолетних правнуков и надеяться, что вечно занятый сын найдёт «несколько дней на свидание» с ней²³.

Более пятнадцати лет Григорович являлся секретарём и почётным членом Общества поощрения художеств, три года состоял членом Комитета литературного фонда, входил в Театрально-литературный комитет. Однако Дмитрий Васильевич не забывал литературы, а читатели не могли забыть его заслуг в качестве автора первых произведений из народного быта. В трёх номерах «Нивы» за 1883 год была опубликована его повесть «Гуттаперчевый мальчик» про обездоленное детство артистов цирка. Обозреватель «Нового времени» В. Буренин отметит: «Первый по возобновлении литературный труд доказал ясно, что, несмотря на долгое бездействие, его замечательное дарование нимало не ослабело. Я всегда думал и не раз заявлял это в печати, что по изяществу отделки в нашей литературе найдётся немного произведений, равных произведениям Д. В. Григоровича. Новый его рассказ в этом отношении является столь же образцовым, как и лучшие работы былого времени. Теперешние литературные ремесленники <...> могут поучиться у старого художника, как следует писать изящные вещи, как следует обрабатывать форму беллетристических произведений»²⁴.

Через два года из печати вышла новая повесть Григоровича «Акробаты благотворительности», автор подготовил её сценический вариант – пьесу «Замшевые люди». В театрах шли инсценировки его повестей «Школа гостеприимства», «В столице», «Антон-горемыка».

В «Историческом вестнике» за 1886 год появятся «Воспоминания» графа Соллогуба; на его страницы попадёт и Григорович, «составивший себе громкую известность и на литературном, и на художественном поприще». По примеру Соллогуба Дмитрий Васильевич приступит к написанию собственных мемуаров, что окажется делом непростым. В письме к историку литературы П. И. Вейнбергу признаётся: «Я встречался со столькими людьми, что поневоле приходится иногда касаться живых. Тут как быть? Трудная

²² Юнкер Г. Детские годы Д. В. Григоровича по архиву Ивашевых. С. 90.

²³ РГАЛИ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

²⁴ Новое время. 1883. № 2533. 18 марта.

задача – куда труднее, чем писать роман, – даром что здесь вымысел, а там матерьял готов – садись только да записывай»²⁵.

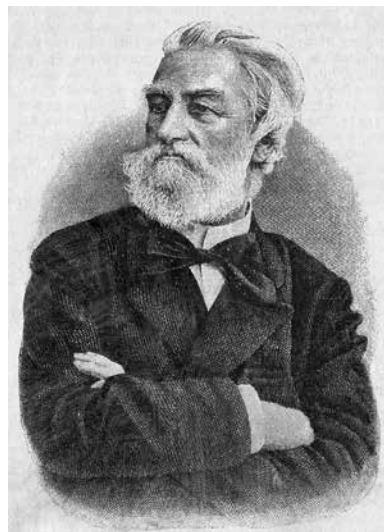
31 октября 1893 года русское общество торжественно отметило пятидесятилетие литературной деятельности Григоровича. Среди сотен поздравительных писем и телеграмм из редакций газет, учебных заведений и различных обществ, от артистов, писателей и художников были тёплые послания с волжских берегов. Так, самарский кружок из 14 лиц, ведающих «Народным чтением», сообщил, что «искренно желает, чтоб Ваше имя ещё долгие годы украшало родную словесность. Сегодня в Самаре пятнадцатое народное чтение, читается Ваш «Пахарь». Симпатия народа – лучшая заслуга и величайшее благо писателя, а Вас любит вся Россия»²⁶. А начальница Саратовской гимназии Наталья Дмитриевна Рейсенг телеграфировала: «Поздравляю Вас, желаю всякого благополучия на много лет от себя и всей молодёжи вверенной мне гимназии»²⁷.

У Григоровича подрастали три внуки и два внука, с которыми он вёл переписку и которых навещал, если позволяло здоровье. «Письмо твоё крайне меня обрадовало, милый и добрый дружок Маруся; меня радует весьма твоё благоразумие в связи с прекрасными свойствами сердца, – пишет он одной из внучек. – Ты правильно сделала, приняв место гувернантки, чтоб облегчить расходы матери <...> Не только не унижительно, но достойно выглядит только то, когда живёшь своим трудом и, кроме того, приносишь этим пользу...»²⁸

В 1896 году вышло Полное собрание сочинений Д. В. Григоровича в 12 томах, «вновь пересмотренное и исправленное автором издание». На следующий год журнал «Русская мысль» опубликовал очерк «Скучный город», в котором Дмитрий Васильевич ярко и образно описал произошедшие на его глазах перемены как в общественной жизни Петербурга, так и в наружном облике города.

Между тем здоровье с каждым годом стало ухудшаться, доктора запрещали не только писать, но и читать. 22 декабря 1899 года писатель скончался, ушёл вместе с веком, целый пласт жизни которого был раскрыт его литературным трудом. На Волковом кладбище Петербурга, напротив могильной плиты Тургенева, появилась свежая могила его ближайшего соседа и соперника по литературе.

«Симбирские губернские ведомости», известив о кончине славного уроженца края, приведут статью из «Нового Времени»: «Как писатель Григорович был типическим представителем той группы «художников» сороковых годов, во главе которых стоят Тургенев, Достоевский, Гончаров, Островский.

*Дмитрий Васильевич
Григорович*

²⁵ Учёные записки Ивановского пединститута. Т. 38. 1967. С. 86.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 37.

²⁷ Там же. Д. 23. Л. 88.

²⁸ Там же. Д. 104. Л. 3.

Он пережил их всех и для позднейших писателей являлся последним могикинином далёкой и славной эпохи, соединяя и в своём таланте, и в своей личности все основные качества этих художников слова и руководителей общественного движения к свету и свободе. В нём выдавались все характерные черты его знаменитых сверстников: блестящий литературный талант, живая изобразительная и увлекательная речь, живой юмор, знание и понимание русской и европейской жизни, самых разнообразных общественных слоёв, хорошее литературное и художественное образование»²⁹.

Всю жизнь Дмитрий Васильевич Григорович верно служил литературе и искусству. Лучшее из созданного писателем, бесспорно, является классикой русской литературы второй половины XIX века. Его заботами получили начальную подготовку и должны условия для создания замечательных полотен многие крупные живописцы. До настоящего времени успешно действуют созданные при его участии художественные музеи, в их числе Музей декоративно-прикладного искусства при Московской художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова.

---

²⁹ Симбирские губернские ведомости. 1900. 8 января.

Сергей
ФОЛИМОНОВ

Пути и перепутья прозы Наталии Леваниной

Леванина Н.
Искушение свободой. Саратов: ИД Марк, 2018

Всякая книга художественной словесности, в особенности если она не роман, а собрание сочинений разных жанров, непременно должна нести в себе идею, скрепляющую разнородный материал в гармоничное целое. Задача, прямо скажем, не из лёгких, и справляются с ней далеко не все, поэтому зачастую такого рода издания остаются всего-навсего сборниками отдельных, ничем не связанных произведений. Но в нашем случае идея книги не случайная удача автора, а последовательно проводимый год за годом, книга за книгой приём, яркая примета индивидуального стиля, творческий проект, характеризующий очередной этап писательского пути. Очевидно, Наталья Леванина облюбовала такой способ подачи материала и общения с читателем ещё в «литературоведческие годы», исследуя русскую классику, а может быть, просто чувствует себя органично лишь в осмысленном пространстве, где каждая тропинка для чего-то протоптана и кому-то назначена.

У новой книги название знаковое. Наталья Леванина вообще знаки любит, с завидной регулярностью прячет их в своих текстах и с лукавой улыбкой наблюдает, как читатель проходит мимо «заповедных мест». Кроме того, у книги знаковый день рождения. Во-первых, потому что искушение свободой многим оказалось не по плечу. Горькие разочарования и ностальгические воспоминания, как принято теперь говорить, в тренде. Во-вторых, потому что сама Наталья Леванина почувствовала потребность рассказать читателю о том, что изменилось в её мироощущении после того, как она решительно и бесповоротно отпустила себя на волю. И первое, что сделала, — отпра-

вилась в путь. Последуем за ней и мы, уважаемый читатель.

Встречи в пути

Книга открывается повестью «Женское купе», в пространстве которой высвечиваются на короткое время судьбы русских женщин, красивых, несчастных, одиноких — разных. Автор со вкусом и знанием дела раскрывает тончайшие проявления женской психологии, детали специфического общения: «Женщины — народ уютный, — замечает прозаик, — и разговорчивый. Пробудившись, ужин сочинили коллективный и очень вкусный. Попутно легко перезнакомились. Потом дружно принялись сетовать на новогоднее обжорство и образовавшиеся лишние килограммы. Очень логично. Тоже по-женски. Когда чай был выпит и стол приведён в порядок, Яна метнулась на верхнюю полку и что-то добыла из недр своей сумки».

Идея закрыть четырёх незнакомых попутниц в тесном помещении, отрезав их от внешнего мира, — известный сюжетный ход с проверенным художественным потенциалом. Любой эксперимент здесь способен принести творческую удачу. Главное — точно осознавать цель и опираться на собственный жизненный опыт, чтобы не оказаться в плену узнаваемого литературного шаблона. Тем более что взаимные жалобы на горькую долю и выродившийся род мужской жизни могли обесмыслить повествование, превратив его в эскиз, зарисовку с натуры. Могли, но не обесмыслили, не превратили. Наталья Леванина всегда чувствует грань, за которую переходить нельзя, но и уходить от которой слишком далеко не следует. Тема такая. Ковар-

ная. И вечно привлекательная. Все всё о ней знают. Все понимают, как должно её воплощать в слове. Особенно те, кто и двух слов связать не может. Ну да вернёмся к нашим героиням.

Как известно, русское национальное коммуникативное поведение предписывает человеку (женщине в особенности) легко и непринуждённо вступать в доверительное общение с незнакомыми людьми того же пола в обстановке, к такому общению располагающей. Следует заметить, однако, срабатывает этот национальный феномен далеко не всегда. Требуется некий важный ингредиент, перчинка, катализатор. Роль такой «перчинки» в случайной купейной коммуникации играет Валентина Ивановна, умудрённая опытом пятидесятилетняя пассажирка. Она – организатор и медиатор полилога и локального диалога. Через неё автор регулирует ритм повествования, в её уста вкладывает любимые мысли. В каком-то смысле Валентина Ивановна – сама творец этого ночного эпизода из большой жизни, пролетающей за окнами несущегося поезда. Он начинается с её появлением и завершается, когда та выходит, чтобы остаться на одной из станций, каких тысячи в России. Писатель подчёркивает: героиня – олицетворение всякой-каждой, прожившей какую-то часть отпущенного века, пронесшей свой крест, преобразённой потерями-обретениями и что-то понявшей. Что именно? Что нужно уметь прощать. Что у любви свои идеалы, порой непостижимые для непосвящённых. Что счастье (а женское тем более) стучит лишь в тот дом, где его способны принять любым, без оговорок, всем сердцем. «Просто женщина» – донеслось из коридора. Ключевая характеристика героини. И как точно она завершает произведение. Ничего уже не ждётся. Финал. Вдруг за сценой звучит фраза, открывающая иную глубину прочитанного текста. Отличный повод, чтобы вернуться. А для тех, кто уже зван, но ещё не избран, автор устами филолога-расстриги Рождественского говорит уже без обиняков: «...Книги надо читать медленно, всё обдумывая, самое важное в хороших книгах находится между строк».

В виде коротких новелл, связанных повествовательной рамкой, построена следующая повесть «Очень добрый самаритянин». Название в какой-то степени по-леванински ироничное. Да и сам главный герой – новый русский мужичок Аркаша, по прозвищу Инъектор – олицетворяет собой современного Иванушку-дурачка, у которого судьбы веления и его хотения нечаянно сбываются наяву, а игла, хранящая жизнь Кашцеву, стала приносить реальную прибыль. Принципы существо-

вания героя предельно просты: «Совестью... не мается, проблемами не парится... логика проста, как куриная гузка, и нахальна, как почти весь российский бизнес: если от этих укольчиков ему, Аркаше, хорошо, то, значит, и замечательно». Вместе с тем он человек не злой, не обременённый багажом книжной культуры (так ведь не для всех это беда, а для кого-то и совсем даже наоборот), зато непосредственный, отзывчивый, открытый, способный впустить в себя жизнь такой, какая она есть. Для реализации авторского замысла – удачная находка: он и сюжетную канву цементирует, и позволяет увидеть мир другими глазами, в иной ипостаси.

Аркаша – чудом сохранившийся в перипетиях последних бурных десятилетий русский национальный тип. Новые веяния, к счастью, коснулись его лишь внешне, а душа осталась нетронутой, незамутнённой. За такими, как он, по сокровенной мысли автора, наше будущее. Из таких время когда-нибудь сплит нового русского Адама, способного встать, как встарь, во весь могучий рост и продолжить едва не прервавшуюся великую и самобытную историю большого народа.

В повести «Очень добрый самаритянин» находится идейно-композиционный центр книги. Он обнаруживается в диалогах между Аркашей и Рождественским. В них рассыпаны дорожки писателю мыслей, имён, ассоциаций и, самое главное, явленная в слове философско-художественная формула дороги, точнее, её самые важные грани. «Дорога, – проповедует филолог, – это то, что точно изменит тебя. И ты в любом случае вернёшься другим». Это – грань первая. Кажется, очевидность, но не всякая очевидность имеет шанс быть понятой умозрительно. А когда её открываешь путём проб и ошибок, она утрачивает статус общеизвестного факта, превращаясь в твоё и только твоё открытие очередной тайны бесконечно многообразного мира.

Грань вторая – смелость. Она же – условие успешного путешествия, если рассматривать таковое как основополагающую мифологему человеческого бытия. «Жизни не боитесь, Аркаша!» – объясняет Рождественский природный талант русского самаритянина оказываться героем всевозможных приключений. А следом, переходя на новую ступень обобщения, выдаёт нечто пророческое для героя и для всех читателей: «Дорога и судьба связаны друг с другом. Вот ещё почему многие не рискуют пускаться в путь. Смелости не хватает!»

И, наконец, квинтэссенция: «Дорога – это искушение свободой!».

Любопытен в свете сформулированной автором идеи финал повести. Судьба Аркаши, опьянённого словами случайно встретившегося в дороге мыслителя, совершает крутой поворот. Нет, он не изменяется по сути. Такая метаморфоза явилась бы отступлением от принципов художественной правды. Он остаётся всё тем же Иванушкой-дурачком, но зерно, посеянное Рождественским, прорастёт в будущих поколениях, изменит, преобразит эту стихийную, рисковую породу. «Вали, сынок! – напутствует его теперь уже бывший шеф Водоплясов. – Пора взрослеть!» Но из-за пелены обыденных дел, бытового обустройства как солнце из-за густых облаков на мгновение проглядывает мысль о дочери, для которой, в отличие от жены и падчерицы, он не отводит прагматичной роли в своих мечтах: «А Киса пусть растёт, так и быть!»

Домик из прошлого

Завершает первый жанровый блок повесть «Вне очереди», сюжетно мотивированная причудливой игрой разгорячённого дорожными наблюдениями воображения. Перед нами вновь излюбленная автором повествовательная рамка. Но используется она иначе. Создавая контраст между картинами быта заводской окраины советских времён и современного европейского благополучия, писатель задаётся вопросом о целях, а значит, о смысле жизни, без чего в какой-то момент этот дар напрасный, дар случайный может показаться тяжёлым бременем. «Вот только с целями проблема, – резюмируется в финале. – Для чего преодолевали-то? На какой алтарь эти бессчётные жертвы? И как бедному разуму тех, кто ждёт своего часа в терпеливой очереди, не поломаться, наблюдая за невероятными ухищрениями сограждан, пытающихся проскользнуть на тот свет с заднего крыльца?»

Повесть написана ярко и ёмко. При подчёркнутом её лаконизме она удивительно богата сюжетными линиями, точно и выразительно очерченными характерами, выразительными деталями эпохи. Но то, ради чего в первую очередь следует читать произведение (как, впрочем, и любое произведение Натальи Леваниной) – это, конечно, язык. Сочный, пряный, подслушанный у самих носителей, то шершавый, то обволакивающий, но всегда бьющий не в бровь, а в глаз. Стихия разговорной речи, грубо-

бесстыдного просторечия, рассыпанные то тут то там жаргонные словечки позволяют воссоздать со всей достоверностью то, что скрылось навсегда в волнах неумолимого времени.

Возьмём навскидку жанровую сценку, напоминающую эпизод из народного театра:

«– Фай, ты чё эт каку срань развесила? Верёвки тока пачкаешь!

– Не переживай, Катя! Когда твой мужик ко мне придёт, я новое застелю.

– Да тьфу, бесстыжая!

– А Митьке твоему ндравится.

И разошлись».

Талантливая зарисовка с натуры, врезавшаяся в память. Но это только во-первых. А во-вторых – экспозиция и завязка человеческой драмы со смертельным исходом в финале. И здесь, как и в целом, действует всё тот же приём контраста, заставляющий читателя ужаснуться глубине и повседневности трагедии. Но это не роковая исключительность. За спиной каждого героя произведения от рождения стоят две неизбежности – смерть и зона. А главное искушение – выбрать первое, чтобы не играть предначертанной роли вечной жертвы в безжалостном спектакле земной жизни.

Более глубоко разработана в фабульном отношении история неудачной женитьбы далёкого от грубой действительности, мечтательного интеллигента Костика, сына сельской учительницы. Первый литературно-ассоциативный ряд, выстраивающийся в сознании, уводит к известному рассказу Василия Шукшина «Жена мужа в Париж провожала». Общие контуры сюжетной схемы, природа конфликта, отдельные черты в облике героев – всё свидетельствует о намеренной и мастерски использованной реминисценции автора.

Вернёмся ещё раз к финалу. Для чего рассказаны все эти истории? К какой мысли настойчиво вёл нас автор невидимыми глазами ассоциативными тропами? А мысль проста и сильна своей простотой и конкретностью: «Уцелеть. Выжить. Сохраниться. А там Бог даст доживём и до других целей. Если доживём». Сохраниться, конечно, не только и не столько в плане физическом. Да и не так сохраниться, как сохранить. Хотя бы то, что ещё не успели потерять, рассеять в безвоздушном пространстве общества потребления. Афоризм для эффектного финала? Заметки путешественницы на полях времени? Нет. Выстраданное. Писаное по живому. Тем и ценно.

**Нина
ТУРИЦЫНА**

Николай Качинский

ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ КАЧИНСКИЙ И ШКОЛА ЕГО ИМЕНИ

Исполнилось 105 лет художнику Николаю Станиславовичу Качинскому, но вспомнить его предлагаю отнюдь не в связи с датой. Художник такого масштаба достоин памяти не только по круглым – и не очень круглым – датам.

Начнём издалека. Качинские – известная польская фамилия, достаточно вспомнить братьев-близнецов Леха и Ярослава Качинских, президента и премьер-министра Польши.

Много поляков было сослано на Урал после польского восстания 1863–1864 гг., например, в Уфе семьи Верниковских и Анджиевских впоследствии стали основателями гимназии и первой музыкальной школы. Станислав Качинский оказался в нынешней Челябинской области. Там, в селе Степном Пластовского района 9 мая 1916 года родился его сын Николай.

Станислав был архитектором, в годы репрессий он сгинул в ГУЛАГе, сын оказался в детском доме. В 18 лет с ним случилось большое несчастье: он попал под трамвай и остался без ноги. Однако потом как-то освоился с протезом и ходил без костылей и палочки.

В 20 лет Николай Качинский поступил в Свердловское художественное училище. Тогда и до середины 70-х на художественном отделении учили пять лет. Как раз перед войной Николай успел окончить училище, причём с отличием. Было не до института: началась война. Уехал в свой родной район, в город Пласт. Сам организовал при клубе изостудию, куда ходили учиться и дети, и взрослые. Видимо, профессиональные навыки он им

-
- Нина Николаевна Турицына – председатель Башкирского отделения Союза российских писателей. По специальности музыкант (фортепиано) и филолог. Пишет прозу, стихи, публицистику, драматургические произведения, занимается переводами. Автор трёх книг прозы. Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Идель», «Бельские просторы», «Эдита» (Германия), в «Невском альманахе». Шорт-листы литературных конкурсов имени Бунина, Волошина, Тургенева, Крапивина, Международного конкурса переводов «Ак Торна» («Белый журавль»).

прививал хорошие, его тогдашние ученики Анатолий Тумбасов, Зоя Недзельская, Николай Аристов стали художниками.

Выставка из 180 полотен Качинского и его учеников прошла потом в Пласте в 1978 году и называлась «Художники-студийцы военных лет», где картина Качинского «Во имя жизни» произвела ошеломляющее впечатление. Очевидцы вспоминают, что зрители плакали, глядя на девочку, изображённую на первом плане, стоящую на снегу в обмотках, согревающую замёрзшие ручки дыханием, – это было напоминание далёкому тылу об эвакуации детей на Кавказе перед наступлением немцев.

Это масштабное, многофигурное полотно Николай Качинский подарил музею Пласта.

Сразу по окончании войны художник был командирован в Берлин для документальных зарисовок. Знали его редкую нынче способность сразу схватывать и запечатлеть происходящее.

В 1945-м в Москве работал для «Окон ТАСС», потом был командирован на Кавказ и остался там на всю жизнь. Женился, родилась дочь Таня.

В 1948-м Николая Качинского приняли в члены Союза художников СССР. В Пятигорске организовал Союз художников Ставрополя. Здесь, на Кавказе, купив в 1952 году дом под Железноводском, в посёлке Иноземцево, который по величине больше города Железноводска, художник уже занимался исключительно творчеством, а не преподавательской деятельностью.

И дочь, и внучка, а теперь уже и правнучка художника занимаются изобразительным искусством: дочь была художником-оформителем, внучка – чей портрет написан им с такой любовью, Людмила Борисовна Арзамасцева, – преподаёт в художественной школе Железноводска, где учится и её 13-летняя внучка Аня.

Николай Качинский – обладатель звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», которое он получил к своему 60-летнему юбилею, и звания заслуженного художника России – к 80-летию.

Умер Николай Качинский, не дожив полгода до 90-летия, 15 октября 2015-го.

В начале мая 2006 года в Пушкинской галерее открылась его посмертная выставка. Краевая газета «Ставропольская правда» посвятила этому событию большую статью. На открытии выступали глава города Виктор Лозовой и известный художник, ученик Качинского Владимир Кузнецов. Качинского называли теперь, после смерти, легендой Железноводска. Возникла инициатива тогдашнего мэра Железноводска В.Г. Мельниковой назвать улицу его именем.

А теперь о творчестве Николая Качинского. Скажут: он писал в стиле соцреализма. А что, ему бы кто-то позволил писать в стиле кубизма (впрочем, уже вышедшего из моды) или резать полотна, как Лучо Фонтана? Написать жанровую картину, где люди изображены в сюжетной взаимосвязи с природой, на фоне городского или сельского пейзажа, – задача куда более трудная. А решать её можно разными средствами в зависимости от таланта и мастерства.

Да, Николай Качинский работал над «Ленинианой», но в советское время это было почётное задание, которое поручали лучшим. «Ходоки-ставропольцы у Ленина» входили иллюстрацией в школьные учебники истории. Но он написал и огромный цикл «По Лермонтовским местам».

Поражает, сколько дорог исходил художник (вспомним, что был он инвалидом), чтобы написать тысячи картин, жанровых и бытовых – он всё писал с натуры! Как рано надо было вставать, чтобы запечатлеть рассвет и вос-

ход солнца, игру света в пейзажах, сколько источников надо было изучать, дабы верно отразить реалии на исторических полотнах – «Киров на Кавказе», «Во имя жизни», «Трудный хлеб», «Заоблачный фронт». Последние годы он писал только лирические полотна – природу, деревья, цветы... Никакой, как принято её называть, «соцреалистической прилизанности» – у него всё дышит, всё живёт. Его знаменитая «Ромашковая Русь» покорила в 1997 году искушённых парижан и была приобретена Национальной галереей Парижа. Этот во всех статьях упоминавшийся факт меня заинтересовал: что за галерея? Оказалось, что это Grand Palais на Елисейских полях, в котором и я имела счастье побывать.

Картины Николая Качинского есть и в «Третьяковке», в запасных фондах, то есть выставляются к датам или событиям. Зато всегда они в экспозиции Ставропольского краевого музея изобразительных искусств, в Пятигорском краеведческом музее, в музее-заповеднике Лермонтова в Пятигорске, на Урале – в Нижнетагильском музее изобразительных искусств, в музее города Пласта Челябинской области, а вторая выставка там была ещё в 1982-м.

Качинский участвовал во многих районных, городских, краевых, общесоюзных выставках, его персональные выставки прошли в Академии Художеств в Санкт-Петербурге в 1992-м и в Кремле в 1994-м. Его произведения экспонировались в Англии, Франции, Германии, Греции, Италии и даже за океаном, в США. И сейчас много работ хранится в семье художника, что-то оставлено на память, что-то выставлено на сайтах продажи.

В его родном Иноземцеве на здании художественной школы – мемориальная доска с барельефом, изображающим художника.

Железноводск создал свою детскую художественную школу в 1970 году. Теперь она носит имя Николая Станиславовича Качинского. О ней следует сказать особо – школа стоит того. В городе, где нет ни театра, ни оркестра, ни настоящего большого музея (если не считать крохотный краеведческий и его филиал имени Льва Толстого), школа поистине является местом не только начального профессионального, но в полной мере эстетического воспитания. Кстати, детской её можно назвать условно: возраст учеников от 5 – и далее без ограничений. Самой взрослой – далеко за 70.

Здесь преподают не только рисунок, технику живописи, композицию, лепку – создают нынче класс керамики и ювелирного искусства, но и рассказывают – есть отдельный предмет в учебной программе – об истории искусств. Директор сам водит и возит учеников на пленэры, учит всматриваться в красоту мира, искать её в малом и повседневном.

Директорами школы в разное время были выпускник Академии художеств имени Репина график Лев Филиппович Белов, искусствовед Людмила Юрьевна Шамледина, выпускник Киевского художественного института Олег Михайлович Матвиенко.

С 1976 года бессменным директором стал выпускник Ставропольского художественного училища и Кубанского университета Алексей Фёдорович Юхтенко. Он не только много и плодотворно работающий художник – он замечательный организатор, настоящий энтузиаст. Педагоги про него говорят: «Мы молимся на него». А он в ответ: «Это я на них молюсь! Они все настоящие профессионалы, причём все пишущие, все успешно выставляют свои работы на различных выставках».

В этом году во многом благодаря его усилиям школа переехала в отреставрированное здание давно закрывшегося техникума. А теперь двухэтажное здание детской художественной школы – настоящее украшение горо-

да! Прекрасно и полноценно оборудованное, с шестью большими классами, в которых есть всё для занятий и для воспитания вкуса – с таким изяществом они оформлены. Мольберты, оборудование – всё бесплатно, равно как и обучение по программе государственной детской художественной школы, то есть 4 года, с десяти до четырнадцати. Те, кто хочет начать обучение раньше, с пяти лет, или учиться позже, платят небольшую сумму – тысячу рублей. Желающих так много, что на будущий год хотят ввести вступительные экзамены. Пока принимают всех.

Следует сказать о педагогах. Их в школе 14. Ценно, что все они – люди творческие, пишущие. У директора А. Ф. Юхтенко огромное число картин на самые разнообразные темы – пейзажи, натюрморты, жанровые. Они востребованы, их покупают. Большая персональная выставка проходила у него в ГДК.

Работы педагогов – на постоянно обновляющихся стендах Пушкинской галереи. Виктор Михайлович Загорный создаёт целую серию работ в очень трудной технике сепии по старым фотографиям Железноводска, а молодой педагог Людмила Михайловна Гайворонская пишет эти же места, но так, как они выглядят теперь. Она участвовала в выставке, посвящённой Индии, и её работы так приглянулись организаторам, что её пригласили сделать персональную выставку в Дели. Сейчас она увлеклась новой техникой эбру – живопись на загущенной воде. Глаз не оторвать от ярких работ Александра Николаевича Великородного, Юрия Сергеевича Шереметьева. Александр Иванович Плужников – главный дизайнер Железноводска, участник многих зарубежных выставок. Но, безусловно, главная гордость любой школы – её ученики. Таня Поцелуева учится теперь в Петербургской академии имени Репина, Аркадий Еланов – в Суриковском институте в Москве, Виктор Сухенко – в Киевской академии художеств. Знаменитыми гостями школы были художник, уроженец Уфы Юрий Ракша, поэты Андрей Вознесенский, Расул Гамзатов, режиссёр Станислав Говорухин.

Вот такой бесценный очаг искусства в маленьком, но знаменитом городке-курорте Железноводске.

Николай Качинский

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Художник – Н. С. Качинский.

Подписано в печать 20 июня 2022 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2022 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/20062

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2022.

© «Волга–XXI век», 2022.

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ КАЧИНСКОГО

«Астры»

Художественная школа
имени Николая Качинского.
Ольга Казакова, заведомом культуры,
директор школы Алексей Ющенко

Николай Качинский. «Полевой букет»

